

СЕРГЕЙ АКСУ

Приключения Торбеллино

Сергей Аксу

Приключения Торбеллино

«Издательские решения»

2013

Аксу С.

Приключения Торбеллино / С. Аксу — «Издательские решения»,
2013

ISBN 978-5-44-742895-2

Трилогия «Приключения Торбеллино» — это захватывающая история о приключениях юноши, который живет в стране, где правит жестокий диктатор. Торбеллино — связной отряда повстанцев. Сыщики шефа тайной полиции Рабиозо сбились с ног, охотясь за ним. На долю героя выпадает много приключений и суровых испытаний. Он и галерный раб у пиратов, и пленник разбойника Бласфемо, и защитник замка Ариозо, и отважный воздухоплаватель...

ISBN 978-5-44-742895-2

© Аксу С., 2013

© Издательские решения, 2013

Содержание

Сокровища капитана Малисиозо	6
Глава 1. Рассказ старого моряка	7
Глава 2. Западня	10
Глава 3. История Торбеллино	14
Глава 4. Через Великую Пустыню	16
Глава 5. В плену у номадов	18
Глава 6. Торбеллино продан в рабство пиратам	23
Глава 7. Тяжелая жизнь гребца галеры	26
Глава 8. Пролив Кошмаров	29
Глава 9. В плену у Малисиозо	31
Глава 10. Остров Сундуков или тайна Малисиозо	34
Глава 11. Полосатый разбойник	37
Глава 12. Малисиозо и его ученики	40
Глава 13. Прогулка к пещере Малисиозо	45
Глава 14. Торбеллино в Фараоновой Долине	49
Глава 15. Форт Теруро. Краснокожие братья	54
Глава 16. Трайдор	58
Глава 17. Город Мейби	61
Глава 18. Старый Галс и Джой	64
Глава 19. Два сердца	68
Глава 20. Венто и Флай	71
Глава 21. Вольный город Силенто	73
Глава 22. Чудак Себастьяно выручает	76
Глава 23. Кофейня Грубияна Рудо	81
Глава 24. Фалсо и Торбеллино	86
Глава 25. Шеф тайной полиции	92
Глава 26. Замок Ариозо	95
Глава 27. Венто приходит на выручку	101
Глава 28. Город Ноузгей	105
Глава 29. Бласфемо или сделка с дьяволом	107
Глава 30. Три брата. Венгадор	112
Глава 31. Крепость Мейз	116
Глава 32. Дерзкий побег	119
Глава 33. Колдун Френеза-Дио	121
Глава 34. Подземная река	124
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Сокровища капитана Малисиозо Первая книга трилогии

Глава 1. Рассказ старого моряка

В кабачке «У Веселого Джастина», что недалеко от Мрачной Башни на Улице Оружейников, как всегда, былолюдно и шумно. Почти все длинные дубовые столы были заняты посетителями. Кого только здесь не было. Простой люд: ремесленники, каменщики, молочники, торговцы, поэты, художники, бродячие музыканты любили посидеть здесь за кружкой пива или вина и скоротать вечерок, поболтать о жизни, о женщинах, о своих житейских проблемах или просто излить кому-нибудь душу.

Ловко лавируя меж столами, в белых фартуках с глиняными кружками и блюдами бегала четверка шустрых помощников хозяина, который, вооружившись длинной вилкой и огромным острым ножом, колдовал на своем почетном месте, у раскаленной жаровни. Хозяин кабачка, толстый, никогда не унывающий балагур Джастин, пользовался у горожан всеобщей любовью и уважением. Он никогда ни на кого не повышал голос, никогда никто от него не услышал грубого слова. Тех, у кого не было денег, он угощал и кормил в долг. И никто из должников, надо отметить, его ни разу не обманул.

В дальнем углу кабачка за небольшим столом, похоже, надолго обосновались седой пожилой моряк и молодой крепкий юноша с открытым лицом и непослушной копной темных волос. Юношу звали Торбеллино. Читатели, запомните его имя. Это наш главный герой. Да, да, именно этот молодой парень лет восемнадцати, наш герой. Несмотря на молодость, он – активный член одной из пятерок подпольной организации, которая ведет упорную борьбу с ненавистным режимом диктатора Трайдора.

Торбеллино почти полдня проторчал в гостеприимном заведении добряка Джастина в ожидании связного из отряда южных повстанцев, который, как назло, неизвестно куда запропастился. Он должен был еще сегодня утром доставить в столицу свежие сведения от Криса, командира отряда.

Собеседник юноши, судя по полосатой тельняшке и бушлату, а также кирпичному обветренному лицу и крепким мозолистым рукам, принадлежал к когорте моряков. Он был уже навеселе, когда «причалил» к столику, за которым со скучающим видом сидел Торбеллино. Морскому волку не терпелось кому-нибудь излить наболевшую душу, он в лице Торбеллино нашел благодарного внимательного слушателя.

Подвыпивший моряк, отхлебнув из кружки терпкого вина и затянувшись трубкой, продолжил прерванный рассказ.

– Слушай, паренек, и запоминай. Когда мятежники ворвались в разгромленный пушечными залпами дворец, наш правитель, мудрейший Синсеро, был уже мертв. Он погиб, как настоящий герой, с оружием в руках, защищая нас, простых людей. А мы его не поддержали, не пришли в трудную минуту на помощь.

– Почему не поддержали?

– Потому что это случилось неожиданно, никто в начале ничего не понял, а потом уже было поздно браться за оружие и выходить на улицы. Жалкие остатки уцелевших гвардейцев бежали в дикие горы, лишь там можно было найти спасение от кровавых рук предателя Трайдора. Они до сих пор там скрываются, изредка делая вылазки против правительственных войск. То же самое произошло и на боевых кораблях, что стояли на рейде напротив Ноузгея. Как только из столицы прискакали тайные гонцы с вестью о путче, адмирал Гавилан, один из организаторов подлого заговора, приказал тотчас же поднять на флагмане мятежный стяг, а со всеми непокорными офицерами и матросами жестоко расправиться.

Юноша заморожено слушал бывшего собеседника, потягивая из бокала ароматный чай.

– Эй, малый! Еще вина! – стукнув кружкой по столу, крикнул пожилой моряк, подзывая одного из молодых людей, обслуживающих посетителей.

– Лишь шесть кораблей не подчинились приказу Черного Адмирала, и только одному из них удалось невредимым вырваться из пламени сражения. Это был бриг «Звездный», бриг капитана Дью, который воспользовавшись, дымовой завесой, сумел незаметно проскользнуть сквозь заслон из кораблей мятежной эскадры в Триумфальное Море.

Вдруг лицо старика прямо на глазах постарело, он рукавом бушлата стал вытирать слезы, которые потекли по обветренным щекам. Он вновь раскурил погасшую трубку и вернулся к воспоминаниям:

– В этом заливе и нашел последний приют мой сын Скифф со своим «Ослепительным». Он был капитаном. Не было лучше и быстроходнее судна, чем его бриг. Из всего экипажа спаслись только молодой моряк Вела и штурман Валеросо, они и поведали мне о последних минутах жизни моего сына, моей опоры, моей гордости. А бедняжка Джой, моя внучка, стала сиротой!

Горестно вздохнув, старик потянулся к оловянной кружке с вином.

Тут на ступенях лестницы, ведущей в зал, появился высокий грузный мужчина лет сорока, судя по одежде и матросской шапочке, бывший моряк. Он внимательно окинул присутствующих зорким взглядом и, заметив старика, направился напрямик к нашим собеседникам. Мужественное открытое лицо его приветливо озарилось улыбкой.

– Вот ты, оказывается, где пришвартовался, морской волчище! Отличная тихая гавань! – громовым голосом возвестил он о своем присутствии.

– А, это ты, дружище Анкоро. Похоже, я тут слегка заговорился.

– Вставай, старина, нам пора сниматься с якоря!

– Ох, и достанется мне от Джой на орехи, ведь мы собирались вечерним дилижансом выехать в Ноузгей, где на рейде ждет наш добрый шлюп.

– Джой уже места себе не находит, волнуется! Я обещал тебя доставить в целости и сохранности к «родному причалу». Ты, парнишка, извини, что я похищаю твоего приятеля.

Мужчина помог старому моряку подняться из-за стола и, бережно поддерживая, повел его к выходу, по пути ловко бросив монету трактирщику, который ее также ловко поймал.

Торбеллино вновь остался в одиночестве, в душе сожалея, что потерял такого интересного собеседника. Юноша хорошо знал эту отнюдь не лучшую часть истории своей страны, о которой поведал старик, так как состоял в одной из повстанческих организаций, которые направлял Комитет Четырех. Более зрелые и опытные товарищи рассказывали ему о печальных событиях, что произошли пятнадцать лет назад в Бельканто, очевидцами и участниками которых они были.

Организовав подлый заговор и захватив власть в свои руки, генерал Трайдор провозгласил себя правителем страны. Всех неугодных новому режиму и недовольных согнали на Поле Искусств, которым так славилась столица. Поле Искусств, где в праздники устраивались состязания художников, певцов, музыкантов, поэтов, ремесленников, превратилось в гигантскую тюрьму под открытым небом. Всех убитых и замученных прислужники предателя, чтобы замести следы своих злодеяний, сбрасывали в мутные воды реки Браво. Часть верных присяге гвардейцев была заключена в неприступную мрачную крепость Мэйз, другая часть пленников отправлена на каторгу, на остров Зеленый Ад, расположенный на востоке страны за Проливом Туманов.

Остров на юго-востоке представлял собой на самом деле сущий ад. С одной стороны он был окружен отвесными, безжизненными скалами, где даже птицы не гнездились, а с другой стороны раскинулись зловонные болота и непроходимые джунгли. В этом малярийном краю, где свирепствовали болотная лихорадка, мириады ядовитых moskitov и мух и прочая всякая нечисть, Трайдор устроил каторгу, куда ссылал непокорных и сторонников свергнутого прави-

теля Синсеро. Вот сюда в этот мерзкий уголок и был отправлен храбрый лейтенант Дуэло и его товарищи. А командира гвардейцев полковника Осадо пожизненно заточили в крепость Мэйз, где он томится и по сей день. Но гордый дух его не сломлен, он и из темницы продолжает руководить отрядами повстанцев, которые укрываются в горах и не дают спокойно спать диктатору и его придворной клике. Над страной нависла мрачная тень генерала Трайдора. Народные праздники были запрещены, все свободомыслящие люди арестованы и брошены в темные застенки.

Глава 2. Западня

Торбеллино еще раз напоследок окинул внимательным взглядом гудящий, словно пчелиный улей, кабачок, расплатился и вышел на Улицу Оружейников. Связной из отряда повстанцев так и не появился. Постояв в раздумье под ярко намалеванной вывеской заведения, он решил заглянуть на одну из явочных квартир, к своему давнему другу, учителю Тиче, который был автором почти всех революционных воззваний Комитета Четырех. Идти на явочную квартиру среди бела дня было рискованно, потому что уже довольно продолжительное время учитель не давал о себе знать. Вполне возможно, что его арестовали диктаторские ищейки. Но выхода не было, отряду необходима была надежная связь с комитетом, как жаждущему в знойной пустыне глоток воды. Побродив несколько часов по набережной, ближе к вечеру наш герой отправился на явочную квартиру. По пути юноша заглянул в небольшую кондитерскую, что располагалась на углу пересечения улиц Цветочной и Жемчужной, где купил для отвода глаз большой торт. Понаблюдав какое-то время за домом и не заметив ничего подозрительного, Торбеллино, бережно держа перед собой коробку с тортом, начал подниматься по скрипучей лестнице на второй этаж, где обитал друг.

Вдруг мимо него сверху скатилась вниз со свистом и улюлюканьем ватага раскрасневшихся взлохмаченных сорванцов, лихо размахивающих луками со стрелами и деревянными саблями. Молодой человек со своим «драгоценным грузом» чудом увернулся от шайки озорников. Очувтившись у заветных дверей, он уже без волнения привычно дернул несколько раз знакомый шнурок звоночка. За дверью послышались шлепающие тяжелые шаги, дверь широко распахнулась. Перед ним возникла знакомая дородная фигура служанки учителя, вечно чем-то озабоченной Анджеллины.

– Вас уже заждались, – недовольно пробурчала она в ответ на приветствие, окинув гостя злыми черными глазками. Сунув ей в руки шляпу, Торбеллино через маленькую уютную гостиную направился в кабинет хозяина. Очувтившись в знакомом кабинете, заставленном книжными шкафами, он остолбенел... Перед ним за массивным письменным столом восседал, развалившись в кожаном кресле и поигрывая изящной тростью... Кто? Как вы думаете? Известный на всю столицу – агент тайной полиции Восто! На его вытянутом гиеноподобном лице торжествующе сияла ехидная улыбка.

– Аа...! Попалась наконец-то, долгожданная рыбка! Давненько мы вас ждем, дражайший господин Акробат! – начал он изгаляться над пойманным подпольщиком. – Ну-с, поведайте нам, простым обывателям, как вам живется там, высоко в горах? Не скучаете по городскому шуму, по прекрасным паркам и фонтанам, по столичным развлечениям?

Торбеллино растерянно оглянулся, за спиной неподвижно, как каменные истуканы, маячили две здоровенные фигуры в черном. Их крепкие ладони одновременно опустили ему на плечи, без слов давая понять, что его песенка спета. В руке одного из жандармов жалобно поблескивали наручники, приготовленные для его скромной персоны. Он в полном отчаянии бросил взор на открытое окно, где на высоком подоконнике мирно стоял цветочный терракотовый горшок с распутившимися желтыми розами, который невольно ввел его в заблуждение.

Обычно, когда не грозила опасность, учитель Тиче выставлял его на окно, это был условный знак для подпольщиков, который означал, что все в порядке, опасности нет, можно входить. Неожиданно бедному юноше пришла спасительная мысль. Состроив несчастную физиономию, он плаксивым тонким голосом заголосил на весь кабинет:

– Господин полицейский, я тут не причем! Меня заставили! Я вам все расскажу! Только не сажайте меня в тюрьму! Клянусь мамочкой и папой, я не виноват! Это все они!

– Отпустите его! – довольный Восто сделал королевский знак рукой подручным. Он торжествовал, упиваясь своим могуществом и гениально проведенной операцией. Тщательно

спланированная им засада увенчалась грандиозным успехом: схвачен еще один подпольщик, один из связных повстанческого отряда.

– Я тебя внимательно слушаю, сопливый мальчишка! Ну-ка, быстренько выкладывай все, как на духу! Где скрывается проклятый Крис и его люди?! Я же вижу по твоей физиономии, ты знаешь, где они! Смотреть! Смотреть мне в глаза! И не смей ничего утаивать, жалкий слизняк!

– Я все расскажу без утайки, господин полицейский! – продолжал «плакаться в жилетку» пойманный юноша. – Я отвечу на все ваши вопросы! Я не хочу в тюрьму! Моя бедная мамочка не переживет!

Торбеллино, усыпив бдительность врагов своим убитым несчастным видом и жалобным нытьем, стремительно сделал шаг к столу, заваленному бумагами, как бы в порыве раскаяния. Оказавшись напротив сыщика, он с силой швырнул коробку с кремовым тортом в ухмыляющуюся рожу жандарма. В следующий миг он уже был на высоком подоконнике и, смахнув ногой злосчастный цветочный горшок, прыгнул вниз на булыжную мостовую.

– Аа-а! Проклятие! – вопил в бешенстве Восто, бегая по кабинету кругами, будто слепой таракан, натываясь на мебель, размазывая по лицу липкий шоколадный крем с нежными розочками, пытаясь разлепить глаза.

– Поймать мерзавца!! Сгною!! Запорю!!

Торбеллино мчался по узким извилистым улочкам и переулкам, не разбирая перед собой дороги. Редкие прохожие в испуге шарахались от него. Где-то далеко за спиной слышались топот, крики, полицейские свистки... Свернув в один из переулков, он через несколько десятков метров уткнулся в непреодолимую преграду, которая представляла собой высокую кирпичную стену, высотой около четырех метров, увитую сверху плющом.

«Черт возьми! Это же тупик! Я, похоже, здорово влип!» – мелькнуло у него в голове.

Громкий топот преследователей неумолимо приближался. Торбеллино, сжимая кулаки, обернулся к врагам лицом, чтобы вступить с ними в решительную схватку.

Уже вечерело. Полумрак опустился на и без того мрачноватый темный тупик. Юношу окружали шестеро, одетых в черные сюртуки, дюжих полицейских из тайной охраны Рабиозо.

Перед юношей был только один выход: во что бы то ни стало изловчиться и прорваться через плотный вражеский заслон и бежать во все лопатки, пока не станет совсем темно. Тогда будет легче где-нибудь затеряться и укрыться в укромном месте от ищеек Трайдора.

Вооруженная до зубов свора жандармов подступала к нашему герою все ближе и ближе. Один из них, ухмыляясь, демонстративно позвякивал извлеченными из кармана наручниками, другой насвистывал популярную городскую песенку.

– Попался! – бросил, еле переводя дух, высокий с бегающими черными глазками.

– От нас не уйдешь! – добавил тот, что был с наручниками. – Ишь, нашел от кого убежать! Ну-ка, показывай свои белые ручонки, мы их украсим симпатичными браслетиками!

Переодетые полицейские, переглянувшись, дружно засмеялись шутке товарища.

Молодой фрид метнулся было в сторону, но тут произошло непредвиденное...

Один из агентов, среагировав на резкое движение юноши, выстрелил в беглеца из пистолета. Торбеллино не слышал звука выстрела, так как был в состоянии шока от страшного удара в живот. На какое-то время отключился, потеряв сознание. Его неведомой силой отбросило к кирпичной стене, и он от адской боли, пронзившей все тело, переломился пополам и рухнул на землю.

– Силбато! Какого черта ты стрелял?! – с бранью накинулся на стрелявшего старший группы. – Мы же его, можно сказать, уже взяли!

– Идиот, ты убил его! У тебя мозги заклинило, что ли?!

– Ты совсем с ума спятил? – покрутил пальцем у виска агент с наручниками.

– Силбато, у тебя все дома? Мы несколько дней просидели в засаде, а ты все наши усилия в раз перечеркнул!

– Ну и что? Одним революционером на свете только меньше стало, – невозмутимо отозвался виновник, пряча оружие в карман.

– Теперь Восто точно с нас три шкуры сдерет, ему этот парень нужен был для допросов живой и невредимый!

– Скажу, что преступник оказал яростное сопротивление, – огрызнулся молодой Силбато, которого достали упреки товарищей, – что набросился на меня и стал душить, что у меня не оставалось другого выхода, пришлось его застрелить.

– Хорошо, так и скажем шефу, что проклятый бунтовщик чуть не задушил тебя, но с тебя, приятель, причитается.

– Сегодня надо будет отметить в кабачке «Последний приют» твой героический подвиг, Силбато!

– Какие могут быть разговоры, друзья? Конечно, отметим! Я не против! – отозвался погрустневший полицейский, представив, на какую кругленькую сумму ему придется раскошелиться, угощая вином сослуживцев. И все из-за необдуманного поступка. И черт его дернул нажать на курок...

Преследователи подошли к неподвижно лежавшему беглецу.

– Готов! – один из агентов, тронул ногой тело юноши. – Наповал!

– Отличный выстрел, Силбато!

– Кто б сомневался? – отозвался с ноткой гордости стрелок.

– погоди, погоди, наш подопечный, кажется, шевелится! Ты всего лишь ранил его!

Торбеллино застонал и попытался поднять голову.

– Это замечательно! Братцы, считай премия шефа у нас в кармане!

Полицейские склонились над ожившим беглецом. Они подняли и, приведя в чувство, усадили юношу, прислонив спиной к стене.

Неожиданно на гребне стены раздался шорох, и прямо на их головы свалилось что-то большое, черное... Одновременно ошеломив и чуть живого юношу, и его грозных противников. Никто ничего не понял, никто ничего не разобрал в вечернем сумраке. Посыпались направо-налево глухие быстрые удары... Полицейские, охая, отлетали в стороны, словно сбитые кегли, и падали без чувств. Силбато выхватил пистолет, но выстрелить в нападавшего не успел, потому что получил такой удар в лоб, что из глаз посыпались звездочки. Через несколько секунд все было кончено, агенты валялись на мостовой, еле подавая признаки жизни.

Насколько полумрак позволил Торбеллино рассмотреть своего спасителя, это был невысокий молодой человек, одетый в черный просторный балахон с капюшоном, с бледным лицом и узким разрезом глаз.

– Беги! Пока они не очухались! – бросил странный незнакомец и, стремительно метнувшись к стене, в одно мгновение вскарабкался по ней, как испуганная кошка, и исчез в темной кроне высокого тополя, растущего за стеной.

Торбеллино не заставил себя долго упрашивать, он со стоном поднялся и, следуя совету спасителя, побежал, насколько позволяла пронизывающая боль. Подальше от коварного тупика и своих еще не пришедших в себя преследователей. Юноша позволил себе передохнуть только лишь через несколько кварталов, перебравшись по ярко освещенному фонарями Мосту Влюбленных на другой берег реки. На крохотной площади Трех Героев, недалеко от своего дома, он, отдышавшись, ополоснул лицо в прохладной воде из журчащего фонтанчика. Присел на гранитный парапет у памятника и задумался о случившемся.

«Выходит, учителя Тиче арестовали. А его, Торбеллино, теперь знают в лицо и уже разыскивают ищейки Рабиозо, раз он попался на глаза самому Восто, одному из самых опытных

жандармов сыска. Теперь надо быть предельно осторожным. Возможно, даже придется загримироваться или носить парик, чтобы его не узнали. Если бы они его схватили, ему бы точно светило местечко на проклятой каторге, ведь под рубашкой у него была спрятана пачка листовок. Одной такой листовки вполне достаточно, чтобы отправиться навсегда на Остров Зеленый Ад. А тут – целая пачка! Пачка, которая сохранила ему жизнь. Пуля, выпущенная из пистолета полицейского Силбато, не смогла ее пробить и застряла в середине. Потом он вспомнил странные обстоятельства своего чудесного спасения. Интересно, кто же он, его спаситель? Кто этот молодой человек в черном балахоне, который так запросто разделался с шестью здоровыми полицейскими? Откуда он взялся? Не с неба же, в конце-то концов, свалился им на головы?»

Глава 3. История Торбеллино

Торбеллино родился и вырос в городе фридов – Брио. Фриды – гордый и мужественный народ, они были прекрасными кораблями и отважными моряками. Наш герой очень рано лишился родителей. Ему было всего три года, когда страшная эпидемия многих осиротила в портовом городе Брио. На долю маленького мальчика, жившего на Улице Отважных Штурманов, выпали нелегкие испытания. Кем он только не работал, чтобы поддержать себя и старенькую больную бабушку. Был чистильщиком обуви, продавцом газет, посудомойщиком, официантом, сапожником, рыбаком, грузчиком, юнгой на военном судне... После смерти бабушки подросток решил отправиться за счастьем в столицу страны, в Бельканто. По дороге ему повстречался бродячий цирк. Хозяину цирковой труппы, старому хромоту Бемсу, чем-то приглянулся этот ловкий смысленый мальчишка. И он решил всерьез заняться им и сделать из него настоящего артиста шапито.

Первые уроки Торбеллино не мог вспоминать без содрогания. Бемсу пришла гениальная идея: сделать из него классного шпагоглотателя. Он, не откладывая в долгий ящик эту затею, тут же приступил к обучению мальчика. Профессионал брал маленький кусочек сала, привязывал к нему тонкую веревочку и заставлял ученика глотать, а потом тихонько за веревочку начинал вытягивать сало обратно наружу. Затем, когда его упражнения с салом стали для паренька привычным делом, в ход пошла гладкая тонкая длинная палочка, которая играла роль шпаги... Старый циркач пропихивал ее через глотку в желудок юному ученику. Со временем, когда Торбеллино стал достаточно натренирован, они перешли к настоящим шпагам. Он великолепно жонглировал, знал множество увлекательных фокусов, был превосходным канатоходцем и ловким воздушным акробатом. Мальчик стал сыном и душой небольшого веселого коллектива шапито. Днем он ходил в школу, а вечером выступал на манеже вместе со своими друзьями. С бродячим цирком Торбеллино исколесил вдоль и поперек всю страну, люди во всех уголках ее были свидетелями его головокружительных акробатических трюков под куполом цирка. Частенько танцуя на натянутом, как струна, канате с веером или зонтиком в руках, юный канатоходец исполнял сатирические куплеты про жестокого правителя Трайдора и его приспешников.

– Ой, сынок, смотри, доиграешься! Когда-нибудь тебя арестуют за твои колкие стишки и посадят надолго в темницу, помани мои слова, – неоднократно предупреждал любимого ученика старый мудрый Бемс.

– Не беспокойтесь, дядюшка Бемс! Все будет хорошо! – отвечал, улыбаясь, подросток.

– Торбеллино, эти твои невинные шалости добром не кончатся, – говорил ему друг, цирковой жонглер Тибальдо.

– Я горжусь тобой, братишка, – как-то сказала, обнимая его, жена жонглера, красавица Франческа. – Только прошу тебя, будь осторожен.

Хрупкая Франческа была наездницей. Девушка на полном скаку запрыгивала на скачущую лошадь, танцевала на ней и проделывала головокружительные сальто. Она обожала своего мужа и баловала Торбеллино, которого называла своим младшим братом.

Жизнь ведь состоит не только из белых полос. Несчастье не заставило себя долго ждать. Два года тому назад в шестнадцатилетнего циркача, находившегося высоко под куполом цирка, во время представления выстрелил из пистолета один из сторонников диктатора. Офицер пришел в ярость от едкой песенки, прозвучавшей из уст воздушного акробата.

Раненый Торбеллино, как подстреленная птица, упал с трапеции вниз. Под крики перепуганной публики его бесчувственное тело унесли с манежа. Друзья, как на бога, с надеж-

дой смотрели на доктора, который пытался облегчить страдания разбившегося юноши. Но тот с унылым видом только развел безнадежно руками.

При падении с большой высоты юный акробат серьезно повредил позвоночник. По заключению доктора Торбеллино был обречен до конца своих дней на неподвижность. Но не таков оказался наш Торбеллино. Полгода он пролежал на кровати, глядя в белый потолок, окончательно смирясь с незавидным положением. Но однажды, когда в комнату снаружи донеслись непередаваемые дурманящие запахи пробуждающейся весны, птичье звонкое щебетанье, веселые детские голоса, ему захотелось приподняться и выглянуть в окно. Но он смог только слегка пошевелить пальцами рук, и это его сильно удивило. Окрыленный этим неожиданным для себя открытием, он начал усиленно пытаться шевелить пальцами, рукой. Спустя некоторое время ему это удалось. Благодаря систематическим и настойчивым тренировкам, юноша быстро добился удивительных результатов. Через полгода упорных изнуряющих занятий гимнастикой он смог уже понемногу самостоятельно передвигаться по маленькой комнатке. Торбеллино занимался до седьмого пота, не жалея себя, не давая себе никаких поблажек, испытывая при этом страшные боли в спине и конечностях. И наконец, наступил тот счастливый день, когда он вернулся к своим друзьям в цирковую труппу и снова вышел на манеж под бурные аплодисменты восторженной публики.

Но вскоре их дороги разошлись. Он покинул шапито доброго дядюшки Бемса. Судьбе угодно было свести Торбеллино с подпольщиками, патриотами страны, непримиримыми борцами за свободу, которые посвятили свою жизнь борьбе с проклятым диктатором Трайдором и его режимом. Вначале он выполнял в подпольной организации всякие мелкие поручения, помогал печатать и распространять листовки, потом ему стали доверять более серьезные важные задания. Он стал связным между повстанческими отрядами и подпольным центром в Бельканто.

В этот раз ему поручили важное задание: добраться до вольного города Силенто. Там выйти на связь с легендарным капитаном Дью, командовавшим кораблем «Звездный», и осуществить доставку оружия, боеприпасов, медикаментов на горную базу повстанцев, находящуюся в горах в заброшенном замке Ариозо. Комитетом Четырех было решено, что Торбеллино с торговым караваном пересечет Великую Пустыню и в Силенто свяжется с надежными людьми.

Глава 4. Через Великую Пустыню

В караван-сарая, что расположился у южных городских ворот Бельканто, среди шумной пестрой толпы торговцев, гор огромных тюков с товарами, горластых погонщиков и вечно жующих верблюдов, Торбеллино без труда разыскал Скупого Юсуфа, хозяина каравана, отправлявшегося в города Силенто и Веер-Блу.

Сморщенный, как сушеная груша, поджарый Юсуф восседал на ковре, поджав под себя свои худые ноги, и с задумчивым видом курил кальян. На нем был ватный полосатый халат, перетянутый широким поясом. В народе поговаривали, что в его поясе спрятано целое состояние, что он набит золотыми монетами. На голове купца красовалась, несмотря на его богатство, замурзанная, выдавшая виды чалма. О его скупости в столице ходили легенды.

– Хорошо, уважаемый, так и быть, возьму тебя младшим погонщиком, – внимательно окидывая своими хитрыми маленькими глазками крепкую статную фигуру юноши, проворчал скрипучим голосом купец. – Но только рассчитывай на двадцать монеро, больше я тебе заплатить не могу.

– Я согласен, – ответил Торбеллино, с трудом скрывая нахлынувшую радость, хотя прекрасно знал, что настоящий погонщик получает не меньше восьмидесяти монеро за тяжелый переход через знойную пустыню.

– Эй, Саид! Саид! Чертенок!

– Я здесь, хозяин! – живо откликнулся почерневший от загара паренек, неожиданно появившийся неведь откуда под навесом.

– Саид, этот юноша – наш новый погонщик, покажи ему верблюдов покойного Мустафы, научи управляться с ними да приодень его подобающим образом, а то он в своей городской одежке ноги протянет в первый же день пути.

– Хорошо, хозяин!

Маленький юркий Саид, похожий на чертенка, отвел нашего героя к верблюдам, которые, уже навьюченные огромными тюками, мирно лежали у высокой стены караван-сарая. Подробно объяснив юноше его обязанности и показав, как управляться с животными, он помог ему приобрести в одной из лавок просторную белую одежду погонщиков, предохранявшую от лучей палящего солнца.

– А почему мы до сих пор не трогаемся в дорогу, пока стоит прохлада? – расположившись у костра, поинтересовался Торбеллино у своего соседа, который радушно предложил ему фарфоровую пиалу с ароматным чаем.

– Дело в том, приятель, что наш путь лежит мимо заброшенного форта Адиос, где обосновалась шайка безжалостного разбойника Бласфемо. Сейчас ждем известий от своих разведчиков, следящих внимательно за фортом. Если они сообщат, что злодеи только что вернулись в свое логово после очередного разбоя, можно будет каравану смело трогаться в путь, так как уставшие разбойники после ночного набега лягут отдыхать и уже не станут охотиться за нашим караваном.

На рассвете на светлеющем небе стали меркнуть редкие звезды. Караван-сарай в один миг ожил и стал похож на растревоженный большой муравейник. Забегали, засуетились люди, округа огласилась ржанием лошадей, громким щелканьем бичей, резкими окриками погонщиков, разноголосым лаем бродячих собак...

Когда первые лучи солнца выглянули из-за далеких холмов, погруженных в туманную дымку, караван уже приближался к полуразрушенному форту Адиос. Неожиданно раздался пронзительный разбойничий свист, далеко разнесшийся в неподвижном чистом утреннем воздухе. Это один из дозорных на крепостной стене заметил цепочку медленно бредущих верблю-

дов, груженных тюками с товарами и бурдюками с водой. Но никто из дерзкой шайки даже ухом не повел, так как все страшно притомились после ночной вылазки на большую дорогу. Разбойники во главе с лысым Бласфемо после сытного позднего ужина и большой чарки крепкого вина беспробудно спали в Мраморном зале, расположившись у ярко пылающего камина.

Караван, благополучно миновав опасное место, углубился в бескрайнюю безжизненную Великую Пустыню, которая раскинулась перед ним словно светло-желтый ковер. Впереди на резвом вороном коне в белой чалме ехал Скупой Юсуф, рядом с ним на крепких мулах Старый Рахмат и Карим, богатые купцы шелками и пряностями. Торбеллино, покачиваясь из стороны в сторону на верблюде, с интересом смотрел вокруг. Он впервые очутился в настоящей пустыне, ему все было в диковинку: и стада пугливых антилоп, и высокие песчаные барханы, и сухие одинокие деревца у заброшенных редких колодцев, и пересохшие русла ручьев и рек, и наблюдавшие за караваном неподвижные вараны, выползшие на охоту из своих нор...

Нестерпимо палило знойное солнце, мучила жажда, на зубах поскрипывали песчинки. На второй день караван вышел на брошенный Мертвый Город. Когда-то это был большой город с красивыми дворцами и храмами, в котором процветали различные ремесла и торговля. Потом он пришел в упадок, и люди ушли из него навсегда. Теперь в нем хозяйничали солнце и обжигающий ветер. Ходили легенды о том, что жители города потревожили духов пустыни. И те разгневались на них. Частые песчаные бури и постоянные проблемы с питьевой водой вынудили жителей навсегда покинуть красивый богатый город. Колодцы высохли, растительность и живность погибла. Вскоре он опустел, и барханы похоронили его под толстым слоем песка.

Маленький Саид на привале за чаем рассказал Торбеллино, что раньше сюда часто навывались искатели сокровищ и даже многие из них находили что-то ценное в развалинах, то ли драгоценности, то ли древние книги... Но после того, как неизвестно куда пропало несколько групп таких «копателей», желание искать приключения в Мертвом Городе у многих любителей старины улетучилось.

К вечеру третьего дня пути поднялся сильный ветер. Заходящее красное солнце скрылось за желтым облаком пыли. Верблюды испуганно сбились в кучу. Погонщики уложили животных на песок и закутали свои лица чалмами. Приближалась песчаная буря. Мгновенно стемнело, будто наступила ночь. Дышать становилось с каждой минутой все труднее и труднее. Сильные порывы ветра налетели неожиданно, с пронзительным оглушающим свистом рвали с людей одежду, валили с ног. Неумолимые песчинки секли лицо, забиваясь в глаза, уши, нос... Торбеллино, закутавшись в накидку с головой, прижался к лежащему на песке верблюду. Спустя час бешеные завывания и резкие порывы безумного ветра стихли. Буря окончилась также внезапно, как и началась. Юноша, отряхнувшись, осмотрелся: в полумраке виднелись неподвижные силуэты верблюдов и скорчившихся людей, наполовину засыпанных песком.

Наступила ночь, прохладная непроглядная мгла опустилась на безжизненную пустыню. Люди, кутаясь в теплые одежды, от холода спасались у наспех разведенных костров. После скудного ужина Торбеллино, удобно устроившись рядом с Саидом на кошме у огня, прислушивался к разговорам бывалых погонщиков и наблюдал за живой игрой язычков яркого пламени. Он не заметил, как задремал. Ему приснился родной цирк: Франческа, танцующая на лошади, Тибальдо, жонглирующий цветными кольцами и зажженными факелами, добрый дядюшка Бемс...

Глава 5. В плену у номадов

Очнулся юноша от грубого окрика, который заставил его вздрогнуть.

– Вставай, бездельник! – совсем рядом визгливо орал торговец, бесцеремонно пиная спящего Саида в бок. – Немедленно седлай коней!

Маленький погонщик вскочил как ошпаренный и стремглав бросился исполнять указания сердитого хозяина, который с утра был явно не в духе. Караван засуетился, готовясь к дальнейшему переходу. После непродолжительной молитвы погонщики расположились завтракать у костров. Вдруг, словно привидение, на вершине ближайшего бархана появилась группа вооруженных всадников. Это было так неожиданно, что все в каком-то оцепенении продолжали сидеть у костров, глядя на незваных гостей, как на мираж.

– Номады! Номады! – встрепенувшись, завопил Саид, вскочил на ноги и швырнул пиалу с чаем в костер. – Мы погибли!

Маленький погонщик и остальные бросились к верблюдам в поисках оружия. Всадники с громким пронзительным свистом и улюлюканьем неслись на своих лохматых низкорослых лошадях к каравану, поднимая за собой тучи песка. Торбеллино завороженно смотрел на приближающихся кочевников в лисьих шапках, размахивающих кривыми саблями. Защелкали выстрелы – это Юсуф и погонщики с пистолетами и ружьями в руках из-за лежащих верблюдов и тюков открыли огонь по незванным гостям. Двое номадов, сраженные пулями, свалились с седел и зарылись лицом в зыбучий песок, остальные вихрем продолжали неумолимо приближаться. Вот уже видны их искаженные яростью лица и злые раскосые глаза. Несколько всадников на полном скаку, вскинув небольшие изогнутые луки, выпустили с десятков оперенных стрел. Одна из них вонзилась в высунувшегося из-за тюка Саида. Торбеллино рванулся было на помощь к маленькому погонщику, с которым успел крепко сдружиться за время путешествия, но колючий аркан, сплетенный из конского волоса, со свистом захлестнул его шею. И он, задыхаясь, рухнул на землю.

Когда юноша пришел в себя, все было кончено. У потухших костров лежали убитые: зарубленный Скупой Юсуф, до последнего защищавший свое добро, и двое погонщиков. Низкорослые кривоногие номады суетились около сваленных тюков с товарами, осматривая добычу. В стороне сгрудились перепуганные пленные в ожидании своей участи. Один из них, молодой крепкий парень, сидел на песке и горько плакал, проклиная свою несчастную судьбу.

Купцов кочевники отпустили с миром, вернув им часть товаров и десятков верблюдов, остальной же караван с погонщиками погнало на запад. Несколько дней их гнали по раскаленной пустыне, почти не давая пить. Измученные жаждой пленники еле-еле тащились по зыбким пескам, оставляя позади цепочку следов, которые через пару часов заметет ветер. Солнце стояло почти вертикально и с адской силой давило на голову и глаза. На третий день пустыня отступила. Перед караваном раскинулась широкая степь. Идти стало намного легче. Начали попадаться ручьи и мелкие речки. Под ветерком легко стелился седой ковыль, весело щебетали птицы, посвистывали любопытные сурки, высунувшись из травы. Из-под ног часто выпархивали стайки пестреньких перепелов. Вдалеке с глухим топотом пронесся небольшой табун диких лошадей. Торбеллино с удивлением смотрел на этот живой мир: за эти дни в пустыне он успел отвыкнуть от него. Теперь он был просто влюблен в него и не мог надышаться его живительным воздухом, порой забывая, что находится в неволе.

Следуя на северо-запад, караван пересек ряд равнин с прозрачными, как слеза, озерами и к вечеру достиг живописной долины, окруженной со всех сторон невысокими зелеными холмами. Показались белые юрты кочевья. Дым костров стелился над степью и распространял терпкий запах горящего верблюжьего помета и жареной баранины. Над кочевьем стояло гром-

кое ржание и неистовый лай собак. С собаками кочевников шутки плохи. Эти огромные злобные псы с отрезанными ушами выглядят довольно внушительно и с врагами не церемонятся.

Пленников, чтобы они не смогли совершить побег, поместили в глубокую сырую яму, где они и провели первую тревожную ночь. Утром им опустили вниз кувшин с водой и несколько черствых лепешек. Через некоторое время появились четверо кочевников и с помощью веревки вытащили погонщиков наверх. Подгоняя плетью и суровыми окриками, повели пленников по кочевью. Несчастные с любопытством и затаенным страхом озирались вокруг. Около юрт у закопченных очагов хлопотали женщины, шалили босоногие ребятишки, грызлись собаки, проносились верховые, поднимая клубы удушливой пыли. Наконец их подвели к большой белой юрте, украшенной красивым красным орнаментом. Перед ней на огромном пестром ковре с кистями, поджав под себя ноги, сидело несколько человек в полосатых халатах. Номады, щуря свои раскосые глаза, не спеша потягивали из фарфоровых пиал соленый чай и вели неторопливый разговор, в упор не замечая стоящую перед ними группу измученных пленников. Чаепитие продолжалось довольно долго, Торбеллино и его товарищи по несчастью заметно устали ждать. После чаепития кочевники дымили маленькими глиняными трубками. В богатом ярком халате выделялась крупная фигура кочевника с лоснящейся физиономией, в тюбетейке на бритой голове. Самодовольно улыбаясь, толстяк поглаживал рукой свои жиденькие черные усы, свисавшие тоненькими кисточками. Он что-то сказал старому хромоту номаду, который возглавлял отряд, захвативший караван. Кочевник, обернувшись, крикнул худощавому типу с длинными космами, сидевшему сзади на голой земле в грязном потрепанном халате. Оборванец вскочил на ноги и приблизился к пленным. Он совершенно не был похож на кочевника. На вид ему было лет около пятидесяти. На темном от загара худом лице выделялись большие серые печальные глаза. Он был бос, из дыр его халата ключьями торчала вата. Это был переводчик, который, в дальнейшем, оказался неплохим малым. Благодаря его советам пленникам удалось быстро освоиться в неволе.

– Ваш новый хозяин, могучий Гуюк-Хан, желает посмотреть на своих рабов. Выходите по одному вперед и говорите: имя, сколько вам лет и что умеете делать, – обратился к несчастным толмач.

Погонщики по одному понуро потянулись к коврику. Маленькие глазки на красном потном лице Гуюк-Хана внимательно изучали подходивших. Иногда он задавал вопросы переводчику, и тот расспрашивал о чем-нибудь пленного. Осмотрев своих рабов, кочевник выразительно щелкнул пальцами, появились три дюжих бритоголовых молодца, которые, не церемонясь, схватили Торбеллино, повалили на пыльную землю и грубо сорвали одежду. Он дико закричал от нестерпимой боли, что вдруг пронзила его мозг и заставила извиваться все его тело: к его лопатке приставили раскаленное тавро, которым клеймят лошадей. Торбеллино чуть не потерял сознание, крупные капли пота выступили у него на лице, судорожная дрожь охватила его. Спина горела как в огне. Вокруг распространился удушливый запах горелого мяса. Через несколько минут все было кончено, все пленные были заклеимены. На их спинах на всю жизнь осталась отметина, указывающая всем кочевым племенам, чьей собственностью они являются.

– Вы, конечно, попытаетесь бежать. Но могучий светлейший Гуюк-Хан не советует вам этого делать. Он и его верные слуги все равно вас поймают. Он обожает охотиться на беглых рабов и любит их жестоко карать. Это его любимое развлечение. Горе тому, кого притащат на аркане назад в кочевье. После этих напутственных слов погонщиков отвели обратно и опустили в сырую холодную яму. Торбеллино прислонился больным плечом к прохладной земляной стене, стало немного легче. Рядом, постанывая, лежали его товарищи, несчастные и голодные.

Прошло около двух месяцев. Торбеллино стал уже привыкать к жизни в плену у грозного Гуюк-Хана. Привычными стали дробный топот вольных табунов, лай разъяренных собак, запах горящего кизяка, жестокое обращение кочевников с рабами, соленый с молоком чай

и его несложные обязанности пастуха. С раннего утра до позднего вечера он пас огромную отару овец своего господина на зеленых холмах и равнине недалеко от кочевья. Подружился с младшим сыном хозяина, тринадцатилетним Гэрэтом, себялюбивым и гордым подростком. Он часто любовался юным кочевником, мчащимся на резвом коне впереди своих сверстников. Гэрэт, несмотря на свой возраст, был опытным лихим наездником и отличным стрелком из лука. Он неоднократно побеждал на скачках, которые устраивались по праздникам. С местной ребятней у юноши сложились добрые отношения. Торбеллино демонстрировал любопытным пацанам свои цирковые фокусы, каких знал великое множество, и акробатические трюки. Благодаря дружескому общению с ними, он быстро научился понимать и немного говорить на трудном языке номадов.

Иногда в степь, где Торбеллино целыми днями пас овец, приезжал Гэрэт на своем низкорослом быстром коне с молодым беркутом, с которым охотился на лисиц, зайцев и пугливых косуль. И они подолгу сидели у небольшого костерка, подбрасывая в огонь сухой пахучий кизяк, беседуя на разные темы. Любознательного юного кочевника интересовало все на свете: и жизнь в больших городах, и нравы других жителей страны, и море, и корабли... Каждый раз, когда Торбеллино рассказывал другу об этом, у него сжималось от охватившей тоски сердце, ему так хотелось вырваться из неволи и вернуться обратно домой, к друзьям, в Брио, в Бельканто... А у пораженного рассказами о неведомых странах Гэрэта широко раскрывались черные глаза и появлялась на круглом загорелом лице улыбка, как у доброго маленького котенка.

Мысль о бегстве постоянно точила Торбеллино. Он долго и тщательно обдумывал свой план, прежде чем решиться на этот отчаянный шаг. Юноша посвятил в него товарищей, но они наотрез отказались от участия в побеге, вспоминая слова переводчика о жестокой расправе и печальной участи пойманных. Бежать ночью не имело смысла, собаки могли поднять невообразимый шум и гвалт. Значит, оставался единственный вариант: бежать рано утром, когда он выгонит на пастбище отару овец. Беглец целый день будет в пути, главное, чтобы никто не попался из кочевников навстречу и чтобы в этот день к нему не наведался в гости Гэрэт.

Последняя ночь выдалась тревожной. Торбеллино никак не мог уснуть. Так и проворочался с боку на бок до утренней зари. На рассвете, завернув в платок лепешки и спрятав его за пазуху, он простился с друзьями и погнал отару овец в степь. Мимо пронесся к водопою дикий табун, поднимая облако пыли к восходящему солнцу. Уйдя с овцами подальше от кочевья за зеленые холмы, Торбеллино оставил отару и со всех ног побежал, озираясь вокруг, в сторону синеющих вдали гор. Он бежал весь день, изредка делая короткие передышки для отдыха. На пути попадалось множество заросших тростником и камышом озер. Над тростником взмывали вверх стаи непуганых диких уток и журавлей. В высоком небе в гордом одиночестве парили степные орлы, высматривающие добычу. Поздним вечером он сделал привал у небольшого озерка, до гор было рукой подать. Он в полном изнеможении опустился на колени и пригоршнями зачерпывал воду, и не мог напиться живительной влаги. У берега колыхались стебли камыша, на воде, словно фонарики, белели в сумерках кувшинки водяных лилий. Стемнело. Ночь опустилась над степью. Слышался писк и шорох грызунов, тьяканье лисиц, изредка над головой пролетали, хлопая крыльями ночные совы. Ярко сияли звезды, отражаясь золотыми каплями в черном зеркале водной глади. Торбеллино с блаженством вытянулся на мягком травяном ковре, раскинув в стороны руки, устался в звездную пропасть. Кто-то тихо плескался в воде и шуршал в осоке.

Торбеллино проснулся, дрожа от холода. Одежда была насквозь мокрая. Седой сырой туман окутал все вокруг. Вода в озере казалась молоком, противоположного берега не было видно. Торопливо перекусив лепешкой и зачерпнув воды, Торбеллино тронулся в дальнейший путь. Все тело болело: от вчерашнего долгого бега непривычно ныли мышцы и кости. Из-за холмов поднималось ярко-красное солнце. Ключья тумана все еще висели над равниной, когда он услышал далекое ржание. Он все понял. Это была погоня. Необходимо было где-нибудь

укрыться от преследователей. Юноша бросился к густым зарослям сухого тростника, которые заполнили пространство между двумя озерками. Но его, видно, заметили, так как послышался пронзительный свист и приближающийся конский топот. Беглец забрался в самую гущу зарослей: здесь его будет нелегко найти, если только с собакой. Но, судя по всему, всадники были без нее. Торбеллино хоть и чувствовал себя в безопасности, сердце у него бешено колотилось, выпрыгивая из груди. Он слышал, как верховые медленно подъехали к берегу, о чем-то тихо переговариваясь. Ему очень хотелось высунуться и посмотреть, что замышляют враги, но оставил эту затею. Их было четверо. Вдруг один из них пустил лошадь галопом по краю зарослей, видимо, хотел заехать с другой стороны тростникового поля. Остальные спешили. Торбеллино затаился в своем убежище, боясь пошевелиться. Наступила долгая гнетущая тишина, только изредка доносились голоса номадов.

Некоторое время спустя Торбеллино почувствовал удушливый запах дыма и услышал потрескивание тростника. Теперь он все понял. Оказывается, один из кочевников, привязав к аркану горящий факел, проскакал, волоча за собой аркан с огнем, и поджег заросли. Сухой тростник вспыхнул, как порох. Торбеллино оказался в ловушке. Кругом стоял сплошной треск, дым и огонь быстро подбирались к его надежному убежищу. Юноша стал отползать в сторону ближайшего озерка, к спасительной воде. Пламя стремительно с каждой минутой подступало все ближе и ближе, от жаркого пламени некуда было деваться. Беглец плюхнулся в воду. В этот миг рядом просвистела оперенная стрела и зарылась в осоке...

Когда бедный юноша выбрался на берег, слуги Гуюк-Хана, смеясь, долго и больно хлестали его плетью. Затем связанного пленника бесцеремонно перекинули через седло. Дорога показалась ему вечным адом. Голова налилась кровью, все тело затекло, сыромятные ремни безжалостно впились в него. В кочевье бедного юношу швырнули с коня перед входом в белую юрту хозяина. Тот, выйдя наружу со своей милой улыбкой на лоснящемся круглом лице, приказал:

– Убрать эту пададь! В колодки его! Утром я им займусь сам!

Торбеллино, захлестнув арканом, проволокли за конем по пыльной земле до сырой ямы. Очнулся он уже с колодкой на ногах. Со страхом он ждал приближения следующего дня, когда жестокий Гуюк-Хан начнет измываться над ним, изощряясь в пытках.

Но ничего не произошло. Проходили дни за днями, а за ним никто не приходил, про него будто бы забыли. Появился как-то юный Гэрэт, он был очень расстроен и сердит. Мальчик считал, что Торбеллино своим проступком предал их дружбу.

– Я тебя ненавижу. Как ты посмел убежать?

Юноша попытался объяснить другу, что его тяготит жизнь раба, что он не может жить в неволе. Но Гэрэт его не слушал.

– Отец прикажет содрать с тебя живого кожу. Ты не заслуживаешь лучшего, – бормотал в запале маленький гордый кочевник, устроившись на краю ямы и еле сдерживая слезы.

– Гэрэт, пойми, я такой же человек, как и ты. Ты любишь свободу?

– Люблю!

– Я тоже ее люблю.

– К тебе все хорошо относились! Почему ты убежал? – не унимался обиженный подросток.

– Я скорее умру, чем променяю свободу на спокойное рабство.

– За побег отец убьет тебя!

– Помнишь, я тебе рассказывал про море, про корабли, про соленый ветер в тугих парусах, про своих верных друзей-моряков?

– Помню...

– Так вот, я хотел вернуться туда, где родился, к морю, к друзьям.

Расстроенный Гэрэт горько заплакал, размазывая рукавом слезы по грязным от пыли щекам. Потом вскочил в седло и ускакал далеко в степь.

Поздним вечером на краю ямы неожиданно появился Толмач в своих живописных лохмотьях. Так рабы прозвали переводчика, который постоянно помогал пленникам своими добрыми советами и часто делился с ними едой.

– Сидишь и не знаешь, какая страшная участь тебя ожидает, несчастный! Я ведь вас всех предупреждал! Я в плену провел почти пятнадцать лет, попал сюда таким же молодым паренком, как ты. Если б ты знал, сколько страшных страданий мне пришлось вынести, сколько я видел замученных до смерти рабов!

– Я наслышан о жестокости нашего хозяина. И по этому поводу не питаю никаких иллюзий, – отозвался юноша.

– Я попытаюсь помочь тебе, Торбеллино, но для тебя это будет последний и единственный шанс спастись. А может быть, даже обрести свободу, если, конечно, тебе повезет, и удача вдруг повернется лицом.

– Интересно, каким же это образом ты можешь мне помочь, если сам такой же раб, как остальные? – любопытствовал наш герой, поживаясь от холода в сырой яме.

– Слушай, сегодня у Гуюк-Хана очень уважаемый гость. Большой Терри из Карамбы, торговец рабами, он постоянный клиент нашего хозяина. Он часто покупает у него рабов для пиратских галер. Я попробую заинтересовать его твоей особой. Ты парень молодой и крепкий, а ему как раз такие и нужны. Тем более, ты бывал в море. И если тебе повезет, и ты выберешься отсюда, и когда-нибудь, чем черт не шутит, тебе удастся попасть в город Ноузгей, найди там мою старенькую матушку, если она еще, бедняжка, жива. Расскажи ей, что я жив и здоров, что у меня все в порядке. Запомни ее адрес – Улица Кипарисов, 14.

– Если мне вдруг повезет, я обещаю тебе, Толмач, что непременно выполню твою просьбу, – сказал Торбеллино.

– Прощай, парень, да помогут тебе святые!

Глава 6. Торбеллино продан в рабство пиратам

Через несколько дней в портовый городишко Карамбу въехали на великолепных мулах Большой Терри и его помощники, за ними уныло тащились, звеня кандалами, бывшие рабы Гуюк-Хана. Среди них был и наш Торбеллино, выделяясь среди изможденных усталых узников ладной фигурой.

Город Карамба раскинулся в живописной широкой долине у моря, ограждаемой от ветров красивыми лесистыми холмами. Город представлял собой лабиринт из узких горбатых улочек, двухэтажных домишек и торговых лавчонок под черепичными крышами. Торговцы оглашали воздух своими громкими криками, зазывая покупателей. Оживленные толпы горожан и морских разбойников заполняли площади и улицы пиратского городка. В многочисленных тавернах и винных погребках было всегда шумно и весело. Магазины и лавчонки доверху были забиты всяческим добром, когда-то захваченным пиратами во время абордажей торговых кораблей. Чего только тут не было. Здесь можно без конца любоваться редкой серебряной, фарфоровой посудой, старинным оружием, ценными художественными картинами и прочими диковинными вещами...

Терри со своими рабами расположился на центральной улице, Улице Неприкаянных, прямо напротив входа в харчевню «Морской Дьявол и Веселая Хохотушка». У Торбеллино от усталости подкашивались ноги, и он, было, попытался присесть на булыжную мостовую.

– Встань, собака! Еще успеешь на галере вдоволь насидеться! – зло рявкнул один из надсмотрщиков и больно шелкнул бичом юношу по спине.

– Поласковее, Джеромо, поласковее! Не попортить товар! – резко одернул подчиненного работорговец, устроившись от лучей яркого солнца под выгоревшим парусиновым тентом.

– Терри! Терри! Смотри, кто сюда движется! Сам Одноглазый Пуэрко собственной персоной пожаловал! – окликнул один из надсмотрщиков своего хозяина.

Большой Терри сразу весь преобразился, поглядывая на приближавшуюся группу в пух и прах разодетых, подвыпивших пиратов. Впереди них важно шествовал высокий худощавый мужчина. Черная повязка пересекала его бледное лицо. Надменная физиономия выражала презрение. Одет он был в темно-синий камзол с золотыми позументами. На боку болталась длинная шпага с богато украшенным эфесом.

– Как дела, дружище Терри! – приветствовал он работорговца, поигрывая тростью с золотым набалдашником.

– Вашими молитвами, славный капитан Пуэрко! – ответил, лучезарно улыбаясь и церемонно раскланиваясь, Терри. – Не желаете ли осмотреть свеженький товарец, только что доставленный от великого сына степей Гуюк-Хана.

– Знаю я твой паршивый товарец. Пара жалких тощих рабов, которую ты мне навязал в прошлый раз, уже давным-давно сдохла! Пришлось их скормить прожорливым акулам в Проливе Кошмаров!

– Вы зря, дорогой капитан, сердитесь! Как сейчас помню, это были крепкие мускулистые парни. Наверное, они с непривычки отдали душу на вашей замечательной галере.

– Не надо, не надо, Терри! – отмахнулся капитан пиратов. – Так беспардонно мне вешать лапшу на мои наивные уши! Сам посмотри на свой дохлый товар! Это разве мужчины! Разве работяги! Жалкие скелеты, да и только! Одни жилы да кости! Какие из них, к черту, гребцы! Да они у меня на следующий же день очоурятся!

– Да вы только взгляните, дорогой мой друг, на этого крепыша! Вы только поглядите! Какая стать, какая гордая осанка! Одно слово – порода! Какие мощные бицепсы! – Терри стекком ткнул в широкую крепкую грудь Торбеллино. – Где вы такого молодца еще купите? У Пле-

шивого Доминго или Хмурого Старки? Да у них сроду таких могучих красавцев не водилось! Одна труха да мелкота!

– Милейший, ты предлагаешь мне купить эту грязную обезьяну?! – воскликнул Пуэрко, брезгливо морща нос и с отвращением посматривая на плачевные лохмотья нашего героя.

– Его можно отмыть, зато как он силен. Посмотрите, как играют под кожей его могучие мышцы. Вы только взгляните!

– Где ты тут увидел могучие мышцы? – встрял в беседу Рыжий Ридо, помощник капитана Пуэрко.

– Ну-ка, согни руку! – торговец рабами вновь ткнул юношу в грудь.

– Даа... природа-мать силушкой его не обидела, – восхищенно отозвался рыжий квадратный детина, голова которого, похожая на бильярдный шар, была повязана ярким цветастым платком.

– Уж больно худ, думаю, он и месяца не протянет, – недовольно проворчал Пуэрко, оценивая окидывая взглядом ладную фигуру Торбеллино.

– Если, уважаемый капитан, вы не купите этого красавца, мне придется предложить этот редчайший экземплярчик господину Малисиозо. Он-то оценит по достоинству, я несколько не сомневаюсь, сей знатный товар!

При упоминании ненавистного имени лиловое от постоянного употребления рома лицо пирата судорожно передернулось и приняло злое выражение, а бесцветные глаза потемнели и хищно сузились.

– Сколько же ты хочешь за эту несчастную образину?

– Всего лишь жалких четыре тысячи семьсот монеро, милейший капитан Пуэрко!

– Ха! Ха! – вырвалось у пораженного пирата, он чуть было не задохнулся от наглости торговца. – Да это грабеж среди белого дня! За этого ничтожного дохляка – четыре тысячи семьсот монеро? Терри, я тебя не узнаю, ты в своем уме? Ты что, с неба свалился или башкой об угол кормы шандарахнулся? Таких и цен-то не бывает!

– А это мы легко проверим, когда сойдет на берег капитан Малисиозо, – не унимался Терри. – Он-то понимает в этом деле толк, не упустит такой лакомый кусочек, который идет ему прямо в руки.

– Малисиозо? – лицо у пирата вновь передернулось, как от зубной боли.

– Где еще вы купите такого красавца, такого крепыша? – продолжал окучивать пирата хитрый торговец рабами.

– Ладно! Черт с тобой! Акулу тебе в глотку! – выругался недовольный торгом Пуэрко. – Ридо, отсчитай этому плутоватому прохвосту три тысячи пятьсот монеро, и закончим на этом!

– Капитан! Три тысячи девятьсот! – продолжал торговаться Терри.

– Хорошо! Черт с тобой, прохиндей! – согласился капитан Пуэрко, отворачиваясь от назойливого торговца.

Давая понять, что торг закончен, одноглазый пират, припадая на левую ногу, со свитой направился к харчевне, широкие двери которой были распахнуты настежь, так как из них выбрасывали на булыжную мостовую пьяного посетителя.

– Премного благодарен, дорогой капитан, – пропел баритоном вслед торжествующий Терри.

– Доставишь его к вечеру на галеру «Каналья», старина, – давал указания работорговцу Ридо, сосредоточенно отсчитывая золотые монеты из большого кожаного кошелька, висевшего на широком потертом поясе.

– Мы можем это сделать хоть сейчас!

– Кстати, с тебя причитается, благодари меня, что я уговорил капитана Пуэрко.

– За мной не заржавеет, Ридо. Разве я тебя когда-нибудь подводил? Сочтемся. Ты же меня знаешь: я своих верных партнеров не забываю.

– Не сомневаюсь.

Прекрасную сделку совершил твой капитан. Не пожалеет: ведь парень хорошо знаком с морем, служил когда-то на военном корабле юнгой! – вслед помощнику капитана прокричал Терри, довольный собой.

Глава 7. Тяжелая жизнь гребца галеры

Так Торбеллино стал галерным рабом Одноглазого Пуэрко, одного из известных своим коварством и жестокостью пиратов. Галера представляла собой парусное судно. На верхней палубе располагалась орудийная батарея, а нижняя была отведена под сотню гребцов, которые, когда не было ветра, гребли что было сил, чтобы галера не теряла скорости. Поэтому-то Пуэрко не составляло никакого труда догнать любое судно и взять его на абордаж.

Бедного юношу приковали цепью к дубовой скамье гребцов. И началась для него изнурительная, полная лишений жизнь галерного раба, если ее только можно было назвать жизнью. Скоро сетка кровавых рубцов покрыла его крепкую спину. На нижней палубе между скамьями прохаживались свирепые надсмотрщики и длинными бичами подгоняли утомленных гребцов. Кормили рабов из рук вон плохо, многие не выдерживали тяжких условий у капитана Пуэрко и умирали.

Человек ко всему привыкает, как бы ему не было тяжело в жизни. Так и на галере в жизни восьмидесяти гребцов, полной боли, унижений и лишений, было место не только проклятиям и горьким слезам, но и шуткам, и печальным песням. Напарником Торбеллино по веслу оказался могучий Туни, чернокожий великан с Черепашьего Острова. Ловец жемчуга был захвачен пиратами в Жемчужном Проливе вместе с другими ныряльщиками из своего племени. Туни сильно тосковал по воле и никогда ни с кем не разговаривал. Целыми днями он мог негромко распевать протяжные туземные песни, легко управляясь с тяжелым веслом.

Иногда на нижней палубе галеры появлялся пьяный, еле державшийся на ногах, одноглазый капитан, размахивающий бутылкой рома. Его неизменно сопровождал помощник Рыжий Ридо, который заливался веселым смехом от проделок хозяина. Пуэрко почти каждый вечер напивался до бесчувствия и начинал чудить. То ни с того ни сего палил из своих огромных двуствольных пистолетов, то лез целоваться к гребцам, то угощал всех ромом, то вдруг зверел и мог забить бичом любого, кто по какой-нибудь причине ему не понравился. Бывали случаи, когда во время плавания он пьяным вываливался за борт. К счастью, для него все кончалось благополучно. Капитана вылавливали, откачивали и сушили. Однажды, напившись рома до свинячьего визга, его понесло на «марс». Он шустрой обезьяной вскарабкался на самый верх грот-мачты и, устроившись на клотике, стал на всю гавань орать благим матом, представляя себя марсовым:

– Земля! Земля! Вижу землю!

Чем всполошил мирно спящую гавань Карамбы. А потом, нечаянно оступившись, сорвался вниз. Но и здесь вновь к нему оказалась благосклонна судьба: пролетев с десятков метров, он зацепился подтяжками за рею, так на ней и уснул в подвешенном состоянии, пока к обеду не протрезвел.

Утром соседи с других пиратских судов интересовались, кого там еще вздернули на галере у Пуэрко, за какие такие проступки и грехи. Даже капитан Малисиозо во время утреннего моциона, разглядывая в подзорную трубу галеру своего давнего соперника, любопытствовал у боцмана:

– Грозеро, взгляни, кто там, на «Каналье», болтается на рее?

– А черт его знает, капитан? – ответил хмурый боцман. – Наверняка Одноглазый Пуэрко снова не в духе, вот и вздернул кого-то из своих сорвиголов.

– Похоже, кто-то словил пеньковый галстук, – живо отозвался Бабило, телохранитель капитана, тоже с любопытством всматриваясь в нужном направлении.

– Эх, если б это был Жульен, – мечтательно протянул Фрипоно-младший, правая рука капитана в финансовых вопросах.

– Чем тебе Жульен не угодил? – буркнул Малисиозо.

– Уж больно жуликоват! Все, прохиндей, тащит под себя. И в карты постоянно передергивает, за ним постоянно нужен глаз да глаз.

– Можно подумать, ты у нас святой. Не у тебя ли я на днях видел монету с «орлами» с двух сторон и колоду с крапленными картами?

– Был такой грех. С кем не бывает, – проямлил Фрипоно.

– Кстати, кто вчера перстень с бриллиантом умыкнул, который я нечаянно под стол обронил? Не ты ли? Наверняка он у тебя в левом кармане камзола затаился, если ты еще вчера вечером его не спустил какому-нибудь барыге на берегу или не проиграл в карты тому же Жульену.

Фрипоно, сконфузившись, покраснел и потупил свои наглые глаза.

– Не мешало бы и у нас кого-нибудь за жульничество вздернуть на рее, – проворчал, брезгливо морщась, Малисиозо. – Воспитываешь вас, безмозглых болванов, воспитываешь. Учишь скромности, уважению, приличным манерам. И все усилия как коту под хвост!

На борту фрегата «Пари» капитан Малисиозо всех держал в ежовых рукавицах. Пираты обязаны были неукоснительно соблюдать установленное им правило: на корабле запрещалось строго-настрого выпивать и играть на деньги. Только сойдя на берег, они предавались своим слабостям: пьянству, азартным играм и разгульной жизни. Как-то кучка возмущенных строгими порядками пиратов попыталась взбунтоваться, но суровый капитан быстро охладил их пыл и поставил на место, застрелив у всех на глазах двух неугомонных зачинщиков, которые в открытую подбивали недовольный экипаж на бунт.

Давайте же, дорогие друзья, вернемся к нашему герою.

Глубокой ночью, когда галера «Каналье» стояла на рейде, когда нижняя палуба была погружена в полный мрак, в котором слышались беспокойный храп и приглушенные стоны измученных дневным переходом гребцов, Торбеллино осторожно приподнялся, напряженно прислушиваясь к звукам, доносившимся сверху. Извлек спрятанный в лохмотьях ржавый гвоздь, который накануне случайно оказался у него под ногами, когда утром раздавали жидкую баланду. Весь день он был в возбужденном состоянии, мысль о близкой свободе не давала ему покоя. Торбеллино, присев у скамьи, стал тихонько ковырять гвоздем дерево вокруг кольца, через которое была продета его цепь. Работать приходилось медленно, не делая резких движений, чтобы не загремели звенья цепи.

Вдруг чья-то сильная рука сдавила его кисть. Торбеллино рванулся, но не тут-то было. Он поднял голову, его взгляд встретился с мелькнувшими в темноте белками глаз невидимого Туни. Торбеллино разжал от боли пальцы. Черный великан завладел его орудием и стал неистово ковырять дерево скамьи.

Неожиданно на верхней палубе грохнул пистолетный выстрел, за ним второй, третий... Раздался звон разбитого фонаря и чье-то грязное ругательство... Потом гулкий топот и грохот упавшего тела. Никто из гребцов не шелохнулся, даже бровью не повел, все давно привыкли к подобному шуму и гвалту на верхней палубе по ночам. Похоже, одноглазый капитан опять накачался без меры спиртного и начал чудить. Чужачества были неотъемлемой частью финала любой пьянки на «Каналье».

Через некоторое время, после продолжительной возни наверху, на нижнюю палубу по крутой лестнице кубарем скатился Одноглазый Пуэрко. Вид у него был, мягко говоря, отнюдь непрезентабельный: опухшая бледная физиономия изрядно поцарапана, редкие волосы торчали клоками во все стороны, на лбу над правым глазом красовалась здоровенная багровая шишка...

За ним следом, цепляясь за поручни, с трудом спустились его пьяные подручные, тоже едва державшиеся на ногах, но еще способные без компаса и посторонней помощи добраться до кубрика или кают-компани.

Помощник капитана Рыжий Ридо тщетно пытался поднять бесчувственное тело любимого шефа. Сделав три безуспешных подхода, он оставил попытки поднятия тяжести. Окончательно плюнув на свою затею, Ридо присел с остальными собутыльниками на скамью и уставился на неподвижно лежавшее перед ним существо, очень смахивавшее чем-то на их обожаемого капитана.

Придя в себя, Пуэрко поднялся и окинул мутным взором нижнюю палубу, часть которой выхватывал из темноты тусклый свет фонаря, что был в руке одного из пиратов.

– Пусти! Скотина! – зло выкрикнул одноглазый пират, грубо отталкивая от себя Ридо, который бросился ему на выручку. Вырвавшись из объятий своего верного помощника, Пуэрко, шарахаясь из стороны в сторону, шустро заковылял по узкому проходу. Брякнувшись со всего маха на дубовую скамью рядом с Туни, он вцепился в тяжелое весло своими длинными пальцами, унизанными дорогими перстнями.

– Ну-ка, веселей, ребята! Дружно!! Взяли!! – громко завопил он, бестолково шлепая по воде увесистым веслом, отполированным до блеска грубыми ладонями гребцов. – Еще раз взяли!

Намахавшись вдоволь с помощью Туни веслом и пуская слюни, пират задремал у того на могучем плече.

– Тсс... Тихо... – подвыпивший Ридо поднял указательный палец вверх. Убедившись, что Пуэрко храпит и, похоже, обосновался на плече темнокожего великана надолго, помощник одноглазого капитана увлек за собой собутыльников на верхнюю палубу продолжать прерванную гулянку.

Для Торбеллино и его товарища потянулись мучительно длинные дни, они с нетерпением ждали наступления темноты, чтобы отдаться полностью работе. Поочередно с Туни он по ночам настойчиво ковырял дубовую скамью. Твердое дерево с упорством сопротивлялось такому несовершенному орудию, как кривой гвоздь. Но их усилия не пропали даром, долгожданный конец их работе был уже близок. Ныряльщик за жемчугом весь преобразился, его когда-то печальные черные глаза теперь ожили, они засветились, в них стали вспыхивать неукротимые искорки. Торбеллино от частого недосыпания, бывало, во время гребли впадал в дрему, и бич внимательного надсмотрщика неоднократно прохаживался по его обнаженной спине. Неутомимый Туни в такие моменты выручал своего товарища и греб за двоих. Они никогда не разговаривали между собой, но с полувзгляда научились понимать друг друга и очень уважали и ценили свою дружбу.

Глава 8. Пролив Кошмаров

Свобода пришла неожиданно, сама собой, правда, ненадолго.

Однажды утром «марсовый» заметил впереди по курсу небольшое торговое судно. Звонкий удар корабельного колокола поднял на ноги всех: от вечно пьяного Пуэрко до облезлого черного кота, который постоянно отирался в камбузе, воруя из-под носа кока все, что плохо лежало. Галеру огласили громкие окрики команды, залиvistые свистки боцмана, шелканье бичей, топот сапог... В одно мгновение в руках отчаянных «джентльменов удачи» были наготове абордажные крючья, пистолеты и сабли.

На капитанском мостике, нервничая, торчал с опухшей физиономией Одноглазый Пуэрко, он был без шляпы, большая всклокоченная голова была повязана мокрым полотенцем. Он вырвал у помощника из рук подзорную трубу и стал внимательно всматриваться в парусное судно, маячившее в Проливе Кошмаров на расстоянии морской мили от них.

– Похоже на купца! Идет довольно ходко!

– Да, капитан, скорость у него приличная. Но наши гребцы, я уверен, не подкачают! И мы рано или поздно все равно догоним торговца!

– Ридо, я тоже думаю, мы его не упустим! Распорядись, чтобы всыпали ленивым гребцам хорошую порцию плетей!

Галера неслась как стрела. У пиратов не было сомнений относительно результата этих бешеных гонок. На торговом корабле заметили преследователей и добавили парусов. Легкий клипер, благодаря попутному ветру, сумел на приличное расстояние оторваться от «джентльменов удачи».

Неожиданно со скалистого берега раздался страшный оглушающий рев, который прокатился громогласным эхом над узким проливом, заставив содрогнуться даже бывалых мореходов.

– Фумадор! Фумадор! Проклятие! – завопили в испуге все, кто находился на верхней палубе галеры и на быстром клипере.

Да, это был Фумадор, свирепый циклоп – заядлый курильщик. Гроза пролива, Пролива Кошмаров, его безоговорочный хозяин. Циклоп останавливал проплывавшие через пролив корабли и в качестве выкупа брал курительный табак. Набивал им свою большую глиняную трубку и, усевшись на выступе отвесной скалы, свесив волосатые корявые ноги, с наслаждением дымил. Компанию ему часто составлял его старший брат – здоровенный циклоп Ферроз, также заросший шерстью и не менее свирепый. Вероятно, Фумадор опять разделался со своими старыми запасами табака и вновь вышел на охоту за проплывающими мимо кораблями, чтобы разжиться куревом.

– Капитан! Необходимо остановиться! – крикнул не на шутку встревоженный Ридо, взбегающая на капитанский мостик к возбужденному погоней Пуэрко. Он был похож на гончую собаку, почуявшую добычу.

– С какой еще стати?

– Иначе не миновать нам беды. Капитан, с Фумадором шутки плохи! Надо немедленно лечь в дрейф!

– К черту!! Добыча ускользнет! Вперед!! Только вперед!! В гробу я видал твоего Фумадора и его братца!!! – прорычал в ярости взвинченный пират, нервно бегая по капитанскому мостику, размахивая пистолетами.

– Пуэрко, одумайся! Шутить с ним опасно!

– Трусливый щенок! Проклятие!! Заставь же вонючих скотов грести живее! Клянусь, я прострелю тебе глупый котелок!

Рыжему Ридо ничего не оставалось, как спуститься на нижнюю палубу и распорядиться, чтобы надсмотрщики расшевелили своими бичами уставших гребцов.

Видя, что суда и не думают ложиться в дрейф, Фумадор взревел так, как будто сел толстой задницей на жаровню с раскаленными докрасна углями. Ухватив огромный обломок гранитной скалы, он поднял его над головой и швырнул в сторону галеры, потому что она была намного ближе, чем клипер. Громкий всплеск раздался справа от галеры. Пиратов, столпившихся у борта с крючьями и приготовившихся к abordажу, окатило фонтаном соленых брызг и обломками весел. Следующая тяжелая глыба, метко брошенная разбушевавшимся не на шутку циклопом, проломила правый борт «Канальи», а ряд крепких весел превратила в груды щепок. Морская вода неукротимым мощным потоком хлынула в образовавшуюся пробоину... На галере началась всеобщая паника.

Перепуганные до смерти «джентльмены удачи», с выпученными от ужаса глазами, бросились спускать шлюпки на воду и стаскивать в них награбленное добро. Несчастные гребцы, видя, какая их ждет неминуемая жуткая участь, пытались всячески освободиться от железных оков.

Туни, вооружившись обломком весла, со всего размаху ударил по железному кольцу, через которое была пропущена цепь, и с третьего удара выбил его из дубовой скамьи. Скованные друг с другом наши герои выбрались на верхнюю палубу, по которой метались, обезумевшие пираты во главе с растерянным Одноглазым Пуэрко. Добравшись до борта, Туни и Торбеллино, бросились в морскую воду и поплыли к берегу, стараясь, как можно меньше мешать друг другу. Плыть было неудобно, общая цепь сковывала их движения. Наконец беглецам удалось достичь песчаной отмели: оба юноши прекрасно плавали. Выбравшись из воды, они в последний раз оглянулись на свою бывшую плавучую тюрьму.

Неуправляемая галера по-прежнему болталась посреди Пролива Кошмаров и тонуть, по все видимости, не собиралась, несмотря на свою внушительную пробоину в борту. На ней копошились, как суетливые муравьи, силуэты людей, вокруг нее с громкими проклятиями сновали набитые добром и пиратами шлюпки.

Громогласный рев расшвирипевшего Фумадора прекратился, на выступе скалы его видно не было. Наверное, разбушевавшийся циклоп вернулся в свое логово.

– Торбеллино! Быстро! Живее! – услышал вдруг Торбеллино из уст Туни слова, которыми подгоняли надсмотрщики гребцов. Он даже от неожиданности остановился, но Туни с помощью цепи тянул его подальше от берега в густые зеленые заросли. Беглецы долго продирались сквозь колючие кусты и карабкались по скалистым уступам, в конце концов остановились, еле переводя дух. Утомленные бегством они в изнеможении повалились ничком на землю, с наслаждением вдыхая божественный аромат свежей травы и зеленых растений, которых не видели несколько месяцев.

Торбеллино мгновенно сморил глубокий сон. Спустя час его разбудили какие-то громкие удары и звяканье. Он открыл глаза и приподнял голову. Туни сидел рядом и разбивал булыжником соединяющую их цепь. Когда ему это удалось, он выпрямился во весь свой огромный рост и сказал:

– Туни пойдет на охота! Будет много еда!

Как только темнокожий великан скрылся в лесу, Торбеллино снова с блаженством вытянулся на мягкой траве. Он лежал и не верил тому, что наконец-то обрел долгожданную свободу, что кончилось рабство, унижения, мучения, что теперь он вернется в Бельканто, вернется к своим верным друзьям. И не будет больше кошмара этих последних месяцев. Он не заметил, как вновь задремал под убаюкивающее стрекотание кузнечиков и беззаботное щебетание птиц.

Глава 9. В плену у Малисиозо

Проснулся он от противного собачьего тьяканья. Вокруг него с лаем носилась маленькая лохматая собачонка, похожая на болонку, норовя вцепиться в его жалкие лохмотья. Торбеллино попытался отпихнуть надоедливую шавку ногой, но неожиданно почувствовал холодное прикосновение металла к своей шее. Он оглянулся...

Перед ним с карабином в руках стоял капитан Малисиозо, знаменитый пират, воспитанник и соперник Одноглазого Пуэрко. Торбеллино сразу узнал его, хотя тот был одет, как простой матрос: на нем была полосатая тельняшка, заправленная в парусиновые штаны, а на голове – морская шапочка с помпоном.

Юноше часто приходилось видеть капитана, когда корабли пиратов-соперников стояли бок о бок на рейде в гавани Карамбы. Малисиозо был красив и молод, и, судя по разговорам бывалых морских разбойников, отчаянно смел, жесток, хитер и коварен.

– Пошевеливайся, милейший! Отдохнуть будешь дома в гамаке, – лучезарно улыбаясь, приказал пират и больно ткнул Торбеллино в обнаженную спину дулом карабина. Увидев перед собой босняка с мозолистыми сильными руками, обрывки разбитых цепей, он сразу догадался, что перед ним беглый галерный раб.

Торбеллино медленно поднялся и поплелся вперед по тропе, подгоняемый Малисиозо и его паршивой собачонкой, которая всю дорогу порывалась цапнуть его за штанину.

«Хорошо, что Туни ушел на охоту, а то бы он тоже попал в беду», – с облегчением подумал расстроенный Торбеллино.

К вечеру еле приметная тропинка вывела их к небольшой уютной бухточке, скрытой от посторонних глаз. Когда они вышли на песчаную косу, где покоилось несколько шлюпок, вытасненных из воды, Малисиозо три раза громко свистнул в золотой свисток, который висел у него на шее на шелковом шнурке. Мгновенно, словно из-под земли, перед ними выросли десятеро дюжих пиратов, вооруженных до зубов. Небрежно бросив одному из них карабин, который тут же был пойман налету, вожак направился к шлюпкам. В двухстах метрах от берега темнел силуэт стоящего на якоре корабля. Это был сорокавосемипушечный фрегат «Пари».

Торбеллино из галерного раба Одноглазого Пуэрко превратился в раба пиратского капитана Малисиозо. Жизнь нашего героя резко изменилась к лучшему, хотя рабство и цепи на руках так и остались. Не стало проклятого тяжелого весла, надоевшей дубовой скамьи и изнуряющей работы гребца, теперь он мог свободно перемещаться по всему кораблю. В обязанности юноши входило содержать в идеальном состоянии одежду и обувь капитана, прибирать в каюте, а также обслуживать и всюду носить за пиратом на подушке, расшитой золотом, его дрянную собачонку.

Барабоська, так звали эту лохматую тварь, была смышленной обаченцией, но страшно капризной. Такими капризными бывают только женщины, любимые женщины. Все носились с ней, как с принцессой. Малисиозо жестоко карал всех, кто не слишком почтительно относился к его маленькой любимице. Никто не догадывался ни на корабле, ни в Карамбе, почему капитан так дорожит своей невзрачной живностью. Тайну эту, несколько позже, удалось раскрыть только Торбеллино, так как ему приходилось быть всегда рядом с животным и постоянно ухаживать: мыть ее, расчесывать аккуратно шерстку, готовить собачьи деликатесы, повязывать каждое утро ей бант. Не дай бог, если бант окажется несвежим или неотутюженным, Барабоська такой скандал устроит...

На корабле к юноше пираты относились довольно дружелюбно, в отличие от других рабов, которым приходилось выполнять тяжелые и грязные работы по погрузке и разгрузке трюмов и поднятию якорей. Он, как лицо, близкое к капитану Малисиозо, пользовался неглас-

ной неприкосновенностью. Со многими пиратами из экипажа у него сложились хорошие отношения. К ним относились: помощник капитана Чевалачо, телохранитель Бабило, добродушный увалень Трезоро, растяпа Карифано и грозный боцман Грозеро. С ними он запросто мог беседовать о чем угодно, затрагивая и обсуждая любые темы, кроме, конечно, личности самого Малисиозо.

Чевалачо был крепкий малый лет около сорока, чуть выше среднего роста, с непослушной копной каштановых волос на голове, похожей на львиную гриву. Одевался он в отличие от франтоватого капитана, можно сказать, безобразно. У него напрочь отсутствовало понятие вкуса. На нем обычно красовались богатый камзол, надетый прямо на загорелое тело, яркий красный шарф на шее, высокие сапоги с бортфортами и прострелянная в морском сражении, потрепанная треуголка, с которой пират никогда не расставался. Несмотря на грозный вид, помощник капитана был в душе добрым малым. В схватках ему не было равных, он хорошо ориентировался в боевой обстановке. Его способность быстро соображать и умело координировать действия экипажа высоко ценилась капитаном Малисиозо. Когда-то Чевалачо учился в университете в Бельканто. Чтобы показать любимой девушке, какой у нее смелый и отчаянный кавалер, он принимал участие во всех уличных потасовках. Однажды драка случайно закончилась смертью его соперника, и студент вынужден был бежать в вольный город Карамбу, где стал пиратом.

Боцман Грозеро отличался от помощника капитана плотным телосложением и невысоким ростом, он смахивал на огромного небритого колобка. С экипажем он был немногословен и всегда суров. За свирепым выражением лица и громовым голосом скрывалась добрейшая и отзывчивая личность, как позже узнал Торбеллино.

На фрегате «Пари» всегда был полный порядок, чего не скажешь о кораблях флотилии Одноглазого Пуэрко, где случались настоящие катастрофы из-за беспробудных пьянок пиратов и сумасбродных выходок их капитана, постоянные стычки, драки, стрельба и поножовщина. На памяти жителей Карамбы был трагический случай, когда в гавани погиб бриг со всем экипажем: какой-то пьяный дуралей с зажженной свечой ночью забрел вместо галюна в незапертый пороховой погреб. Произошел взрыв страшной силы!

На фрегате же капитана Малисиозо поддерживался образцовый порядок, особенно на нижней оружейной палубе, где в специальных деревянных коробах рядом с пушками хранились пороховые заряды и ядра.

Пиратский капитан родился двадцать восемь лет тому назад в Бельканто, в семье одного почтеннейшего горожанина, профессора столичного университета. Это был хорошенький, веселый, белобрысый карапуз, с маленькими веснушками на носу. Он рос самым тихим, самым послушным, самым добрым, самым примерным мальчиком в городе, а может быть и во всей стране. Он никогда не шалил, не капризничал, отлично учился в школе. Родители и вся улица гордились им, не могли нарадоваться на него. Мальчик подрос и стал целыми днями пропадать в университетской библиотеке, где погруженный в толстые научные книги, делал выписки из них в свою школьную тетрадку.

И вот однажды случилась страшная беда. Рядом по соседству жила одна злющая-презлющая старуха, настоящая ведьма, что водятся в сказках, которой не давало покоя счастье этой милой доброй семьи. Какими-то неизвестными путями ей удалось добыть пузырек воды из священного волшебного источника Лармо. Вода из источника Лармо, затерянного где-то высоко в диких горах, обладала огромной колдовской силой: калек делала здоровыми, здоровых – калекими, жадных – добрыми, добрых – жадными, трусов – смелыми, смелых – трусами, глупых – мудрыми, мудрых – глупыми, лентяев – трудолюбивыми... И вот, эта коварная бабка зазвала робкого мальчика к себе в гости и угостила его апельсиновым соком, в который накапала воду из волшебного источника.

На следующий день нашего славного милого мальчугана словно подменили. Домашние, друзья и знакомые не узнавали его. Он стал грубым, заносчивым, капризным, жестоким. И однажды совсем исчез из родительского дома. Родные с ног сбились, разыскивая мальчика. Через некоторое время его следы были обнаружены на другом конце страны в пиратском городишке Карамба, где его наглая веснушчатая физиономия стала мелькать в обществе всем небезызвестного пирата Одноглазого Пуэрко. Спустя несколько лет мрачная слава о коварном жестоком пирате Малисиозо облетела всю страну.

На людях Малисиозо всегда появлялся при полном параде, во фраке и цилиндре, а на набережную Карамбы сходил только в белом фраке с изящной дорогой тростью. Его всегда сопровождали две прославленные личности на всем побережье: толсторожий телохранитель Бабило, у которого постоянно не умолкал болтливый язык, и щуплый, с маленькими хитрыми глазками на вытянутом лице, шулер и мошенник, гроза всех игорных притонов Карамбы, Фрипоно-младший. Младший, потому что Старшего, то есть его жулика-папашку, в свое время облапошенные пираты вздернули за наглое мошенничество на рее одного из кораблей эскадры.

Благодаря своему коварству и хитрости, а также своим огромным познаниям, почерпнутым из множества научных книг, Малисиозо за короткое время сумел подчинить большинство пиратского братства. Его фрегат «Пари» был самым быстроходным, а по боевой мощи – самым вооруженным судном среди пиратской флотилии. Даже Одноглазый Пуэрко, которому принадлежало несколько прекрасных фрегатов и галера «Каналья», стал побаиваться своего бывшего ученика.

Периодически, несколько раз в году у Малисиозо сносило крышу. Да-да, вот именно, иначе и не скажешь. Может, сказывались сезонные обострения, честно сказать, не знаю. Он, ни с того ни с сего, непонятно по какой причине, начинал представлять себя великим гением, научным светилом или успешным преподавателем университета, и его несло... Во время таких приступов он собирал огромную аудиторию, почти всех пиратов своей флотилии на широкой палубе фрегата «Пари» и начинал им читать долгие и нудные лекции по биологии, физике, географии, литературе, вдавливая в их тупые головы университетские знания, а потом заставлял великовозрастных «студентов» выполнять домашние задания и сурово наказывал нерадивых учеников, не выучивших урок, подвергая их публичной порке плетью. Особенно часто доставалось на орехи бестолковому ленивому Бабило, телохранителю капитана, у которого с памятью были довольно серьезные проблемы из-за постоянных пьянок. После таких занятий морские разбойники были готовы, сломя голову, идти в огонь и в воду, лишь бы не сидеть на занудных лекциях.

Глава 10. Остров Сундуков или тайна Малисиозо

Как-то в один из дней, ясным солнечным утром, когда Торбеллино, уложив на расшитую золотом подушку Барабоську, аккуратно расчесывал ей шерстку, на капитанском мостике появился Малисиозо в безупречном белом фраке. Пират был в прекрасном расположении духа. Попыхивая сигарой, он с задумчивым видом прогуливался по мостику. Подойдя к юноше, наклонился над кудрявой собачонкой и пожурил свою любимицу.

– Бабило!

– Да, мой капитан! – за спиной Малисиозо тут же возник верный телохранитель, у которого постоянно на жирном пузе от чрезмерного обжорства лопалась полосатая тельняшка. Здоровяк Бабило в пиратской среде слыл отчаянным малым, за своего капитана и его паршивую собачонку он мог любого, не раздумывая, порвать на куски и стереть в порошок. Его побаивались и избегали, особенно, когда он был под мухой.

– Шампанского!

– Слушаюсь, мой капитан! Сей секунд!

Бабило стремглав скатился по крутому трапу, насколько позволяла его мощная комплекция, и исчез в темном трюме. Через мгновение он, запыхавшийся и довольный, стоял наверху с несколькими бутылками шампанского, из-за его спины выглядывала услужливая лоснящаяся рожа корабельного кока Гютоно. Он был в надвинутом на лоб белом колпаке, держа серебряный поднос с фруктами и хрустальным кубком. Бабило натренированным ударом ладони по донышку бутылки выбил пробку, наполнил кубок и преподнес капитану.

– Ему тоже налей! – Малисиозо сделал рукой царственный жест в сторону Торбеллино, наводящего Барабоськину красоту. У присутствующих на капитанском мостике от удивления вытянулись лица – угощать жалкого раба шампанским! Но Бабило этим не заморачивал свои куриные мозги, он тут же среагировал на указание, дав крепкого пинка одному из пиратов, стоявших за ним, и малый в мгновение ока скатился вниз... И не прошло минуты, как Бабило уже наполнял еще один кубок игристым напитком.

– Прекрасный выдался денек, не правда ли?!

– Да, мой капитан! – громогласно откликнулся телохранитель, округляя могучую грудь, украшенную татуировками. Тут была представлена целая галерея произведений искусства: от фонтанирующих жирных китов до умопомрачительных обнаженных красавиц, от бородастых рогатых чертей до стреляющих ядрами пушек, от фрегатов в пороховом дыму до пузатых бутылок с ромом, от черепов с костями и картами до сундуков с драгоценностями...

– Что-то засиделись мы в Карамбе без настоящего дела, а, Бабило?

– Угу... – поддакнул с плотно набитым ртом Бабило, успевший втихаря утянуть с подноса банан, который второпях тут же сожрал вместе с кожурой.

– Снимаемся с якоря, братцы! За удачу! – торжественно провозгласил Малисиозо, подняв сверкающий кубок, ослепительно играющий гранями в лучах солнца. Осушив залпом шампанское, капитан швырнул кубок в море.

– Грозеро!

– Слушаю, капитан! – похожий на гориллу квадратный боцман колобком подкатил к Малисиозо.

– Я вчера вечером проходил мимо компаса и знаешь, что я там лицезрел?

– Что, капитан? – спросил упавшим голосом Грозеро.

– Во-первых, стекло, засиженное мухами, а во-вторых, не поверишь, внутри поселился вот такой рыжий таракан, который, судя по всему, чувствует себя там прекрасно, как у себя дома! Распорядись, чтобы всыпали штурману как следует, и пусть немедленно приведет компас в порядок.

– Сей секунд, капитан, все исправим!

Еще раз окинув в подозрную трубу линию горизонта, Малисиозо удалился к себе в роскошную каюту, где, завалившись на мягкий диван, предался любимому занятию – чтению. Большую часть капитанской каюты занимали книжные полки с книгами, которые он скупал десятками, когда посещал в Карамбе книжную лавчонку. Торбеллино довелось несколько раз сопровождать его в походах за книгами. Капитан пиратов на его глазах весь преобразался, стоило им только переступить порог книжного магазинчика. Он подолгу копался среди груды пыльных томов в поисках подходящих книг, в основном его интересовала серьезная литература: всякие учебники, научные трактаты, доклады и статьи. Юношу, присутствующего при разборке бумажных залежей, частенько подмывало чихнуть от поднятой капитаном душливой пыли.

Малисиозо, увлеченный чтением какой-нибудь интересной книги, мог сутками не есть и не появляться на палубе фрегата, забывая обо всем на свете. Такие дни были для экипажа настоящим праздником, пираты вытворяли на корабле и берегу все, что хотели, предаваясь своим многочисленным слабостям и порокам.

На все лады пронзительно заголосила свистулька ретивого боцмана, сонный корабль мгновенно ожил, словно огромный муравейник: забегали, засуетились заспанные пираты и перепуганные рабы, заскрипели тали и блоки, загремели в клюзах выбираемые якорные цепи, распускать паруса наверх на реи полезли самые отчаянные головы...

Малисиозо изредка совершал вылазки на таинственный Остров Сундуков, что находился за морем, напротив Карамбы. Необитаемый мрачный остров славился тем, что с незапамятных времен пираты прятали там свои несметные сокровища. Они, изощряясь в шифровке своих карт до такой степени, что потом сами не могли порой найти закопанные заветные сундуки с драгоценностями. Некоторые из них, окончательно отчаявшись от безуспешных поисков или находясь в бедственном положении, спивались или стрелялись. Другие продавали или проигрывали свои бесценные бумаги в азартные игры в кабаках и тавернах столицы Пиратского Братства.

На самом же деле, их сокровища похищал коварный капитан Малисиозо, поэтому пиратам никак не удавалось отыскать закопанные сокровища. Благодаря изумительному чутью «принцессы» Барабоськи, Малисиозо без особого труда отыскивал на острове запрятанные чужие сундуки, которые откапывал и переправлял на материк в пещеру недалеко от Колодца Циклопов. Надежнее убежища трудно было сыскать, так как никто не отважился бы разгуливать у свирепых циклопов под самым носом. Спрятав сокровища, он обычно недалеко от пещеры устраивал привал и угощал уставших носильщиков вином со снотворным. Утомленные длинным переходом люди мгновенно засыпали беспробудным сном у ярко пылающего костра. Подкинув в костер охапку хвороста, капитан покидал своих спутников. Никто не знал, где находится пещера с сокровищами, так как кроме Малисиозо и Барабоськи никто никогда не возвращался из этих экспедиций на берег. Спящий отряд становился добычей братьев-циклопов, которые появлялись на поляне, привлеченные отблесками костра.

На следующий день фрегат «Пари» приблизился к нелюдимому Острову Сундуков и бросил якорь в небольшой уютной бухте, укрытой от ветров высокими скалистыми утесами.

После завтрака Малисиозо решил совершить прогулку на необитаемый остров. Капитана сопровождали восемь пиратов-гребцов, телохранитель Бабило и Торбеллино с Барабоськой. Когда шлюпка, тихо шурша килем, ткнулась носом в прибрежный песок, он велел всем оставаться на отмели, а сам с Торбеллино и болонкой отправился бродить по острову. Через некоторое время они достаточно удалились от берега, и Малисиозо приказал юноше опустить собачонку с подушки на землю.

Почувствовав свободу, Барабоська стала с радостным визгом и твяканьем носиться, описывая какие-то замысловатые круги и петли вокруг них. Вдруг она остановилась как вкопанная рядом с раскидистым дубом, и сделала стойку, которую делают обычно охотничьи собаки, почуяв дичь.

– Стоп! Мы пришли! – сказал довольный утренним моционом Малисиозо. – Здесь, пожалуй, сделаем привал. Расстилай скатерть, пора перекусить.

Торбеллино послушно расстелил в тени под деревом на зеленой лужайке накрахмаленную белоснежную скатерть и стал на нее выкладывать из корзинки посуду и всякую снедь.

– Тебе тоже не мешало бы подкрепиться после утомительной прогулки. Не стесняйся, – милостиво разрешил Малисиозо, вальяжно расположившись на душистой траве и пригубив рюмку рубинового вина. – Сегодня прекрасный выдался денек, его непременно надо отметить!

Капитан, пребывая в прекрасном настроении, извлек из походной брезентовой сумки блокнот с карандашом и стал в нем что-то рисовать, изредка поглядывая по сторонам, запоминая детали окружавшего их ландшафта. Торбеллино же незаметно для себя сладко задремал в тени могучего дуба. Диких зверей и ядовитых змей на острове не водилось, так что опасаться было нечего.

Закончив прогулку по острову, они вернулись на песчаную косу к оставленной шлюпке, где, изнывая от жары, томились в ожидании капитана голодные пираты во главе с вечно зевающим Бабило.

– Иди за мной, мешок вонючих костей! – распорядился Малисиозо, подзывая своего преданного телохранителя. Они отошли метров на пятьдесят от шлюпки, чтобы никто не слышал их секретного разговора. Капитан достал из кармана камзола свой блокнотик, вырвал оттуда листок с рисунком и долго что-то втолковывал туповатому подручному. После чего они вернулись к оставшимся в шлюпке пиратам.

– Хватит бездельничать, остолопы! Есть достойная работенка! – рявкнул на подопечных приободрившийся Бабило. – Карифано! Альфонсо! Захватите там, на носу, пустой анкерок и бегом к роднику за пресной водой! Одна нога – здесь, другая – там! Остальные берут лопаты, кирку и за мной!

Группа пиратов скрылась в густых прибрежных зарослях, где оголтело на все лады орала семейная парочка ссорящихся попугаев какаду, решая актуальный вопрос о воспитании подрастающего поколения. Малисиозо присел на корме, извлек из кармана золотой портсигар и закурил сигару, с наслаждением попыхивая ароматным дымом и наблюдая, как Торбеллино играет на берегу с Барабоськой.

Солнце еще стояло в зените, когда на золотой отмели появились уставшие, но довольные прогулкой пираты. Они вернулись не с пустыми руками. Двое, обливаясь потом, с трудом тащили на длинной жерди окованный железом сундук, остальные – что-то тяжелое в мешках, за ними вышагивал довольный Бабило с шанцевым инструментом на плече.

Глава 11. Полосатый разбойник

На корабле, кроме кудрявой Барабоськи, обитала еще живность: полосатый жирный кот по кличке Пройдоха-Марсик, отиравшийся целыми днями у камбуза и два потрепанных жизнью попугая. Один – у боцмана Грозера, которого тот выиграл на берегу в карты у Рыжего Ридо, а другой – у рулевого Плешивого Карапузо. Надо сказать, что Пройдоха-Марсик к пернатым был крайне не равнодушен. Попугаю боцмана, имевшему обыкновение сутками грязно ругаться, не повезло больше: он как-то, болтая, зазевался и в результате остался без шикарного хвоста.

Пройдоху-Марсика на корабль принес с собой помощник капитана Чевалачо, заприметив как-то мурлыкавшего кота на пороге одного из портовых кабачков. Пираты фрегата давно уже жаловались на засилье крыс на корабле, которые, обнаглев, грызли все подряд, что попадалось им на пути: от снастей и продуктов до пиратской обуви. Одна из обнаглевших крыс даже умудрилась прогрызть кошелек Бабило и попробовать несколько золотых монет на зуб. Если не верите, можете сами убедиться, он вам покажет следы ее зубов. Хотя некоторые пираты утверждают, что это скорее следы от зубов Фрипоно-младшего. Чтобы как-то урезонить наглых серых грызунов, было решено завести на борту фрегата «усатого охотника». Сначала кота звали просто Барсиком. Но потом, после случая с «марсовым» Простофилей, когда у пирата кот однажды стащил обед, забравшись по грот-мачте наверх к задремавшему пирату, за ним закрепилось имя Марсик. Но ненадолго. Дурные наклонности кота стали проявляться уже через неделю после появления на корабле. У Пройдохи была вредная привычка, от которой страдал весь экипаж корабля. Он по ночам тащил в камбуз, где «снял номер», все, что плохо лежало. Носки, носовые платки, полотенца, трусы, штаны, куртки, курительные трубки, шапки, табакерки... Каждое утро у камбуза выстраивалась длинная очередь из пострадавших, чтобы получить у кока Гютоно за некую мзду свои вещи обратно. Бизнес толстого Гютоно процветал, кок считал, что кота Марсика ему послали небеса.

Однажды полосатый разбойник уволок у боцмана Грозера, который на секунду отвернулся, увесистый кожаный кошелек с золотыми монетами, от такой наглости боцман пришел в неопишемую ярость. И несмотря ни на какие уговоры и стенания кока, выбросил орущего котяру за борт. И каково было удивление экипажа, когда они утром увидели Пройдоху на корабле, преспокойно, с невозмутимым видом, тащившего за собой из камбуза связку молочных сосисек. Когда розовощекий кок обнаружил пропажу, было уже поздно.

За наглость коту здорово попадало от пиратов, то кто-нибудь умышленно наступит на хвост, то пнет под зад, то даст затрещину, несколько раз его чуть не пристрелили, опалив шерсть и усы. Неоднократно наглеца отвозили на берег в Карамбу и оставляли там, десяток раз выбрасывали за борт, но он каким-то невероятным чудом все равно возвращался на пиратский корабль. Однажды, воспользовавшись случаем, Бабило бросил его «робинзоном» на Острове Сундуков. Каково было изумление пиратов, когда знакомая усатая морда через неделю вновь появилась на фрегате. После того, как Пройдоха-Марсик каким-то загадочным образом вернулся на корабль с Острова Сундуков, кок заверял пиратов, что кот им послан небом, что он своего рода – талисман. И пока он на корабле, экипажу фрегата ничего не грозит. С этих пор пираты стали к коту относиться более снисходительно, прощая ему его невинные шалости.

Полосатый разбойник и в ус не дул, продолжал по-прежнему воровать. Однажды он умудрился стащить Барабоськину подушку и спрятать на нижней орудийной палубе. Торбеллино потребовалось полдня, чтобы разыскать пропажу, за которую он мог поплатиться головой.

В тот день Торбеллино поднялся рано: необходимо было приготовить легкий завтрак для спящей Барабоськи. Стараясь не звякать цепями, он направился в камбуз. Утро было чудес-

ным. Из-за гор поднимался ярко-красный диск солнца, водная гладь была как зеркало, воздух пьянил своей свежестью...

Перед камбузом, загораживая посторонним вход, распластавшись, лежала упитанная тушка Пройдохи-Марсика, который и ухом не повел на шаги юноши. Забрав у кока кастрюльку с манной кашей, наш герой отправился обратно в капитанскую каюту кормить проснувшуюся Барабоську. Жирный котяра, привлеченный аппетитным запахом, сладко зевнул, вскочил, потянулся и с ленивым видом побрел следом за юношей. По пути им попался навстречу Фрипоно-Младший, которого кот боялся, как огня, потому что как-то утащил у мошенника колоду крапленых карт. Тот над ними трудился целую неделю, ставя на них секретные точки и значки, чтобы потом на берегу в портовых кабачках обыгрывать своих партнеров по карточной игре. Тогда Фрипоно чуть не убил наглого ворюгу, около часа гоняясь за ним с пистолетом по всему кораблю.

Увидев своего недоброжелателя, кот мигом юркнул за бухту каната. Когда пират прошел мимо, Пройдоха-Марсик покинул укрытие и побежал рысью догонять Торбеллино.

Войдя в капитанскую каюту, юноша совершил непростительную ошибку, расплата за которую последовала незамедлительно. Он забыл плотно притворить за собой дверь, чем в дальнейшем и воспользовался полосатый воришка.

Капитан Малисиозо тем временем крепко спал на широкой кровати под балдахином, украшенным золотыми кистями. Он обычно вставал не раньше полудня, когда солнце было в зените, так как целые ночи напролет проводил за чтением книг и научных трактатов. Торбеллино, чтобы не потревожить пирата, на цыпочках прошел в уголок, отведенный для Барабоськи. Барабоська уже проснулась и от удовольствия шурила черные блестящие глазки, похожие на маслины. Выложив перед болонкой на серебряное блюдо манную кашку, юноша занялся кроваткой собачки. После завтрака он аккуратно расчесал собачке шестку и повязал шелковый бант. Все, теперь они готовы идти на утреннюю прогулку!

Но где расшитая золотом подушка, на которой он ее выносит на палубу? Торбеллино точно помнил, что вчера перед сном, он ее положил на стул, стоящий у входной двери. Куда же она подевалась? Не испарилась же, в конце концов?

Юноша обыскал всю каюту, даже заглянул под кровать Малисиозо. Подушка как сквозь землю провалилась! Что же делать? Малисиозо же его в порошок сотрет или, не раздумывая, вздернет на рее!

И тут юноша вспомнил, что когда нес кастрюльку с кашей, за ним увязался Пройдоха-Марсик.

«Неужели это проделки полосатого разбойника? – подумал он, еще раз внимательно оглядывая каюту в надежде все-таки увидеть подушку. – Ну, конечно, это его лап дело! Кому еще взбрет в голову стащить подушку любимицы Малисиозо, можно ведь и голову потерять за такую сумасбродную выходку!»

Торбеллино бережно подхватил болонку на руки и вышел на палубу, залитую лучами утреннего солнца. Поднявшись быстро с собачкой на капитанский мостик, он обнаружил там Чевалачо, который, сидя в капитанском шезлонге, с любопытством через подзорную трубу рассматривал, что творится на галере Одноглазого Пуэрко.

– Чевалачо! Чевалачо, случилась беда!

– Что за беда, парень?

– Пропала Барабоськина подушка! Что делать? – юноша огорошил неприятной новостью помощника капитана.

– Как пропала? – Чевалачо, выпучив глаза, испуганно уставился на юношу.

Случись на пиратском фрегате пожар или взрыв, он и то испугался бы меньше.

– Вчера была перед сном, а сейчас нигде ее нет. Все углы в каюте обшарил. Как в воду канула!

– Скверный сюрпризец, Малисиозо точно нам бошки поотрывает, это как пить дать, – проворчал вконец расстроенный Чевалачо, почесывая затылок.

– Есть у меня одно подозрение... – начал было юноша.

– Какое? Говори, не тяни кота за хвост!

– Вот именно кота! Когда я с камбуза возвращался с едой для Барабоськи, за мной увязался Пройдоха-Марсик.

– Так бы сразу и сказал! – с облегчением вздохнул помощник капитана, будто сбросил с плеч мешок с песком. – Эта зараза все тащит, что плохо лежит! Наверняка это он стащил подушку! Надо срочно разыскать его! И надавать тумаков, чтобы неповадно было!

– А как же Барабоська? Я не могу ее одну оставить.

– Не бойсь, я с ней посижу, поиграю, а ты – бегом на розыски этого наглого ворюги!

– Спасибо, Чевалачо! Выручил!

– Давай дуй! Не стой, как истукан!

Торбеллино первым делом помчался в камбуз. Там кота не оказалось. Поиски на огромном корабле могли затянуться на часы, если бы не появившийся из кают-компании боцман Грозеро, который сообщил, что полчаса назад видел Пройдоху-Марсика на нижней оружейной палубе.

Торбеллино, подбежав к люку, исчез в темном проеме.

После яркого солнца глаза с трудом привыкали к полумраку оружейной палубы. Сначала он обследовал левый борт от носа до кормы, потом перешел на правый. И тут его поиски увенчались долгожданным успехом.

На лафете одной из пушек, на Барабоськиной подушке, развалившись, дремал Пройдоха-Марсик. Ничего не подозревавший кот, получив от юноши увесистую оплеуху, подпрыгнул до потолка, фыркнул и, рыча, скрылся в темном трюме, откуда еще долго доносились страшные угрозы в адрес Торбеллино.

– Ты где пропал? – накинулся на появившегося юношу Чевалачо. – Я тут совсем измучился с этой капризной чертовкой!

– Весь корабль пришлось обыскивать.

– Нашел подушку?

– Да, еле отыскал. Пройдоха ее на нижнюю оружейную палубу утащил и дрыхнул на ней. Ее сейчас Карифано щеткой очищает от кошачей шерсти.

– Уф! – с облегчением выдохнул помощник капитана. – Повезло нам с тобой, парень. Не знаю, чтобы с нами сделал Малисиозо, если бы узнал о пропаже.

– Вздернул бы на рее или пристрелил, у него разговор короткий.

– Для него маленькая капризная тварь дороже всего экипажа, – проворчал Чевалачо. – Ума не приложу, чего он с ней так носится? Золотая она, что ли?

Торбеллино промолчал. Он-то прекрасно знал истинную цену капризной болонки.

Глава 12. Малисиозо и его ученики

За час до обеда вахтенный ударил несколько раз в колокол, созывая экипаж на занятия. Пираты, побросав все дела, лениво потянулись к грот-мачте, где под натянутым парусиновым тентом проходила учеба.

– Если капитан Малисиозо при случае у тебя поинтересуется, как ты учился в школе, никогда не упоминай, что по каким-то предметам получал двойки, – предупредил нашего героя помощник капитана Чевалачо.

– Двойки, мне кажется, все когда-нибудь получали. Я помню, однажды мне поставили за то, что я дневник дома забыл, а в другой раз, потому что опоздал на урок, – поделился с пиратом школьными воспоминаниями доверчивый Торбеллино.

– Что ты?! Что ты?! – отчаянно замахал руками как мельница, заморгав испуганно глазами, Чевалачо. – Да ни в коем случае, не вздумай даже слово «двойка» упоминать. Малисиозо тут же придет в неистовое бешенство и заставит тебя свои лекции наизусть вызубрить, слово в слово.

– А если у меня с памятью проблемы? – полюбопытствовал удивленный Торбеллино.

– Какие еще проблемы?

– Ну, например, память плохая или слабый слух, тогда что?

– О, тогда тебе точно – как! – отозвался обреченным тоном телохранитель капитана Бабило, усердно раскуривая трубку. – Я тебе не завидую, парень!

– Считай, песенка твоя спета! – вставил канонир Трезоро. – Получишь «горячих» по полной программе!

– Можешь писать завещание! – добавил Чевалачо.

– Он что, больной что ли? – невольно вырвалось у Торбеллино.

– Кто больной? – угрожающе произнес Бабило, всем могучим торсом оборачиваясь к юноше. – Ты кого имеешь в виду, пацан?!

– Все молчу, молчу... – виновато отозвался юноша, на всякий случай отодвигаясь подальше от капитанского телохранителя.

– Единственное, что спасает, так это то, что у Малисиозо эти выкрутасы всего на неделю, не больше, – поддержал разговор улыбчивый Карифано. – Потом он успокаивается и оставляет нас на несколько месяцев в покое. Главное, в эту неделю, в «неделю открытых знаний», как он ее почтительно называет, не попадаться ему на глаза и не задавать наивных и глупых вопросов, которые могут вывести его из себя.

Нашему Торбеллино повезло, ему не довелось быть «студентом» у Малисиозо, так как он постоянно был занят уходом за капризной Барабоськой и пропадал целыми днями либо в каюте, где купал ее в ванночке со всякими ароматическими средствами, либо выгуливал болонку на капитанском мостике. Но присутствовать на одной из лекций по биологии ему как-то случайно все-таки посчастливилось.

Как обычно шел «разбор полетов», ученики бодро отчитывались за проделанную домашнюю работу. Капитан Малисиозо, величественно восседая за круглым столом, сосредоточенно с брезгливым видом рассматривал рисунки в домашней тетради Карифано.

– Карифано, что-то я никак не разберусь, что ты тут нам такое изобразил, – проворчал учитель, взглядываясь через лорнет в каракули пирата. – Вот это, что за цепочка из жирных красных точек?

– На этом рисунке, капитан, я хотел показать строение нервной системы дождевого червя.

– Я это прекрасно понял, прочитав название домашнего задания. А вот с рисунком мне совершенно ничего не ясно. Он меня, мягко сказать, пугает. Если такое художество увидеть ненароком во сне, можно, дорогие мои, и не проснуться.

Нерадивые «студенты» дружно захохотали и на все лады засвистели, по достоинству оценив юмор капитана.

– Не сойти мне с места, я старался, капитан.

– Я несколько и не умоляю твоих стараний, Карифано. В отличие от махрового двоечника и лоботряса Бабило, ты старательный ученик, почти отличник. Мне очень нравится, как ты ответственно и конструктивно подходишь к каждой теме. Но здесь, похоже, ты явно переусердствовал, дорогой. Думаю, мне не хватит и целого дня, чтобы разобраться во всех хитро-сплетениях нервных цепочек дождевого червя, которые ты тут так старательно разрисовал.

Вновь взрыв бешеного хохота и пронзительного свиста огласил палубу фрегата «Пари».

– Тихо, тупые головы! Тишина! Выведу из класса! – Малисиозо потряс звонким колокольчиком.

Веселье и гвалт мгновенно прекратились, наступила гробовая тишина. Слышалось только сопение прилежных учеников да почесывание Бабило, которого под лопатку укусил приبلудный комар.

– Садись, Карифано! Увы, сегодня, к моему и твоему сожалению могу поставить в журнал только тройку. Но это твердая тройка!

Погрустневший ученик, забрав тетрадь, вернулся на свое место.

– Запомните раз и навсегда, дорогие друзья! Нервная система у дождевого червя намного сложнее, чем у гидры. Это вам не по воробьям стрелять!

Поднявшись из-за стола, Малисиозо подошел к небольшой школьной доске, закрепленной у основания грот-мачты, и стал цветными мелками аккуратно вырисовывать дождевого червя в разрезе.

– Она расположена на брюшной стороне тела и похожа на длинную цепочку, – это так называемая брюшная нервная цепочка. В каждом членике тела имеется по одному двойному нервному узлу. Запомните это! Все узлы соединены между собой перемычками. На переднем конце тела в области глотки от нервной цепочки отходят две перемычки. Вот они! Видите, как они охватывают глотку справа и слева, образуя окологлоточное нервное кольцо. А вот здесь, сверху, в окологлоточном кольце есть небольшое утолщение. Это так называемый надглоточный нервный узел. От него в переднюю, часть тела червя отходит множество тончайших нервов...

Пока капитан, прохаживаясь взад-вперед перед доской, вдохновенно говорил, пираты, высунув языки, сосредоточенно записывали лекцию в тетрадки. Наблюдавшему за всем этим Торбеллино стало смешно и он чуть было не прыснул от смеха. Ну, ладно, преподавать военное искусство, географию или навигацию еще понятно, но зачем отчаянным, пропахшим порохом дымом сражений, морским разбойникам знать строение нервной системы дождевого червя, – совершенно не ясно?

После кормления Барабоська, свернувшись клубочком и спрятав черный носик, крепко уснула. Торбеллино, прибрав после визита капитана стол, вышел на верхнюю палубу прогуляться, размять кости и подышать свежим воздухом. Обеденный перерыв закончился, пираты послушно вновь заняли свои места на палубе под натянутым над головами тентом, защищавшим от палящих лучей солнца. Многие широко зевали, после сытного обеда некоторых разморило и неудержимо клонило в сон.

– Бабило!! Не спать!! В угол захотел?! Кому я тут, распинаясь, говорю битый час, бестолочи?! – Малисиозо сердито постучал указкой по столу, заметив, что Бабило как-то подозрительно низко склонил квадратную головушку над залапанной жирными пальцами тетрадкой.

– Трезоро!

– Слушаю, капитан!

– Детская задачка на сообразительность. Допустим, от Карамбы до Острова Сундуков наш доблестный фрегат доплывает за шесть часов при скорости в восемь узлов. А если будет дуть ветер прямехонько в корму, так сказать, мы будем идти курсом фордевинд, и скорость фрегата возрастет в два раза, тогда за сколько часов он доплывет до намеченной цели?

– Э-э-э..., – замычал увалень Трезоро, морща широкий лоб, закатывая черные глаза под густые брови и напряженно наострив уши, в тайне надеясь, что кто-нибудь из рядом сидевших товарищей подскажет верный ответ.

– Альберти, помоги ему, а то он так намерен соображать до ужина.

– Я думаю, капитан, что с попутным ветром наш фрегат будет плыть гораздо быстрее, значит и до острова доберется раньше.

– Логично, логично! Молодец, верно соображаешь. Теперь осталось только сказать, за сколько часов?

– Можно мне? Я знаю! – донеслось из задних рядов. Все удивленно подняли лица и оглянулись на «героя дня», такие «подвиги» случались во время занятий довольно редко и считались исключительным событием. Один из учеников так настойчиво тянул вверх руку, что казалось, что на корабле случилось что-то из рук вон выходящее.

– Можно, Сардино! Слушаем тебя!

– Мне кажется, что за три часа он доплывет до Острова Сундуков! – выпалил довольный пират, заливаясь краской от совершенного подвига.

– Правильный ответ, молодец! Ну, а теперь, дорогие мои, мы усложним нашу задачу...

Торбеллино, чтобы не привлекать внимания Малисиозо, мало ли чего взбредет в голову чудаковатому капитану, незаметно проскользнул на корму фрегата, где устроился в одном из шезлонгов, стоявших в тени бизань-мачты. Хотелось побыть одному и подумать о своем незавидном положении.

Но оказалось, что здесь он не один. С занятий сбежала пара учеников: карточный шулер Фрипоно-младший и молодой пират Рококо. Они расположились за бухтой каната, за которой их почти не было видно. Сидя на палубе, поджав под себя ноги, пираты увлеченно играли в кости. Увидев Торбеллино, Рококо испуганно вздрогнул.

– Сиди! Не трусь! Это же Торбеллино, – успокоил его более опытный товарищ. – Он никому не скажет, что мы играли в азартные игры. Давай, бросай кубики, сейчас твоя очередь.

Подремывая в шезлонге, из-под опущенных ресниц наш герой изредка наблюдал за увлеченными игрой пиратами.

Покопавшись в карманах, раскрасневшийся Рококо поставил на кон золотую монету.

– Не фальшивая, – поинтересовался недоверчивый Фрипоно, долго рассматривая и пробуя монету с чеканным профилем Трайдора на зуб. – А то знаю вас, мошенников.

– Обижаешь, дружище! – сделал попытку возмутиться молодой игрок.

Когда пират снимал пробу, Торбеллино заметил, что левой рукой тот незаметно для соперника подменил игральные кубики.

– Вроде настоящая. Так, теперь мой черед бросать. Учись, молокосос, пока я жив, как надо кидать, – Фрипоно-младший долго тряс стаканчик с кубиками, потом высыпал кости на палубу. И о чудо! На всех трех кубиках выпали шестерки!

– Ну и везет тебе, сегодня! – пораженный увиденным Рококо в изумлении открыл рот.

– Сам удивляюсь, – скромно ответил «искусный» игрок, поспешно пряча выигранный золотой в кожаный кошель, висевший у него на шее. – Еще сыграем? Или у тебя больше нет денег?

– Конечно, сыграем! Ведь мне же надо отыграться.

– Думаю, тебе тоже должно сегодня повезти. Главное – загадать заветное желание. Ты загадал желание?

Заболтав соперника, хитрец Фрипоно прямо на глазах у Торбеллино вновь незаметным движением руки подменил игральные кубики. Невольным свидетелем такого наглого жульничества юноша оказался впервые в жизни.

«Ну и жулик!» – подумал юноша, пораженный наглостью и филигранной ловкостью шулера.

Игра продолжалась недолго, за каких-то пятнадцать минут содержимое карманов незадачливого Рококо перекочевало в тугую кошель хитрого Фрипоно-младшего. Закончив игру, пираты, воспользовавшись возникшей переменой, смешались с остальными членами экипажа и вернулись на школьные занятия.

«Что же делать, что предпринять? Должен же быть какой-нибудь выход? – напряженно думал наш герой, изнывая в шезлонге. – Не сидеть же вот так на пиратском корабле сложа руки, так можно всю жизнь в рабстве провести».

На фрегате «Пари» у юноши стало намного больше шансов вырваться и обрести свободу. Можно незаметно покинуть корабль и вплавь добраться до берега, но там его, наверняка, поймают пираты, находящиеся в увольнении в Карамбе. Нет, такой вариант точно не подойдет. Можно ночью угнать парусную шлюпку, но ведь далеко на ней не уплывешь, догонят. И в назидание другим могут запросто повесить на рее. Остается ждать более удобного случая, когда Малисиозо надумает посетить какой-нибудь кабачок или книжный магазинчик в Карамбе, а он будет с Барабоськой вынужден сопровождать его. Вот тогда, может и представится подходящий случай, чтобы спрятаться где-нибудь в городе или в лесистых холмах, окружающих его.

Через пару часов Торбеллино отправился обратно в капитанскую каюту, будить после дневного сна Барабоську. Бедные пираты продолжали изнывать от духоты на прежних местах, через силу слушая Малисиозо. На этот раз он нарисовал на школьной доске трапецию и допытывался от своих подопечных, что это за геометрическая фигура.

– Это... это... мне кажется... – бубнил, тупо уставясь в рисунок, Фрипоно-младший.

– Фрипоно, ты в цирке бывал? – спросил Малисиозо, теряя терпение.

– А как же, – сразу оживился пират. – Много раз. Я обожаю с детства цирк. Меня хлебом не корми, только дай на цирковое представление поглазеть.

– Воздушных акробатов, конечно, тебе приходилось видеть?

– Конечно, приходилось. И не только акробатов, но и клоунов, и фокусников.

– Ну, клоунов у нас на корабле и своих хватает сверх меры. А фокусы ты и сам мастак показывать, только не с шариками, а с игральными картами. Остановимся же на воздушных акробатах и гимнастах. Так на чем они упражнения выделывают? Ну...?

– Ах, воздушные гимнасты... Так бы сразу и сказали... Это называется... В цирке называется... – тянул время хитрый Фрипоно в надежде, что кто-нибудь из экипажа подскажет.

– Как эта четырехугольная блестящая металлическая штуковина называется?

– Э... э... эта штуковина называется... Такая блестящая... Металлическая...

– Да-да, блестящая! Как она называется? Шустрее шевели мозгами! Они тебе для чего даны?

– Блестящая штуковина называется... Называется штуковина...

Тут уж Торбеллино не выдержал такого издевательства над своим любимым гимнастическим предметом и решил подсказать Фрипоно-младшему, который, закатив глаза, внаглую тянул время, все еще надеясь на подсказку окружающих.

– Трапеция, – тихо сказал юноша, делая вид, что смотрит, как резвятся над гаванью чайки.

– Трр... тра... Трапедия! Трапедия, вот! – радостно завопил Фрипоно, с лицом счастливого, которому неожиданно выпал в лотерею миллион.

– Верно, трапедия! Так вот, уважаемые, эта геометрическая фигура зовется трапедией, – капитан Малисиозо быстро зыркнул сердитым взглядом на юношу, потому что произнесенная сквозь зубы подсказка все равно достигла его тонкого слуха и не осталась без внимания. – У трапедии две противоположных стороны параллельны и называются...

Торбеллино быстро юркнул в капитанскую каюту, здесь было намного комфортнее, чем на жаркой палубе, значительно прохладнее и не так душно. Ленивая Барабоська встречала его блестящими маслинами глаз, она уже давно проснулась и нежилась на подушке, сладко потягиваясь и позевывая. Ему оставалось только причесать ее непослушную шерстку, повязать яркий бант и вынести на капитанский мостик, где они совершали ежедневный моцион.

Глава 13. Прогулка к пещере Малисиозо

Когда Торбеллино вынес болонку на подушке из каюты, занятия уже закончились. Ученики с мыслью, что наконец-то отмучились, радостно и шумно покидали палубу и расходились по своим делам.

Чевалачо был занят проводами большой группы «джентльменов удачи» в увольнение на берег, давал им последние отеческие наставления о морали и приличном поведении. Часть пиратов-неудачников, облепив борта фрегата, с завистью смотрела на счастливых, которым выпала высокая честь отправиться в Карамбу.

Грозера на полубаке громко распекал марсового, уснувшего на посту вместо того, чтобы смотреть внимательно по сторонам и предупредить в случае опасности.

Бабило и несколько пиратов, вероятно, таких же двоечников, как и он, столпились у школьной доски, на которой Карифано пытался нарисовать дождевого червяка и доходчиво рассказать туповатым приятелям о его строении. Часть оставшихся пиратов улеглась под парусиновым тентом прямо на палубу и, разомлев, сладко подремывала. Среди них, то тут, то там, мелькала наглая усатая физиономия Пройдохи-Марсика, высматривавшего очередную свою жертву.

Торбеллино с Барабоськой поднялись на капитанский мостик, где после лекции со скучающим видом, заложив руки за спину, прохаживался Малисиозо. Увидев юношу, он оживился.

– Интересно, откуда у бывшего галерного раба такие замечательные познания в геометрии? – спросил капитан, плюхаясь в шезлонг.

– Мои познания в данном случае скорее основываются не на геометрии, а на цирковом опыте, – ответил юноша, удивленный заданным вопросом, потому что Малисиозо почти никогда с ним не разговаривал.

– Часто бывали в цирке, молодой человек?

– Чаще некуда, – усмехнулся Торбеллино. – Я там работал воздушным акробатом, капитан.

– Акробатом? Не врешь?

– Нет, не вру. Я несколько лет был в шапито Бемса акробатом. На трапеции летал под куполом цирка. Для меня слово «трапеция» означает многое.

– Мне приходилось бывать на представлениях цирка Бемса, он приезжал несколько раз в Карамбу. Замечательная у него труппа. А что-нибудь можешь показать из цирковых трюков?

– Запросто, мой капитан. Могу делать сальто, ходить по натянутому канату, жонглировать, танцевать на руках.

– Ну-ка покажи!

Торбеллино опустил подушку с собачкой на палубу, встал на руки и пустился в пляс, насколько ему позволяла звенящая на руках цепь.

– Bravo! Брависсимо! – воскликнул появившийся на мостике Чевалачо. – Ура! У нас на борту теперь свои циркачи! Можем устраивать представления!

– Чевалачо, парень оказывается не такой уж дурак, в отличие от наших балбесов. Я их спросил, как называется штукавина, на которой выделывают трюки воздушные гимнасты. Ни один не ответил, кроме него. А что будет, когда я им начну читать лекции по навигации, ума не приложу?

– Простите, капитан, но вы слишком сложно объясняете. Им, неграмотным, трудно вас понять, – набрался смелости сказать юноша.

– Сложно? Ну, ты же меня понимаешь?

– Я другое дело, все-таки учился в школе и в навигации неплохо разбираюсь.

– В навигации? – глаза Малисиозо округлились.

- Откуда? – спросил ошалевший Чевалачо.
- Я юнгой служил на военном корабле. Были хорошие учителя.
- Значит, ты считаешь, что я плохой учитель? – с угрожающими нотками в голосе спросил Малисиозо. Зрачки у пирата сузились.
- Нет, что вы, капитан. Я этого не говорил, – отозвался Торбеллино, пожалев, что упомянул об учителях. – Просто нашему экипажу надо объяснять попроще, так им будет легче понять.
- Да, возможно, ты и прав! – уже примирительно заявил капитан. – Ребята у нас действительно темные, почти никто из них не учился в школе, а если и учились, то из рук вон плохо.
- Все поголовно двоечники! – поддержал его Чевалачо. – Я в этом абсолютно уверен.
- У меня возникла идея! А что если следующее школьное занятие проведет Торбеллино!
- Я? – удивился пораженный юноша.
- Ты!
- Критиковать-то и советовать все мастаки! – поддакнул помощник капитана.
- Ладно, проведу. Только надо выбрать подходящую тему, чтобы им было интересно.
- Ну, раз ты тут разглагольствовал о навигации, вот и расскажи им о ней. Заодно и проверим твои богатые познания.
- Но мне надо время, чтобы обдумать и подготовиться к уроку.
- Думаю, недельки ему на подготовку вполне хватит. Как думаешь, Чевалачо?
- Да, капитан, он как раз успеет и конспектик подготовить, и плакатики необходимые нарисовать.
- Капитан, но я не смогу вести урок закованным. Вы только представьте, жалкий раб в цепях читает лекцию экипажу. Это же смешно. Меня никто не будет воспринимать всерьез, тем более слушать.
- Не волнуйся, пусть только кто-нибудь из балбесов пикнет на этот счет, – заверил юношу Малисиозо. – Моя расправа будет короткой.
- А цепи можно снять на время лекции, – предложил Чевалачо.

Но Торбеллино так и не пришлось сыграть роль учителя на пиратском фрегате. Пока он размышлял, готовил материалы первой лекции и советовался по некоторым вопросам со штурманом судна, у Малисиозо уже пропал интерес к преподавательской и просветительской деятельности. Капитан, вернувшись из Карамбы со стопкой новых книг, с головой ушел в увлекательное чтение, забыв, к всеобщей радости экипажа, обо всем на свете, в том числе и об учебе.

Устав от бесконечных абордажей торговых судов, от кровавых разборок на берегу с бешеной командой Одноглазого Пуэрко, от экспедиций на Остров Сундуков, от постоянных шумных пьяных оргий в кабаках Карамбы, от выматывающего курса лекций, Малисиозо решил совершить наконец-то очередную деловую прогулку к заветной пещере, где у него были спрятаны несметные сокровища.

Ранним утром фрегат «Пари», снявшись с якоря, вышел из тихой гавани, взяв курс в сторону Пролива Кошмаров. Бледные лица «джентльменов удачи» от беспробудных пьянок ожились, просветлели, в глазах появился веселый огонек. Свежий ветер, хлопанье над головами тугих парусов, скрип пеньковых канатов, как волшебное лекарство, подействовали на экипаж, погрязший в бесконечных гулянках и азартных играх. У всех было приподнятое бодрое настроение; на капитанском мостике с подозрительной трубой прогуливался Малисиозо, он был в прекрасном расположении духа. На нем были безукоризненно выглаженный черный фрак, белоснежная сорочка с кружевным жабо и высокий цилиндр, повязанный блестящей красной лентой. Позади него, изредка позвякивая кандалами, с расшитой золотом подушкой в руках, вдыхая живительный воздух моря, находился Торбеллино. На подушке сладко дремала, свернувшись калачиком, капризная Барабоська. Тут же крутились: юркий жуликоватый Фрипоно-младший

и стонущий, весь позеленевший, Бабило. Он вчера славно повеселился на берегу, оставив на память трактирщику выбитый в драке зуб, дюжину сломанных стульев и несколько золотых монет. Его, пьяного вдрызг, товарищи с трудом доволокли до шлюпки, чтобы доставить на «Пари».

Красавец фрегат под всеми парусами плавно скользил по водной глади, рассекая форштевнем журчащую зеленоватую воду. На берегу собралась, несмотря на ранний час, довольно приличная толпа пиратов и городских зевак, провожая своих собратьев по разбою. Все с восхищением наблюдали за этим захватывающим зрелищем. Громада белых парусов, изящные линии корабля – все это на фоне утреннего спокойного моря. Проплывая мимо дремавшей на рейде галеры, Малисиозо приказал дать из пушек правого борта холостой залп, разбудивший обитателей всей пиратской флотилии.

На палубу «Канальи», в чем мать родила, изрыгая страшные проклятия, выскочил Одноглазый Пуэрко. Следом за ним из кубрика высыпала его ошалевшая от пьянки полуголая братия во главе с Рыжим Ридо, у которого под левым глазом красовался огромный «фонарь», полученный накануне в кабацкой драке от более удачливого Чевалачо. В изумлении, с разинутыми ртами, они уставились на удалявшийся фрегат.

К полудню следующего дня красавец-фрегат «Пари» достиг намеченного места и бросил якорь. Малисиозо приказал спустить на воду шлюпки и снести в них уложенные в холщевые мешки сокровища, похищенные им с Острова Сундуков.

– Остаешься за старшего! – бросил он, оборачиваясь к Чевалачо.

– Слушаюсь, мой капитан!

– А этого ублюдка заставь отжиматься, – пират, кивнул на своего телохранителя. – Сто раз, не меньше!

– Будет сделано, капитан!

– А ты, чтобы к моему возвращению был в хорошей спортивной форме, понял? – приказал Малисиозо, больно треснув тростью по лбу Бабило, которого весь день отпаивали холодным огуречным рассолом, чтобы он хоть немного пришел в себя после попойки в Карамбе.

– Бу... ссделано! Мой кап... тан! – безостановочно икая, бубнил, пытаясь вытянуться в струнку, опухший от гулянок детина.

– Акробат, бери Барабоську, – обращаясь к Торбеллино, Малисиозо кивнул в сторону берега. – Отправишься со мной на увеселительную прогулку!

Шлюпки отвалили от борта судна. И весла, описав дугу, дружно опустились на водную гладь. Пока рабы гребли, сидевший на носу Малисиозо в подзорную трубу внимательно изучал очертания берега. Когда шлюпки с шуршанием уткнулись в прибрежный песок, Малисиозо с карабином в руках первым спрыгнул на отмель. Оставив шестерых пиратов сторожить лодки, отряд с драгоценным грузом по еле заметной тропинке направился вглубь материка. Впереди шел налегке капитан, за ним Торбеллино с Барабоськой на подушке, а уж потом остальные с тяжелыми мешками за плечами.

Чем дальше они углублялись в дикий лес, тем он становился великолепнее и величественнее. Непроступной зеленой стеной высился он, перевитый лианами, украшенный пышными пальмами. Тропинка вела по краю отвесной пропасти, из глубин которой доносился грохот бурного, неукротимого потока. Навстречу им неслись целые рои ярких бабочек. Непролазный дремучий лес не позволял сворачивать с тропы. К вечеру, когда они достигли заветной пещеры, померкли краски заката, постепенно умолк дневной концерт, слагавшийся из гомона птиц и громких криков обезьян.

Наступили сумерки. Над головой начали скользить тени летучих мышей, усилилось убаюкивающее стрекотание сверчков и кузнечиков. С помощью нескольких рабов был отвален огромный камень, закрывавший вход в заветную пещеру. Свет ярко пылающих факелов выхва-

тил из тьмы горы золотых слитков, десятки сундуков, окованных железом, набитых доверху драгоценностями. От такого сказочного богатства у всех присутствующих захватило дух. С лица Малисиозо не сходила торжествующая улыбка, он был доволен ошеломляющим эффектом, который произвели несметные сокровища пещеры на его спутников. Высыпав содержимое мешков в сундуки, надежно завалив вход камнем, Малисиозо отдал приказ развести на поляне костер и сделать привал.

Торбеллино, удобно устроившись с Барабоськой у приятно потрескивающего костра, сразу же крепко уснул. Сказалась, наверное, бессонная ночь, проведенная накануне. Пришлось долго повозиться с доставкой мертвецки пьяного Бабило на корабль, а потом развлекать капризную собачонку, которая, выспавшись днем, куролесила всю ночь напролет, не давая ему глаз сомкнуть. Развязав заплечный мешок одного из пиратов, Малисиозо извлек оттуда большую бутылку с вином и приличный кусок окорока.

– Пейте, ешьте, братцы! Вы сегодня славно потрудились! Отдыхайте, а ранним утром отправимся в обратный путь, – сказал он, мило улыбаясь, уставшим рабам-носильщикам и сопровождавшим пиратам, вываливая перед ними содержимое еще одного мешка. Пока рабы и пираты с удовольствием пили и уплетали еду, капитан бродил по краю поляны, собирая сухой хворост для костра и искоса посматривая на компанию, сидевшую у огня. Через некоторое время снотворное, подмешанное в вино, начало действовать, все двенадцать носильщиков и четверо пиратов дружно и громко захрапели. Малисиозо, подождав еще немного, подбросил большую охапку сухого хвороста в костер и, наклонившись к спящему Торбеллино, взял из его рук подушку с утомленной Барабоськой. На краю поляны он еще раз оглянулся на неподвижно лежащих путников и растворился в ночной мгле.

Глава 14. Торбеллино в Фараоновой Долине

Торбеллино проснулся от ярко пылающего огня, громко постреливал горящий хворост. Ни Малисиозо, ни Барабоськи нигде не было видно. Торбеллино обошел поляну, у костра крепко спали вповалку только рабы-носильщики и пираты. Капитан и его любимая собачонка бесследно исчезли!

– Очень странно, – вслух подумал озадаченный юноша. И тут вспомнил странные слова помощника капитана Чевалачо, когда он с Барабоськой спускался утром по трапу в шлюпку. Тот тогда сказал ему:

– Ну, прощай, парень! Жалко с тобой расставаться. Видно такая уж тебе выпала судьба.

«Почему он так сказал? Что имел в виду? Непонятно? Куда же все-таки подевался Малисиозо?» – точила мысль Торбеллино.

Неожиданно в густых темных зарослях послышались громкий треск ломающихся сучьев и чья-то тяжелая поступь, от которой задрожала земля. Торбеллино оглянулся на странные звуки и оцепенел: из темноты на поляну, освещенную пылающим костром, вывалились два гигантских волосатых страшилища с горящими желтыми глазами и с огромными корявыми дубинами в могучих ручищах. Одна из мохнатых фигур с леденящим душу звериным ревом шагнула к спящим у костра путникам.

Торбеллино не помнил, как оказался в кромешной тьме диких зарослей, как отчаянно продирался сквозь эту сырую колючую стену, как катился кубарем куда-то вниз, сшибая все на своем пути.

Было уже светло, когда Торбеллино пришел в сознание на дне глубокого темного ущелья, где протекал журчащий ручей. Он, оказывается, падая в пропасть, застрял в густых кустах, растущих на крутом склоне ущелья. Наш герой весь исцарапанный и измочаленный лежал на спине и с удивлением смотрел на покрытую росой паутину, раскинувшуюся над ним. Теперь, он наконец-то мог привести свои путаные мысли в относительный порядок. Теперь-то он понял, что имел в виду Чевалачо, когда простался с ним. Значит, Малисиозо умышленно бросил их, чтобы никто никогда не узнал о сокровищах и местонахождении его тайной пещеры. Освободившись из колючего плена, Торбеллино с трудом спустился к прозрачному ручью, бегущему меж камней на дне ущелья. Юноша утолил жажду и обмыл свои многочисленные ссадины и ушибы. Потом, вооружившись крупным камнем, разбил надоевшую до смерти цепь.

«Надо срочно выбираться из этого мерзкого и опасного места», – с содроганием подумал он о печальной судьбе, постигшей носильщиков и пиратов.

Ему пришлось буквально прорубаться обрывками цепей сквозь густой подлесок молодых пальм. Острые колючки то и дело цеплялись и раздирали одежду. Если не уберечься, можно получить опаснейшие рваные раны. Вконец изодрав одежду и изранив руки в зеленом полумраке трущоб, он добрался до вершины. Перед ним открылась головокружительная панорама: на северо-востоке синели далекие хребты, на юге виднелись живописные зеленые равнины Гуюк-Хана, чуть дальше Желтые пески Великой Пустыни; на западе, сквозь дымку, окутавшую Пролив Кошмаров, еле-еле просматривались очертания Острова Сундуков.

«Куда же направить свои стопы?» – думал Торбеллино, отдыхая после утомительного восхождения на стволе поваленного бурей дерева.

Мимо него проносились со свистом юркие стрижи, а снизу, из зеленой пропасти, доносились звуки леса: крики неугомонных обезьян и пение диковинных птиц, временами жуткий треск кустарника и деревьев, сокрушаемых чьей-то тяжелой могучей стопой.

Юноша, изнывая от постоянно мучившей жажды, высматривал огромные листья лопуха, на них после дождя обычно скапливаются небольшие лужицы, или заросли бамбука, которые,

по его расчетам, должны расти у воды. Множество прекрасных неведомых цветов украшали кустарники и лианы. Зелень леса поражала своим темно-зеленым цветом. Среди этого великолепия пальм, папоротников, орхидей, залитых ослепительным солнцем, роями носились яркие бабочки и звенели трудяги-пчелы. Торбеллино уходил все дальше и дальше на север от ужасного места, где обитали свирепые братья-циклопы, Фероз и Фумадор.

Горный редкий лес, в который Торбеллино вступил в полдень, поразил его низкорослостью и корявостью своих деревьев. Ветви и стволы деревьев густо поросли длинной бородой серых и зеленых лишайников и оранжевых мхов. Мрачные замшелые леса высокогорья завораживали своим безмолвием. Поднимаясь на вершины отрогов гор, он уже не слышал привычного многоголосия птиц, куда-то пропали и яркие бабочки с пчелами. Безмолвие леса нарушалось здесь лишь гудением многочисленных лесных мух да звучным треньканьем невидимых сверчков. Вечерело, надо было подумать и о надежном ночлеге. Торбеллино обнаружил в скалах крохотную пещеру, где и решил обосноваться на ночь. До наступления темноты он бродил вокруг по уступам и камням, собирая сухой мох для ночлега. Благодаря его стараниям, получилось довольно уютное теплое гнездышко, где он и провел свою первую ночь на воле.

На другой день, зябко поеживаясь от холода и сырости, юноша выполз из укромного убежища наружу. Скалы, покрытые инеем, словно стеклянные, сверкали на солнце. Нашему герою невыносимо хотелось есть. Побродив по голым скалам, он нашел пару десятков птичьих яиц. Растревоженные птицы с криком носились над незванным пришельцем, некоторые даже предпринимали отчаянные попытки атаковать, пикируя на него.

Солнце уже поднялось и начало припекать. Замерзшая на скалах роса стала оттаивать, и серые камни «заплакали». Через пару часов, перевалив горный хребет, юноша оказался в живописной долине. Небольшая долина, окруженная со всех сторон отвесными неприступными скалами, была усеяна странными архитектурными сооружениями, что-то вроде пирамид.

«Уж не Фараонова ли это долина, о которой в народе так много ходит легенд, – подумал Торбеллино, с любопытством окидывая взором раскинувшуюся перед ним, завораживающую величественную картину. – Говорят, что здесь, в этих древних пирамидах, хранятся несметные сокровища. Сюда мечтают добраться многие из золотоискателей и искателей приключений, но, похоже, никто сюда так и не проник».

Хотя нет, кто-то все-таки добрался до таинственной Фараоновой Долины. Среди развалин одного из храмов, рядом с упавшей колонной, юноша наткнулся на валявшийся узелок, привязанный к палке. Он был покрыт толстым слоем желтой пыли. Торбеллино поднял его, стряхнул пыль, развязал... В узелке был жалкий скарб неизвестного искателя приключений: пара носков, расшитый кисет с табаком, трубка, грязное полотенце, коробок спичек, соль и сухая краюха хлеба, превратившаяся от времени в твердый камень. Интересно, кем он был, откуда родом, почему бросил свой узелок и куда подевался? Спички, соль и хлеб наш герой на всякий случай взял с собой, в надежде, что ему, если попадетсЯ родник, удастся размочить краюху и поесть.

Торбеллино уже несколько часов бродил среди этого разнообразия пирамид и колоннад разрушенных храмов... Около полудня он оказался на небольшой ровной площади, выложенной отполированными каменными плитами. Посреди нее высилась блестящая гранитная глыба треугольной формы.

– Ба! Да это же солнечные часы! Точно такие же изображены в школьном учебнике! И как я сразу не догадался? – хлопнув себя ладонью по лбу, воскликнул, пораженный своим открытием, Торбеллино. – Вот и падающая тень, которая указывает который час! А те высеченные из камня аккуратные столбики, расположенные по периметру, – это циферблат!

Про солнечные часы юноша читал только в школьных учебниках. А тут, пожалуйста, можно даже рукой их потрогать! За столбиками, по окружности, на плитах были высе-

ченые какие-то диковинные значки с изображениями забавных человеческих фигурок, зверей, солнца, полумесяца...

Юноша присел на колени и стал с любопытством рассматривать гранитные плиты, испещренные странными знаками. Вдруг он уловил за спиной какой-то еле уловимый шорох и оглянулся... И чуть не потерял сознание от ужаса.

К нему, крадучись, подбирались какие-то свирепого вида карлики, вооруженные маленькими дротиками с острыми наконечниками. Их было человек восемь-десять... Они были смуглые с курчавыми черными волосами, из всей одежды на них были только вышитые набедренные пояса. На ногах плетенные из ремешков сандалии. Шею и пояса украшали ослепительно блестящие на солнце узкие золотые пластинки. Карлики, выставив вперед дротики, молча окружали нашего героя.

– А-а! – дико закричал Торбеллино от нахлынувшего на него страха и стремглав бросился бежать. Пролетев стрелой площадь и нырнув налево в узкий проход между руинами двух небольших храмов, он понесся во все лопатки в сторону горной гряды, где ему удалось удачно спуститься и оказаться в долине.

Но далеко от площади с солнечными часами нашему герою убежать не удалось. Что-то просвистело за спиной и юркой змеей обвилось вокруг его ног, он, будто подстреленная лань, рухнул на землю. Тонкий кожаный ремешок с прикрепленными к нему маленькими металлическими шарами, словно удав, крепко обвил его колени. Пока Торбеллино второпях безуспешно пытался освободиться от пут, карлики догнали его и плотным кольцом вновь окружили. Они не переговаривались между собой, не кричали, не жестикулировали, хотя лица их были искажены неукротимой злобой. Только слышно было странное цоканье языком, словно лопались маленькие надувные шарики.

Юноша, поднявшись на колени, стал отчаянно отмахиваться от дротиков нападавших обрывками цепей, которые превратились в его руках в серьезное оружие. Он решил, как можно дороже продать свою жизнь, несколько сломанных наконечников уже отлетело в сторону, что еще больше разъярило карликов.

Неожиданно за его спиной раздался страшный громкий рык...

Торбеллино весь похолодел, кровь застыла в жилах, в мозгу мелькнула последняя мысль: «Конец!»

Карлики замерли и вдруг стремглав кинулись прочь.

Торбеллино сжался в комок от страха, закрыв голову руками. Вдруг что-то мохнатое, грозно рыча, ткнулось ему в спину. Скованный страхом бедный юноша лежал, боясь пошевелиться. Неожиданно он услышал чьи-то тяжелые шаркающие шаги и хриплый злой окрик:

– Валет! Назад!

В эту секунду от пережитого потрясения Торбеллино потерял сознание.

Очнулся наш герой оттого, что кто-то бесцеремонно поливал его ледяной водой, которая и мертвого в одну секунду подняла бы на ноги. Он встрепенулся от холодного душа, непонятно откуда взявшегося. Отфыркиваясь, открыл глаза и приподнялся на локте. Над ним, подбоченясь, стоял его спаситель. Невысокий плотный бородатый мужчина в фетровой шляпе с вороньим пером и безрукавке, с веселыми черными глазками на румянном лице. Из-за широкого кожаного пояса у него торчали рукоятки заряженных пистолетов и кривой кинжал. У ног расположились два огромных лохматых пса, которые недовольно зарычали, когда юноша зашевелился.

– Ну, искатель приключений, отдохнул? Вставай, пора в путь! – сказал незнакомец, доставая из кармана мятый клетчатый платок и вытирая широкий потный лоб. – Много сокровищ нашел?

Растерянный и одновременно обалдевший от счастливого избавления от свирепых карликов, Торбеллино ничего не ответил спасителю. Еле сдерживая пробиравшую его дрожь, с тревогой огляделся вокруг.

Они находились на небольшой площадке, с трех сторон окруженной разрушенными колоннами, с четвертой стороны была высокая отвесная скала с какими-то странными письменами. Перед ее подножием располагалась большая гранитная чаша, в которую из стены через отверстие вытекала прозрачная струя воды. Из переполненной чаши вода лилась на плиты и журчащим веселым ручейком убегала по выдолбленному желобу в сторону ущелья. Посреди площадки покоилась плоская прямоугольная плита. Похоже, она использовалась обитателями Фараоновой Долины для каких-то ритуальных обрядов.

Невольными спасителями Торбеллино оказались: страшный разбойник Малбено и его огромные преданные псы, которые беспрекословно слушались своего грозного хозяина. Малбено был главарем одной из двух соперничающих разбойничьих шаяк, держащих в страхе всех жителей страны. В отличие от него, его соперник, главарь разбойников Бласфемо, был одноглазым, огромного роста, совершенно лысым. И кстати, в отличие от весельчака и балагура Малбено, у Бласфемо совершенно отсутствовало чувство юмора.

Собаки были крупные, мохнатые, с плотной, как у медведей, шерстью и свирепым характером. Отважность, преданность и нечувствительность к боли – вот главные черты этой породы. Эту породу специально вывели в древности для охоты на бурых медведей. Воспитывать щенков этой породы было очень трудным и довольно сложным занятием: у этих собак очень независимый характер.

Во время своей очередной вылазки на природу Малбено, поднимаясь в горы вдоль Янтарного Ручья по глубокому ущелью, случайно обнаружил узкий неприметный проход и оказался в Долине Фараонов, где и стал свидетелем схватки бедного юноши с карликами. В голову разбойника закралась мысль, что Торбеллино – один из тех многочисленных золотоискателей, ищущих счастье в сказочной долине и пропадающих там бесследно. Когда же он увидел обрывки цепей на руках нашего героя, то, присвистнув, воскликнул:

– Ах, вон оно что... Ты у нас с браслетиками! Выходит, из беглых рабов, дорогой! Отлично! Свой приз, лишнюю тысячу монеро за твою поимку, разрази меня гром и молния, я все-таки получу!

Услышав это, Торбеллино тут же осознал, что, еще не вкусив всей радости свободы, вновь лишился ее. Он в сердцах замахнулся цепью на своего «спасителя», но мощный удар в спину опрокинул его, сильные лапы и злобное рычание пригвоздили его намертво к земле.

Нашего героя разбойник привел к небольшой уютной пещере, в которой у тлеющего костра находились еще трое связанных пленников. Это были двое золотоискателей и краснокожий рэдперос-охотник.

Расположившись перед входом, недовольный Малбено, старательно пересыпая золотой песок из мешочков золотоискателей в огромный кожаный саквояж, сердито ворчал под нос, будто кому-то жалуясь:

– Опять неудачные каникулы! В прошлый раз золота было намного больше. Похоже, совсем разленились трудяги-золотоискатели.

Каникулами он называл время, когда несколько раз в году давал возможность своей разбойничьей шайке отдохнуть, развлечься в городе, прокутить деньги и награбленное добро. Сам же на это время уезжал на Янтарный Ручей, где устраивал охоту на золотоискателей, которые промывали здесь золото и с добытым золотым песком направлялись с прииска домой. Иногда ему особенно везло, и он возвращался в свою надежную берлогу с мешком, набитым под завязку золотыми самородками и песком, отнятыми у несчастных тружеников.

Золотоискателей разбойник с миром отпустил, потому что ему не выгодно было уменьшать их количество, ведь они постоянно пополняли его «золотой запас». А Торбеллино и рэд-

пероса решил доставить в Карамбу и там продать в рабство пиратам. Прямоком через горы он не рискнул идти, так как боялся встречи со свирепыми братьями-циклопами, поэтому его крохотный отряд двигался по берегу вдоль Янтарного Ручья, делая большой крюк.

Посматривая на бурный грохочущий поток, Торбеллино лихорадочно думал, как выпутаться из этой неприятной ситуации, в которой оказался. Неожиданно у него созрел отчаянный план. Это был единственный шанс спастись от рук жестокого Малисиозо и от рабской участи на проклятых галерах. Незаметно толкнув плечом молодого рэдпероса, он кивнул тому на горный поток. Они поняли друг друга без слов и разом прыгнули в кипящую воду...

Их подхватило стремительным холодным течением и понесло с огромной скоростью вниз, в долину. Торбеллино и краснокожего охотника неукротимый поток нес, ударяя о подводные камни, попадавшие на пути, вращая их в коварных водоворотах, окуная в небольшие водопады. По берегу, выкрикивая грязные проклятия, бегал среди своих заливающихся лаем псов красный от злости Малбено. Торбеллино удалось освободиться от намокшей веревки. Он вплавь догнал уносимого вперед рэдпероса, крепко вцепился в него и с огромным трудом выволок беспомощного захлебнувшегося товарища по несчастью на отмель. Уложив его на песок, стал приводить в чувство с помощью искусственного дыхания. Через некоторое время молодой охотник зашевелился, открыл глаза и судорожно зашелся в сильном кашле.

Глава 15. Форт Теруро. Краснокожие братья

Несколько дней Торбеллино упорно тащил на себе израненного рэдпероса. Когда Веселого Бобра, так звали охотника, мучила жажда, юноша приносил из ручьев в ладонях ему живительную влагу. Кормил того ягодами, лесными орехами и съедобными кореньями, которые ему удавалось найти. На шестой день, когда бедняги с огромным трудом взошли на пологий холм, они увидели внизу группу вооруженных всадников.

Надо было что-то срочно предпринять! Торбеллино спрятал раненого охотника в небольшом углублении, похожем на старую, обвалившуюся волчью нору, сверху прикрыл ворохом сухих сучьев и листьев. Сам же опять выполз на вершину холма посмотреть, где всадники и что они делают. Отряд направлялся в их сторону, медленно поднимаясь на холм. Торбеллино, пригнувшись, стремительно бросился в сторону и что было сил побежал прочь от того места, где был спрятан рэдперос. Он надеялся, что успеет достигнуть спасительного густого подлеска и укрыться там. Но верховые уже заметили его, раздались крики, пронзительный свист, улюлюканье и топот погони. Бежать было невероятно тяжело, от усталости подкашивались ноги, обрывки мотающихся цепей больно хлестали тело, отчаянно колотилось сердце, норовя выпрыгнуть наружу. Прерывистое дыхание с хрипом вырывалось из груди. Вдруг он услышал над головой пронзительный свист и почувствовал резкую боль вдоль спины. От удара нагайкой юноша упал как подкошенный и потерял сознание.

Очнулся Торбеллино крепко привязанным к седлу лошади, когда конный дозор уже миновал ворота форта Теруро. Форт был построен много лет тому назад, как пограничная крепость, охранявшая границы государства от набегов диких племен и кочевников. С тех давних пор прошло много времени. Дикае воинственные племена перевелись, а кочевники ушли далеко на юг в степные районы, ближе к Великой Пустыне. Подвыпившие офицеры частенько забавы ради устраивали хулиганские вылазки на владения мирных рэдперосов-охотников. За что снискали у них глубокую ненависть.

Выехав на середину плаца, маленький отряд спешил. Молодого фрида отвязали и грубо, не церемонясь, бросили на землю к ногам коменданта Брицоне, который вышел совершить утренний моцион.

Росточка комендант был относительно невысокого. Голова с большими залысынами напоминала облезлую тыковку с торчащими ушами, на которой выделялись красный нос картошкой и маленькие черные глазки, похожие на мух, облюбовавших аппетитный блин. Он почти всегда ходил без мундира, в одних галифе, при этом пощелкивая подтяжками и выставив напоказ волосатую грудь и небольшой животик. Каждое утро, просыпаясь с глубокого похмелья, он всячески клялся и давал себе зарок, больше никогда не притрагиваться к рюмке с вином, но к вечеру снова слетал с катушек и напивался. А напившись, начинал дурить и куролесить. Особенно доставалось молодым офицерам и бедным солдатам форта, которых он до посинения заставлял под барабанный бой часами маршировать по крохотному плацу внутреннего двора крепости.

– Это что еще за чучело привезли? – задал вопрос солдафон, взглянув на грязные лохмотья юноши и брезгливо поморщившись.

– Господин комендант! Мы поймали беглого каторжника! – бодро доложил молоденький офицер с молодцевато закрученными усами, лихо соскакивая с вороного жеребца. – Пытался от нас дать деру и скрыться в лесу!

– Лейтенант, интересно, как он в наших краях очутился? Каторга-то, черт знает где, аж на Острове Зеленый Ад!

– Значит, из крепости Мейз сбежал. Наверное, к пиратам в Карамбу пробирался.

– Что-то я сомневаюсь. Крепость тоже далековата. Хотя, может, ты и прав.

– Я не преступник! Я был в рабстве у пиратов, – хотел разъяснить Торбеллино, делая попытку подняться на затекшие ноги.

– Ах, негодяй! Он еще и выступает! – взвился ни с того ни сего Брицоне, сдвигая фуражку на затылок. – В камеру его! Немедленно! Там у него будет предостаточно времени подумать, кто он и откуда! Завтра я лично его допрошу.

На поляну Священного Огня племени рэдперосов, на которой торчал тотемный столб с фигуркой парящего ястреба и горел костер, на взмыленном коне прискакал мальчишка. Резко осадив гнедого коня около группы воинов, «хранителей огня», он, жестикулируя руками, стал возбужденно что-то говорить. Трое рэдперосов тут же вскочили на коней и ускакали вслед за юным всадником. Через пару часов они вернулись обратно, за спиной одного из воинов сидел израненный, еле живой Веселый Бобр. Его бережно сняли с коня и уложили на траву.

Над стойбищем прокатилась тревожная дробь боевого барабана, созывающая на поляну воинов и вождей племени.

Когда воины собрались вокруг костра, на середину поляны двое рослых рэдперосов, поддерживая, вывели главного вождя племени – Седого Медведя. Старый немощный воин стукнул несколько раз посохом о землю, призывая к тишине рэдперосов, окруживших Священный Огонь. Приблизившись к столбу, он тяжело опустился на почетное место. Вождь внимательно выслушал рассказ подростка, которого к нему подвел один из «хранителей огня». Помолчав и выкурив трубку, старый поднял правую руку, изуродованную еще в глубокой юности, когда он один на один сошелся в схватке с разъяренным бурым медведем. В гробовой тишине прозвучал глухой тихий голос старца:

– О, братья! Гордые сыны Красного Ястреба! Великие воины племени Красные Перья! Наш Белый Брат, спасший мужественного воина Веселого Бобра, попал в беду. Солдаты форта, мерзкие твари, проклятые трусливые псы, пролили его кровь. Значит, и нашу, ведь он отныне наш Брат. Они схватили его и держат в неволе. Мы должны освободить своего Белого Брата!

Над поляной, заполненной воинами, прокатился ропот и раздался боевой клич. Вождь вновь поднял руку, призывая возбужденных рэдперосов к тишине.

– Айви, тебе пришла пора становиться мужчиной, настоящим воином. Ты принес плохую весть на Поляну Священного Огня. Принеси же хорошую. Я все сказал.

Двое из «хранителей огня» бережно помогли подняться старому вождю, и в их сопровождении он удалился в свое жилище.

Спустя некоторое время на поляне в боевой раскраске появился колдун племени, под ритм бубна он закружился в неистовой пляске вокруг пылающего костра, выкрикивая страшным завывающим голосом древние заклинания. Воины во все глаза завороченно следили за пляской колдуна, которая становилась все быстрее и быстрее. Наконец он опустился в изнеможении на землю с выступившей пеной на губах, склонив перед огнем голову, увенчанную пучком ястребиных перьев. По его лицу, покрытому красной краской, катились ручейки пота... Зачерпнув ладонями горящие угли, он с минуту смотрел пристально на них и бормотал заклинания, потом вырвал из головного убора четыре пера и, вскочив на ноги, приблизился к притихшим воинам, окружившим Священный Огонь. Рэдперосам, которым были вручены перья, предоставлялась большая честь – освободить Белого Брата. Это были отважные воины и опытные следопыты. Первым оказался среди них подросток Айви. Вторым – высокий Зоркий Ястреб, лучший стрелок племени, он всегда носил с собой два колчана стрел. Третьим – Одиноким Волк, рэдперос уже в годах, он был одним из самых опытных следопытов и грозой степных волков. Его грудь и запястья украшали ожерелье и браслеты из волчьих клыков. Четвертым – молодой храбрый воин Отважный Барс, несмотря на молодость, ему довелось неоднократно принимать участие в битвах с врагами племени.

Рано утром под прикрытием седого тумана, окутавшего пуховым одеялом всю округу, рэдперосы скрытно подобралась к стенам форта Теруро. На стенах и башнях форта маячили фигурки часовых. Укрывшись в густом кустарнике, росшем вплотную к стенам, воины после короткого совещания решили дождаться темноты и под покровом ночи осуществить свой план. Весь день они наблюдали со своих позиций за часовыми и к вечеру уже точно знали порядок их смены на постах.

На форт и окрестности опустилась глубокая ночь, из-за темных облаков выплыла бледная луна. На стенах форта были видны только огоньки фонарей да контуры одиноких часовых, снующих взад-вперед.

В кромешной темноте ловкий Айви проскользнул неслышно сквозь непроходимые дикие заросли орешника и прильнул к замшелым прохладным камням стены. В руках у него тускло поблескивали два охотничьих ножа. Поочередно втыкая их в расщелины меж камней, он, подтягиваясь на ножах, стал медленно взбираться по отвесной стене крепостной башни. Со стороны его тень была похожа на не спеша ползущего по стене огромного паука. Из гуши кустарника за ним неотступно следили три пары зорких глаз. Зоркий Ястреб с луком в руках настороженно наблюдал за ходящим поверху стены часовым. Он был готов в любой момент поразить эту цель. Наконец Айви достиг окна, забранного крепкой решеткой. Ухватившись за решетку, маленький рэдперос издал тихий шипящий звук.

Бедный Торбеллино в это время лежал на деревянных нарах, обдумывая незавидное положение, в котором оказался, и ломал голову, как из него выбраться. Его ситуация представлялась до смешного нелепой: он бежал из рабства пиратов, он не преступник, а его держат в темнице, как какого-то разбойника.

Услышав еле уловимый шорох и звук, который обычно издают растревоженные змеи, он, пораженный, встрепенулся.

«Этих тварей еще не хватало для полного счастья, – мелькнула у него беспокойная мысль. – Ядовитых змеюк в моем холодном темном каземате».

Он стал напряженно вслушиваться в странные шуршащие звуки. Вдруг что-то звякнуло об решетку. Юноша приподнял голову и вздрогнул: на фоне окна при лунном свете копошилось какое-то темное существо, вцепившееся в прутья.

– Тише, Белый Брат, – раздался детский шепот. – Мы пришли за тобой, чтобы спасти тебя. Помоги мне.

Торбеллино вкочил и бросился к окну. Он вцепился обеими руками в ржавую крепкую решетку, попробовал ее раскачать. Но тщетно, прутья не поддавались, они были крепко замурованы в стене.

Айви снял прикрепленную к поясу веревку, сплетенную из конского волоса, и через решетку просунул ее узнику. Одним концом веревки Торбеллино крепко связал пару прутьев, а другой конец ее был тихо спущен рэдперосам, находящимся под стенами крепости. Одинокий Волк, приняв конец веревки, прикрепил его к седлу своего коня и неслышно повел жеребца прочь от крепостной башни.

Веревка натянулась. Раздался противный скрежет: это с трудом выходили из глубоких пазов замурованные прутья решетки.

Часовой, ходивший поверху стены, вдруг остановился, привлеченный странными звуками. Скинул с плеча карабин, приблизился к парапету и посмотрел вниз. Солдат обомлел: по отвесной стене спускались две темные фигуры, освещенные лунным светом.

– Тревога! Тревога! – от неожиданности он потерял дар речи, только хрип вырвался из его глотки. Он судорожно вскинул карабин, чтобы выстрелить по беглецам и поднять тревогу, но не успел... Стрела с красным оперением, выпущенная меткой рукой Зоркого Ястреба, пронзила солдату кисть руки. Он выронил оружие и упал в обморок от боли.

Тревога в форте была поднята некоторое время спустя, когда пришла караульная смена и обнаружила часового, лежавшего без сознания. Но рэдперосы с Торбеллино были уже далеко.

Прошла неделя, в течение которой Торбеллино жил в гостеприимном племени рэдперосов, залечивая раны и изучая быт и язык племени охотников. Старый вождь, Седой Медведь, за спасение воина племени подарил Белому Брату свое ожерелье из медвежьих когтей. Отныне юноша мог занимать почетное место на совете вождей на Поляне Священного Огня. Наш герой очень сдружился с юным рэдперосом Айви, который еще не достиг того возраста, когда подростки должны пройти посвящение в воины. Но, благодаря его активному участию в освобождении Торбеллино, отважного мальчика досрочно посвятили в воины, он стал мужчиной, настоящим воином. Теперь он гордо носил взрослое имя – Ловкая Пантера.

По древним обычаям каждый подросток племени проходил полный ритуал посвящения в воины. Для этого он должен был принять участие в настоящем бою с врагами племени, или уйти в дикий лес или горы и прожить в одиночестве несколько месяцев, добывая и готовя пищу себе сам. Там во время скитаний в тревожных снах и видениях испытующим приходили образы зверей, которых они потом выбирали себе в покровители. Но, к сожалению, не всем удавалось с первого раза пройти такое суровое испытание. Кто выдерживал его, тех на Поляне Священного Огня посвящали торжественно в воины и давали им имена, связанные с их покровителями, а кто не выдерживал, те ждали еще год, чтобы вновь повторить испытание на стойкость и мужество.

Торбеллино затосковал по друзьям, по подпольной работе, пора было возвращаться в Бельканто. Перед отъездом Торбеллино вместе с Ловкой Пантерой навестили раненого Веселого Бобра. Тот был еще слаб и не мог подняться со своего ложа навстречу дорогим гостям, спасшим ему жизнь. Гости уселись на медвежью шкуру напротив больного. Жилище Веселого Бобра представляло собой типичное жилище любого рэдпероса-охотника. В центре – очаг, вокруг одеяла, звериные шкуры. В специально отведенном месте у хозяина хранилось все его оружие. Тут было несколько луков с колчанами и стрелами, боевые топоры, пара дротиков, с десяток охотничьих ножей, два старых ружья, небольшой бочонок с порохом... Одним словом, целый арсенал. И такие личные арсеналы были у каждого воина племени Красные Перья.

Лесная Голубка, жена Веселого Бобра, поставила перед гостями чайник с плошками и блюдо с жареной олениной и незаметно вместе с детишками покинула жилище: не место женщине и детям быть там, где беседуют воины.

На рассвете Торбеллино, для маскировки наряженный и раскрашенный под рэдпероса, в сопровождении шестерых отважных воинов покинул гостеприимное племя. К вечеру конный отряд рэдперосов достиг Восточных городских ворот столицы, благополучно, без приключений, миновав в пути все контрольные посты полиции.

Глава 16. Трайдор

Диктатор Трайдор редко появлялся на людях в парадном мундире и орденах, только лишь по большим праздникам и торжествам. Он не любил парадного лоска, особенно терпеть не мог «паркетных» героев. Трайдор родился в очень бедной и многодетной семье почтальона, и его заветной мечтой было вырваться из глубокой нищеты, достичь мировой славы, богатства и вершин власти. С детства упрямый шустрый мальчишка стремился быть лидером среди местной детворы, добиваясь этого либо силой, либо хитростью. Изворотливый ум, упорство и лидерские качества очень помогли ему в военном училище завоевать заслуженный авторитет среди однокурсников и преподавателей. Трайдор, стремясь пробиться в высшее командование армии, еще совсем «зеленым» лейтенантом принимал активное участие в заговоре молодых офицеров, которые в те далекие времена так и не решились на путч. Позже эта офицерская группировка, уже возглавляемая молодым генералом Трайдором, путем военного переворота решила прорваться к власти и повести политику завоевания и подчинения вольных городов. Две тысячи мятежников под командованием молодого, решительного генерала заняли несколько правительственных зданий в центре Бельканто и начали расстреливать неугодных членов правительства. В столицу были введены войска генерала Перфидо, поддержавшего мятежников. После гибели правителя, Мудрейшего Синсеро, и трехдневных уличных боев с преданными правительству гвардейцами заговорщики одержали уверенную победу. Захватив власть, генерал Трайдор провозгласил себя единоличным правителем государства, обладающим неограниченной властью, и требовал, чтобы к нему обращались не иначе, как «ваше сиятельство».

Понедельник во дворце, как обычно, начинался с традиционного совещания. На нем обсуждались и решались срочные государственные дела, не требующие отлагательства, важные вопросы, касающиеся безопасности, и последние новости.

На заседаниях в Зале Победителей все министры и прочие высокопоставленные чиновники постоянно что-то усердно писали, особенно, когда выступал диктатор. Трайдора иной раз разбирал неудержимый смех, когда он наблюдал за этими старательными прилежными писакми, его так и подмывало порой любопытство подсмотреть, что там за каракули пишет неотесанный солдафон генерал Перфидо или министр финансов, упитанный Тараканни, близоруко склонившись над блокнотом с золотыми застежками.

«Чего они там так старательно выводят, скрипя перьями, будто занимаются каллиграфическим письмом, – думал Трайдор, наблюдая за подчиненными. – Директор департамента тайной полиции Рабиозо точно ничего не пишет, у того холодный и расчетливый ум, скорее, он рисует всякую дребедень или едкие шаржи на своего заклятого недруга генерала Перфидо, сидящего напротив. Кстати, не мешало бы их сегодня в очередной раз стравить на совещании, пусть погрызутся. Лучше не допускать в своем правительстве людей, спаянных крепкой дружбой и уважением. А то, чего доброго, сговорятся за его спиной и устроят какой-нибудь тайный заговор с переворотом. Недовольных-то много, многие мечтают и видят радужные сны, как его сбросить с престола. Вон, тот еще жук, жирный Тараканни, наверняка не прочь запустить свои толстые пальцы, униженные перстнями, в сундуки с драгоценностями в сокровищнице Трайдора, что уж говорить о других... Это сейчас они сидят такие смиреннькие, мальчишки-паиньки, пока он в силе, а дай слабинку, ненароком оступись, эта противная свора без всяких раздумий набросится и разорвет его в клочья. Единственная надежная опора – это адмирал Гавилан, его давний товарищ по военной академии, тот хоть и хитер, и себе на уме, но старого друга ни за что не предаст. Быстрее бы Доктор Энви закончил свои научные эксперименты и изыскания. Результаты проводимых ученым над крысами опытов по созданию Эликсира Все-

властия не имеют цены. Когда он станет обладателем чудесного снадобья, тогда будет покончено с повстанцами и прочими смутьянами, все у него забегают на задних лапках, как серые мышки на веревочке. Потом надо будет потихоньку отделаться от яйцеголового сумасшедшего ученого или сослать этого живодера куда-нибудь подальше с глаз долой, в тот же Фиолетовый Замок. Пусть там себе в свое удовольствие занимается экспериментами над бедными кошками да собаками».

Покрутившись с минуту перед зеркалом, нахмурив сердито брови, взлохматив пятерней густую шевелюру, чтобы быть похожим на льва, Трайдор, по-военному чеканя шаг, вошел в Зал Победителей. Министры, советники, военные и шеф тайной полиции в ожидании диктатора уже заняли свои излюбленные места за огромным круглым столом, расположенном посреди зала, и перебрасывались друг с другом последними новостями и анекдотами. При виде грозного правителя все дружно вскочили и вытянулись в струнку в знак приветствия.

– Рад вас видеть, господа! Прошу садиться!

Трайдор, позванивая шпорами, с недовольным видом быстро прошел к своему почетному месту и тяжело плюхнулся в мягкое кресло.

– Так, что у нас сегодня? – спросил он, обращаясь к своему секретарю, невысокому шустрому Рабаттино.

Открыв трясушимися руками папку с бумагами, побледневший секретарь тут же подкатился к диктатору, с подобострастием глядя тому в суровое чеканное лицо.

На этот раз начали со свежих новостей. После ознакомления и обсуждения последних известий, диктатор затронул архиважные вопросы, касающиеся безопасности государства. За промахи в обеспечении безопасности хорошую нахлобучку получил шеф тайной полиции Рабиозо. Потом переключились на финансовые дела. Тут уж досталось пузатому лоснящемуся Тараканни на полную катушку, за все его банковские махинации. Трайдор во всем любил точность и ясность. Он не терпел, когда кто-то нагло обстрипывал грязные темные делишки за его спиной.

Багровый от гнева Трайдор к середине совещания разошелся не на шутку и ругал своих подданных, не стесняясь в выражениях.

– Я вас спрашиваю! Да, именно вас, генерал Перфидо! Когда мы наконец-то покончим с этими смутьянами?! – задал вопрос раздраженный диктатор.

– Ваше сиятельство... – жалобно заблеял генерал, как нашкодивший мальчишка, подбирая причины для оправдания своих неудач.

– Немедленно! Слышите! Немедленно отправьте своих солдат в Брио, в этот рассадник смуты! Снова оттуда приходят неутешительные вести! Снова волнения среди моряков! Надо умерить пыл непокорных фридов!

– Будет исполнено, мой повелитель!

– А вы, дорогой адмирал, совсем расслабились! Почему до сих пор не разделались с вольным городом Веер-Блу?

– Ваше сиятельство, мы пытались несколько раз ввести нашу эскадру в Залив Курьезов, чтобы атаковать город, но ничего из этого не вышло. Всегда внезапно начинался штитель, наши паруса обвисали, как жалкие тряпки. А когда мы попытались спустить шлюпки с десантом, начался страшный шторм, которым наши военные корабли были выброшены из Залива Курьезов. Тогда мы решили захватить город с суши, используя гарнизон форта Зефир, но внезапное нашествие из пустыни полчищ ядовитых скорпионов сорвало все наши планы. Из-за этих тварей солдаты вынуждены были покинуть форт и искать убежище на кораблях.

– На все у вас готовы отговорки, адмирал! Я вас не узнаю!

– Мы стараемся, Ваше сиятельство.

– Стараемся! Вот именно! – взорвался Трайдор, грохнув по столу кулаком. – Стараются, вместо того, чтобы делать все как надо!

Члены правительства притихли, боясь поднять головы и встретиться с суровым взглядом Трайдора. Только шеф тайной полиции продолжал увлеченно что-то рисовать в блокноте.

– Рабиозо, вы чему там все время улыбаетесь? – переключился на главного полицейского страны диктатор. – Можно подумать, что в доверенном вам ведомстве все в порядке? Ответьте, где ваши хваленые ищейки и тайные агенты? Почему они так скверно работают? Под самым носом у нас уже несколько лет орудует подпольная типография, мы до сих пор ничего о ней не знаем! Крамольными листовками бунтовщиков буквально завалена вся столица, листовки уже в солдатских казармах обнаружены! Не удивлюсь, если скоро во дворце будем их читать!

В то время, когда разгневанный Трайдор распекал своих министров и генералов, у ворот казармы крутился Торбеллино, пряча под курткой пачку листовок. Он ждал продовольственный фургон, который в этот час каждое утро привозил в казарму свежий хлеб и другие необходимые продукты. Наконец долгожданный фургон показался в конце улицы. Как только повозка подъехала к полосатым воротам, и заспанный ленивый караульный вышел отворять их, наш герой, проходя мимо, приподнял сзади полог и запихнул в фургон пачку революционных воззваний к солдатам.

Глава 17. Город Мейби

Вернувшись в Бельканто, Торбеллино несколько недель приходил в себя от пережитого, от своих злоключений. Но подпольная работа не терпела топтания на месте и требовала решительных действий. Связь повстанцев с капитаном Дью так и не была налажена. После исчезновения Торбеллино, были отправлены еще четверо связных, но они по какой-то таинственной причине угодили в ловушку и были арестованы охранкой Рабиозо. Для выполнения этого ответственного задания кого-то необходимо было срочно командировать в город Силенто. К Торбеллино с этой просьбой обращаться не хотели, у него и так впечатлений от прошлой командировки хватало с лихвой.

Он это чувствовал и сам вызвался снова попытаться наладить связь между разрозненными повстанческими отрядами. Повторять прошлый маршрут с караваном было слишком рискованно, можно вновь угодить в руки жестоких кочевников, отправиться на попутной почтовой карете по дороге тоже не сулило ничего хорошего. На дорогах среди бела дня, никого не боясь, внаглую шалили разбойники из шаек Бласфемо и Малбено. Неожиданно Торбеллино предложил подпольщикам более интересный и относительно безопасный способ, как добраться до вольного города «ночных братьев». Он решил туда добраться вплавь. Да, да! Не удивляйтесь! Именно вплавь! Помните, столица Бельканто расположена на берегах быстрой реки Браво?

Эта гениальная мысль пришла юноше, можно сказать, случайно. Как-то после сильного дождя он вышел из душной типографии прогуляться по городу, подышать свежим воздухом и обратил внимание на ватагу босоногих мальчуганов, которые, соревнуясь, запускали бумажные кораблики в ручье, бегущем по тротуару. Где-то с минуту юноша наблюдал за белыми корабликами, а потом, окрыленный родившейся неожиданно идеей, помчался домой готовиться к новому путешествию. Пока добирался до своей каморки, которую снимал на Улице Звездочетов, все продумал во всех тонкостях. За пару дней он соорудил из куска кожи легкое надувное бревно с двумя прочными ляжками по бокам, чтобы за них держаться во время сплава по бурной реке и управлять «судном». Вовнутрь бревна упаковал свою одежду и самые необходимые для любого путешественника вещи.

Юноша стартовал рано утром, когда часы на Башне Большого Вольдемара пробили четыре часа утра, когда над стремительными водами реки Браво еще висел седой сырой туман.

– Доберешься до маяка на мысе Сюрприз, можешь смело обращаться к зрителю его – Старому Галсу. Он – надежный человек, тебе всегда поможет, – напутствовал юношу, провожая, руководитель подпольщиков Ферри.

Быстрое течение подхватило легкое суденышко и понесло на юг к устью реки, к городу Мейби. Торбеллино довольно быстро приспособился управлять своим норовистым «кораблем», по пути преодолевая без всякой боязни бурлящие, грозные пороги, небольшие водовороты, торчащие из воды коварные скалы, затяжные перекаты...

Вечером он сделал привал на одной из галечных отмелей, большую часть пути он уже проплыл, осталось чуть-чуть, совсем немного. Развел костер, обогрелся, приготовил ужин.

Неожиданно на берегу появилась семейка бурых медведей, которая вышла на вечерней зорьке половить рыбу. Косолапые с недовольным ворчанием уставились на непрошеного гостя, но не стали предъявлять юноше свои права, так как их отпугивал огонь и дым костра. Забравшись в воду и поймав несколько крупных рыб, семейка удалилась восвояси. Торбеллино подбросил в костер охапку хвороста. Ночь прошла спокойно, только изредка слышались всплеск воды, чей-то писк и уханье филинов.

Утром он упаковал вещи в плавучее бревно и снова тронулся в путь. Через четыре часа он был уже недалеко от городка Мейби. Выбравшись на песчаный пляж, он чуть не задохнулся

от ужасного запаха мутной воды и замусоренного пляжа. Торбеллино с удивлением огляделся. Все побережье было усеяно грязными чумазами свиньями, которые с хрюканьем возились в песке, усыпанном гниющими арбузными корками и прочей вонючей дрянью. Невыносимо пахло помойкой. Морщась от удушливого запаха и громкого визга дерущихся из-за банана свиней, он направился к аккуратным белым домам под красной черепичной крышей, видневшимся среди обилия буйной зелени. Улицы городка почему-то были пустынные, вдоль домов росли финиковые и кокосовые пальмы, ближе к домам персиковые, апельсиновые и банановые деревья. Булыжная мостовая была сплошь усеяна кожурой, ореховой скорлупой, шелухой, корками и прочими очистками.

Это был необычный и самый грязный город во всей стране. Он раскинулся на побережье Бухты Свиней. В этом городе, утопающем в равной степени, как в золотом песке, так и в зелени фруктовых деревьев, жили самые настоящие чудачки и отъявленные лентяи и бездельники. Теплый климат позаботился о пропитании жителей города. Фруктовые деревья ломались под тяжестью ароматных плодов. Достаточно было, не вставая, только протянуть руку. Возможно, от постоянного ничегонеделания и знойной жары в голову чудаковатым обитателям Мейби приходили всякие нелепые мыслишки и безумные идейки. Изнывая от лучей ласкового солнца и собственной лени, они для развлечения устраивали всевозможные сногшибательные соревнования и турниры. Кто кого переспит, переговорит, переплюнет, тараканьи бега, паучьи бои и так далее. Иногда некоторые из них проводили очень любопытные эксперименты, например, от нечего делать один житель вывел породу очень маленьких лошадей, высотой где-то около тридцати сантиметров, после чего его осенила идея вывести породу крошечных хищников. Но таких гениев было мало, в основном, все только предавались развлечениям от обуявшей скуки.

Все побережье и вода залива были усеяны апельсиновыми, мандариновыми, лимонными, банановыми корками и прочими нечистотами. В городе кое-как, несколько раз в году, убирали улицы, весь накопившийся периодически мусор свозили к бухте и сваливали прямо в воду. В заливе никто никогда не купался, так как вода протухла до невероятной степени. Несусветная вонь стояла до небес. Все обширное побережье было истоптано вдоль и поперек скопищами грязных свиней, которые обрели здесь свой сказочный рай. Отсюда и произошло название бухты – Бухта Свиней.

На всю страну город был знаменит не только чудачествами жителей, но и поросячьими гонками. На чемпионаты, проводимые здесь, приезжал сам диктатор Трайдор, он был большим знатоком и любителем необычных состязаний и не пропускал ни одного мало-мальски крупного турнира, даже учредил для победителя свою премию – Золотой Кубок Трайдора.

Заставить поросенка бежать сломя голову в нужном направлении – дело непростое. Тут надо прилично потрудиться. Дрессировка длится несколько недель. Поросят приучают к тому, что на финише каждого ждет большущая миска сливок с шоколадом. После того, как условный рефлекс выработался, вождельные миски заменяются на одну, которая достается только лидеру гонок. Соревнования проводятся на небольшом овальном треке, обильно посыпанном опилками. Дистанция небольшая, всего-навсего тридцать метров. В день бывает около 20 забегов, в каждом участвуют 5—6 бегунов. Победитель определяется по сумме всех забегов. Финальный забег дополняется барьерами в 30—40 см, но эти препятствия поросята преодолевают бесстрашно, иногда просто сшибая их на своем пути. Среди рысистых «пяточков» есть даже свои звезды.

У диктатора была своя поросячья команда, которую он постоянно пополнял новыми спортсменами. Любимец Трайдора – Несравненный Свин, веселый поросенок, с черным пятном на левом глазу. Он умудрялся преодолевать дистанцию за четыре с половиной секунды. Тут, конечно, не обходилось без закулисных махинаций Доктора Энви. По личной просьбе Трайдора злой гений изобрел специальные витаминные пилюли для любимой хрюшки дик-

татора, чтобы она поражала всех своей неумной энергией и высокими рекордами. Делая денежные ставки на Свина, Трайдор выигрывал на соревнованиях баснословные суммы денег. Но время неумолимо, оно ведь не стоит на месте, так и поросята со временем превращаются во взрослых свиней. Значит, победы Свина не вечны, и необходимо готовить для него смену. Этим усиленно занималась специальная бригада ветеринаров и тренеров, назначенная Трайдором, готовя и тренируя будущее пополнение команды. Втайне от бригады Энви проводил собственные секретные эксперименты над Свином, чтобы он не рос и не превратился со временем во взрослую свинью. Получалось, что в действительности с молоденькими поросятами соревновался не такой же как они поросенок, а взрослая сильная особь, с виду оставшаяся таким же маленьким «пяточком».

Пройдя несколько безлюдных кварталов, юноша очутился на просторной городской площади, размером с два футбольных поля, где в центре, в прохладной тени, под пятью пышными зелеными пальмами, собралось почти все население города. Слышались возбужденные выкрики, улюлюканье и пронзительный свист. Торбеллино из любопытства подошел ближе и глянул через плечо толстого господина, который все время что-то жевал и умоляющим голосом кого-то просил:

– Лунатик! Лунатик! Ну же, дорогой! Не подведи, родимый! Вся надежда только на тебя!

Перед зрителями и Торбеллино было что-то вроде большого длинного стола, на котором размещалось несколько узких дорожек, разделенных друг от друга канавками с водой. И вот по этим дорожкам, выкрашенным в разные цвета, бежали, выбиваясь из последних сил, несколько рыжих, упитанных тараканов. Пестрая публика, окружившая плотным кольцом стол, возбужденно и азартно вопила и свистела на все лады, подбадривая бегущих к финишу «спортсменов».

Лунатик бежал по крайней, по фиолетовой дорожке, но бежал, по мнению Торбеллино, из рук вон плохо. То ли таракан был сонный, то ли сытый. А может, оправдывал свое имя, видно, сейчас не его время. Ночью при лунном свете он, наверное, мчался бы впереди всех собратьев, не оставляя им ни малейшей надежды на победу.

Глава 18. Старый Галс и Джой

В полдень, когда Торбеллино вернулся на берег, где хозяйничали замурзанные свиньи, он стал свидетелем печальной картины. Наглые хрюшки уже успели обнаружить тайник и всю потрошили «плавучее бревно» с его содержимым. Огорченный юноша разогнал скопище «вандалов», разоривших его укромный уголок. Порванное «бревно» было уже непригодно для дальнейшего путешествия по воде. Торбеллино, связав одежду в узелок и укрепив его на спине, смело вошел в воду.

Он быстро удалялся от негостеприимного берега. Плыть было легко. Стояла прекрасная погода. Далеко впереди, в легкой дымке, проглядывали очертания белого маяка на противоположном берегу залива. Теплая зеленоватая вода журчала под сильными гребками Торбеллино. Когда он был уже на полпути к маяку, с востока подул резкий ветерок. Сначала пловец не обратил на него никакого внимания. Но когда над морем появилась темная туча и поверхность залива покрылась белыми барашками волн, юноша забеспокоился. Ветер начал крепчать, волны быстро росли. Небо нахмурилось, навстречу шел шквал. Волны из невинных барашков превратились в огромных неукротимых чудовищ. Пловец то зависал на какое-то время на вершине гребня, то проваливался в бездонную бездну. Неугомонный ветер гнал низкие черные тучи, срывая шапки с дыблящихся гребней, осыпая храбреца водяной пылью. Увертываясь от колючих брызг, выныривая, Торбеллино пытался не потерять из виду берег с маяком. Слева что-то приближалось с жутким шипением. Волна упала с оглушительным ревом на смельчака и накрыла его страшной тяжестью. Вынырнув, судорожно лоя легкими воздух, Торбеллино обнаружил, что узелок с одеждой исчез в темной пучине. Когда его легко вздымало на крутую волну, он пытался отдышаться и привести мысли в порядок. Волны с каждой секундой становились все крупнее и крупнее. Бешеный ветер завывал, разгуливая меж крутых гребней. Полчища волн сплошными рядами то шли на него, то метались в разные стороны. Над заливом совсем стемнело, Торбеллино почувствовал себя ничтожной песчинкой в центре этой грозной стихии. Страх исчез, появилась неукротимая злость, переходящая в отчаянную ярость.

– Нет! Нас просто так не возьмешь! – крикнул он, бросая вызов разыгравшейся буре.

Один за другим налетали ливневые шквалы, где-то вдали мелькали отблески ярких молний. Приближалась гроза. Сквозь завывания ветра и плеск моря слышались зловещие раскаты грома. Началась настоящая свистопляска. У Торбеллино перехватило дух, руки и ноги будто сковало, они перестали повиноваться. Оглушительный рев стихии буквально закладывал уши. Среди круговерти пены и брызг юноша чувствовал себя игрушкой. Ливень хлестал немилосердно его голое тело. При свете молний, раскалывающих черное небо, волны громоздились, как вершины гор; белые гребни выступали из мрака, как гигантские чудовища. Гром гремел, будто оркестр больших барабанов...

В очень давние времена на мысе Сюрприз был сооружен маяк, который помогал мореплавателям ориентироваться ночью в море, чтобы не разбиться о скалистый берег и опасные рифы.

Бессменным смотрителем маяка многие годы был отставной военный моряк, бывший боцман, Старый Галс. Здесь он жил со своей семнадцатилетней внучкой Джой. Сын его Скифф, капитан брига «Ослепительный», погиб пятнадцать лет назад вместе с женой и своей командой, вступив в неравный бой с мятежной эскадрой, возглавляемой изменником, адмиралом Гавиланом.

Тогда дочь Галса гостила на корабле своего мужа. Молодая счастливая чета собиралась провести очередной отпуск в Ноузгее, в Городе Цветов, оставив маленькую кроху у дедушки.

И тут неожиданно произошли те печальные события в стране: разразился путч, возглавляемый Трайдором при поддержке Черного адмирала.

Старик заменил осиротевшей девочке и отца, и мать. Несмотря на то, что Галс баловал свою единственную внучку, он воспитывал ее как мальчишку.

Джой с раннего детства приучена была к самостоятельности. Она прекрасно готовила и шила, отлично плавала и стреляла, знала навигацию и лихо управляла парусным шлюпом...

Из небольшого белого домика, прилепившегося к основанию маяка, появилась красивая девушка, за ней, жмурясь от солнца, нехотя следовал ленивый полосатый кот.

– С добрым утром, дедушка! – сказала она, наклоняясь и нежно целуя старого моряка, который, устроившись на пороге крыльца, чинил порванные тигровой акулой сети.

– С добрым, внучка!

– Я иду купаться! – крикнула девушка, легко сбегая по каменным щербатым ступеням, ведущим к морю.

– Иди, Джой! А то твой Малыш, наверное, заскучал. Вчерашний шторм не позволил вам всласть порезвиться. Хорошо, что мы предусмотрительно вытащили наш шлюп на берег, а то его вчера разнесло бы в щепы.

Джой, пританцовывая и кружась, запрокинув лицо со счастливой улыбкой к утреннему солнцу, босиком бежала по песчаной полоске пляжа, которую лизали ласковые волны залива. Она еще издали увидела своего любимца – Веселого Малыша, который лениво плескался на золотой отмели у прибрежных скал. Он был несмышленным дельфиненком, когда его раненого нашла у берега внучка Старого Галса. Она выходила его. С тех пор он и девушка стали неразлучными друзьями.

– Малыш! Малыш! – она помахала рукой.

Дельфин, услышав знакомый серебристый голос и шлепанье по воде ее босых ног, от радости выпрыгнув из воды, сделал высоко в воздухе головокружительный кульбит, которому позавидовал бы самый искусный акробат в цирке, и плюхнулся в воду, подняв фонтан соленых брызг.

Девушка, скинув легкое платьице, вошла в море. Рядом тут же возник сверкающий на солнце черный плавник Малыша. Обрадованный дельфин вертелся и неугомонно что-то «щебетал» на своем дельфиньем языке.

– Что, Малыш? Чем ты так встревожен? – спросила Джой, ласково обхватив его скользкий плавник.

Но дельфин устремился в сторону торчащих из воды скал и как преданный пес потащил ее за собой.

– Дедушка! Дедушка! – запыхавшаяся девушка впорхнула в домик.

– Что случилось, Джой? – обернулся обеспокоенный старый моряк. – На тебе, бедняжка, лица нет!

– Дедушка! Там на берегу!

– Что на берегу?

– Там на берегу лежит юноша!

– Какой еще юноша? – спросил старик, поднимаясь из-за стола.

– Я не знаю!

– Ну-ка, внученька, быстро показывай, где он!

– Дедушка, он вон там, где начинаются Серые Скалы!

Джой быстро побежала обратно, туда, где только что они с Малышом нашли утонувшего юношу. За ней, прихрамывая и опираясь на палку, спешил старый моряк.

Недалеко от Серых Скал на узкой песчаной полоске пляжа, где обычно плавала девушка со своим питомцем, неподвижно лежал полуодетый молодой человек. Возможно, несчастный из последних сил выбрался на сушу и потерял сознание, или его выбросило на берег волной прибоя, или его вытолкнул из воды дельфин. Возбужденный Малыш, высунувшись из воды, без остановки что-то возбужденно по-дельфиньи «чирикал».

Опустившись на колени перед безжизненным телом, Старый Галс перевернул его на спину и обнаружил, что незнакомец еще дышит. Очень слабо, но дышит...

– Он живой, Джой! – обрадовано воскликнул старый моряк. – Вот только без сознания.

– Живой! Живой, дышит, – засуетилась обрадованная девушка.

– Наверное, наглотался соленой водицы во время шторма. – Старый Галс, кряхтя, приподнял Торбеллино. – И, судя по всему, парня помесило прилично в прибое во время шторма. Давай перенесем беднягу в наш домик.

– Откуда он, дедушка?

– Вероятно, потерпел кораблекрушение поблизости какой-нибудь корабль, а он один из тех немногих счастливых, кому удалось спастись во вчерашней разыгравшейся стихии.

С огромным трудом они дотащили бесчувственного Торбеллино до домика и уложили на кровать.

– Ты подежурь рядом с ним, а я по берегу пройду. Посмотрю, может, еще кто-нибудь уцелел после вчерашней бури.

Галс, побродив по отмели, усеянной выброшенными штормом водорослями, больше никого не обнаружил и вернулся обратно. Потерпевший был по-прежнему без сознания, но уже чувствовал себя намного лучше, хотя и бредил. Лицо его порозовело, дыхание стало тихим, но ровным. Джой всю ночь, не смыкая глаз, продежурила у постели больного, она ни на шаг не отходила от несчастного юноши.

Торбеллино очнулся только на следующий день, под утро. Первое, что он увидел, когда открыл глаза, было нежное девичье личико с огромными темно-серыми глазами, склонившееся над ним.

– Где я?

– Не волнуйтесь. Вы в безопасности. Что с вами случилось?

– Я совершенно ничего не помню. В памяти только огромная волна, которая надвигается стеной, – промолвил Торбеллино, с трудом приподнявшись на локте и оглядываясь вокруг. Он находился в небольшой светлой комнатке, обстановка которой была довольно скромной. Кроме стола, швейной машинки у окна, пары стульев, небольшой этажерки с книгами и моделью парусника, сундука в углу да большого зеркала на стене ничего особенного в ней не было. Но во всем чувствовалась заботливая женская рука: на подоконнике, где дремал полосатый кот, стояла стеклянная ваза с букетом полевых колокольчиков, на столе – белоснежная скатерть с затейливой вышивкой, на стене – пара небольших картин с морскими пейзажами, украшенными цветами...

– Дедушка! Дедушка! Он очнулся! – радостно крикнула кому-то девушка.

Скрипнула входная дверь, и появился крепкий высокий старик с обветренным лицом, в выгоревшей на солнце полосатой тельняшке.

– Ну, вот и прекрасно! Выходит, у нас сегодня большой праздник. Здорово повезло тебе, парень! Уцелеть в такой сильный шторм – это настоящее чудо, – сказал обрадованный моряк. – Признавайся, наверное, перепугался насмерть, оказавшись в такой передряге?

– Да, нет. Как-то не успел, – слабо улыбнулся больной.

– погоди, погоди, парень! – удивленно воскликнул Старый Галс, прищурился глазами и внимательно всматриваясь в бледное лицо юноши. – Мне кажется, мы с тобой уже где-то встречались!

Торбеллино тоже показалось, что пожилого моряка он где-то уже видел. Голос также показался очень знакомым.

– Может, в Бельканто? – неуверенно произнес он.

– Точно! – хлопнув себя по колену, радостно воскликнул дедушка Джой. – Помнишь кабачок в Бельканто, что на Улице Оружейников? Не помню, как он называется...

– Кабачок «У Веселого Джастина».

– Да, вот именно, «У Веселого Джастина»!

– Дедушка, милый, ты же обещал! – вспыхнула от возмущения девушка.

– Джой, я только на секунду туда зашел. Клянусь, больше этого не повторится, – стал оправдываться смутившийся старик.

– Вы еще про «Ослепительный» рассказывали? – откликнулся молодой фрид.

– Ну да! А потом меня увел дружище Анкоро. Тесен, однако, мир! Дорогая внученька, ну-ка, быстренько приготовь нам что-нибудь перекусить! Да вина не забудь! Друзья, как говорится, встречаются вновь! Вот так встреча, парень! Прямо чудеса какие-то!

– На самом деле, чудеса, – улыбнулся бледными, потрескавшимися губами Торбеллино.

Глава 19. Два сердца

Торбеллино быстро поправлялся. Молодой сильный организм сдаваться не хотел и брал свое. Не прошло и четырех дней, как он уже твердо стоял на ногах и даже помогал старому моряку спускать шлюп на воду, приводить перепутанный такелаж в порядок и управляться с парусами.

– Да ты, как я посмотрю, парень не промах! Все схватываешь прямо на лету, – хвалил морской волк юношу, наблюдая, как ловко и быстро тот выполняет его указания.

– Ничего удивительного, ведь я родился в Брио, в так называемой столице моряков, и год ходил юнгой на корабле. Правда, на таких небольших суденышках, как «Ослепительный», раньше плавать не приходилось.

– Тогда, братец, с тобой все понятно. Морского опыта, похоже, тебе не занимать. А как управлять шлюпом и парусами, я тебя мигом обучу, ты у меня оглянуться не успеешь, как чемпионом на парусной регате станешь.

– Так уж и чемпионом, – улыбнулся юноша.

– И не сомневайся. Старый Галс свое слово держит. Он, если хочешь знать, обучил не один десяток классных мореходов.

– А шлюп «Ослепительным» вы назвали в честь корабля своего сына? – задал вопрос юный моряк, закрепляя шкоты.

– Да, в честь погибшего в сражении брига сына, – отозвался, нахмурившись, старик. – Ну-ка, хватит бездельничать, оставь шкоты в покое, занимай место рулевого и бери в руку покрепче румпель, начнем осваивать первый урок! Клянусь всеми ветрами залива, мы сделаем из тебя настоящего яхтенного капитана! Ведь так, Джой?!

– Сделаем, дедушка! Куда он от нас денется! – рассмеялась сияющая Джой, выглядывая из каюты.

Старый Галс оказался хорошим и требовательным учителем, через несколько дней Торбеллино постиг парусную науку в совершенстве и теперь управлял шлюпом настолько профессионально, будто с рождения был заправским яхтсменом. Джой и ее дед не могли нарадоваться на смышленного ученика, наблюдая за его невероятными успехами.

После обеда Старый Галс, как обычно, прилег на часок вздремнуть, а Джой и Торбеллино, убрав со стола и помыв посуду, отправились на пляж загорать и купаться.

Сбежав по каменным ступенькам лестницы на песчаную полоску берега, они еще издали увидели Веселого Малыша, который в одиночестве плескался у Серых Скал.

– Малыш! Малыш! – позвала девушка дельфина, который, скучая, плывал кругами, иногда лениво кувыркаясь через голову. Услышав знакомый зов, он радостно ударил хвостом по воде и, высоко выпрыгнув, шлепнулся на водную гладь.

Торбеллино и Джой побежали к нему по прибрежной волне, лижущей их ноги и золотистый песок. У Серых Скал юноша с легкостью подхватил бегущую девушку на руки и, обняв ее, закружился, переполненный счастьем. У берега плескался, пытаясь их осыпать соленными брызгами, Малыш. Джой прижалась к загорелой груди любимого, уткнувшись лицом в его длинные вьющиеся волосы. Они еще долго кружились одиноко на золотистом пляже. Потом она выскользнула из его объятий и легко побежала. А когда он стал ее настигать, она, сбросив на ходу платье, кинулась в море и быстро поплыла в сторону рифов, где монотонно рокотал прибой. Рядом с ней неотступно следовал Малыш и что-то радостно «щебетал» ей. Торбеллино догнал их уже далеко от берега.

После купания утомленные юноша и девушка лежали на горячем песке и наблюдали, как продолжает резвиться в пенистых барашках прибоя неутомный дельфин.

– Мне у вас хорошо. Я ведь вырос один-одинешенек. У меня никого не было кроме старенькой бабушки. А теперь у меня есть ты, Галс и Веселый Малыш.

– Я тоже выросла одна, меня воспитал дедушка. А теперь я воспитываю его.

– Как воспитываешь? – спросил Торбеллино, повернув к девушке удивленное лицо. – Он же не маленький ребенок, а взрослый пожилой мужчина.

– Ну и что, что взрослый, – рассмеялась Джой, блеснув озорными глазами. – Понимаешь, он последнее время любит выпить, посидеть со старыми приятелями в кабачке за стаканом вина, а я ему не позволяю. Ругаю, говорю, что это для его здоровья вредно и постоянно читаю ему всякие нотации.

– Фу, какая ты зануда. Он, наверное, страшно обижается на тебя?

– Я вовсе не зануда, а заботливая и строгая, как моя мама.

– Твоя мама умерла, да?

– Нет. Моя мама погибла вместе с отцом.

– Извини, я не знал.

– Она находилась на его корабле, когда мятежной эскадрой был потоплен «Ослепительный». Я их совсем не помню, мне было тогда всего-навсего два года. Была вот такой крохой, – погрузневшая Джой показала рукой на уровне колена, смахнув с ресниц слезинку.

– Хватит о грустном! Пошли купаться! – сказал Торбеллино, протягивая руку Джой. – А то Веселый Малыш совсем затосковал в одиночестве.

– Нет, сначала расскажи мне какую-нибудь коротенькую сказку! Но только, смотри, чтобы сказка была интересной и со счастливым концом.

– Я других и не знаю, Джой! Хорошо, слушай! В одной далекой стране, за семью морями, в семье моряка родилась маленькая девочка...

В гостях на маяке Торбеллино провел самые замечательные дни своей жизни, но пора и честь знать, пора отправляться выполнять задание подпольного Комитета Четырех. На следующий день с первыми лучами солнца юноша и девушка тронулись в путь. От маяка Старого Галса до Силенто было километров около двадцати пяти. Они шли, весело болтая и держась за руки, по старой пыльной дороге, по которой давно уже никто не ездил, кроме одиноких почтовых карет и курьеров. Да и те в этих краях из-за шаливших на дороге разбойничьих шаек стали большой редкостью.

– Торбеллино, а ты любил когда-нибудь, – вдруг тихо спросила девушка и, смутившись, опустила глаза. – Я имею в виду не родителей.

– Да, любил. Очень сильно любил. Помню, мне было лет тринадцать. Я тогда первый год работал в шапито старого Бемса. Была там красавица Франческа, танцевала на канате. Маленькая такая, тоненькая, ласковая. Ко мне относилась как к младшему брату. Я обожал ее, во время выступлений всегда торчал за занавесом и переживал за нее. А еще – страшно ревновал, ревновал ко всем подряд: к многочисленным поклонникам, к товарищам по труппе, даже к ее мужу, славному малому, жонглеру Тибальдо. Как сейчас помню, после моего первого выступления на манеже, она первая поздравила меня с успехом, обняла и крепко поцеловала. Я несколько дней после этого ходил как именинник. Даже как-то чуть не подрался с Тибальдо из-за того, что он на репетиции отругал Франческу за допущенные ошибки. Тогда почти вся труппа вынуждена была провести со мной воспитательную беседу. Вот такая у меня была любовь.

– А где она теперь?

– Кто? Франческа?

– Да, твоя Франческа!

– Не моя, а моего друга Тибальдо. Она уже два года как умерла от воспаления легких. Осень, помню, выдалась сырая и дождливая. После одного из выступлений разгоряченная

Франческа простудилась и долго болела. Не знаю, как я тогда пережил это горе, да и не только я. Вся цирковая труппа тяжело переживала утрату. А бедный Тибальдо безудержно запил, а потом покинул шапито, больше никто его не видел. Исчез бесследно.

– Грустная история.

– Да, история печальная.

– А ты у нас долго еще пробудешь на маяке.

– Не знаю. Все зависит от того, когда появится «Звездный», я ведь должен буду сопровождать бриг.

– Мне так тебя будет не доставать! – Джой повернула к юноше свое покрасневшее лицо, темно-серые глаза подернулись стеклом слез.

– Ну-ну, милая, ну что ты. Перестань, ты же большая девочка! – обняв ее и смахивая серебристые слезинки с ее длинных ресниц, сказал Торбеллино, нежно касаясь губами влажных щек.

Глава 20. Венто и Флай

Они долго, наверное, еще бы стояли вот так, посреди пустынной дороги, прижавшись друг к другу и прислушиваясь к стуку юных сердец, если бы не рокот приближавшихся мотоциклов. Он все нарастал и нарастал. Наконец вдали появилась темная точка, окутанная облаком пыли. Джой и Торбеллино на всякий случай сошли с дороги на обочину. Мимо них на огромной скорости пронесся мотоциклист в кожаной куртке и черных очках и скрылся за поворотом. Через мгновение в клубах желтой пыли появился еще один ездок на ревущем мотоцикле. Он, не снижая скорости, подлетел к повороту. И тут случилось неожиданное...

То ли ездок не справился с управлением, то ли занесло на вираже мотоцикл, то ли переднее колесо попало в выбоину на дороге...

Мотоцикл резко крутануло и отбросило в сторону...

Мотоциклист перелетел через изогнутый дугой руль и кувыркнулся в глубокий кювет.

Ошеломленные влюбленные замерли в оцепенении. Первым пришел в себя Торбеллино, сунув в руки Джой корзину, он, не раздумывая, бросился к месту катастрофы, над которым висело облако пыли. Спустившись в кювет к распростертому внизу на камнях неподвижному гонцику, юноша опустился на колени и осторожно снял с того треснувший шлем с очками. Из-под шлема волной хлынули каштановые локоны.

– Девушка! – удивился пораженный Торбеллино. Он осторожно поднял бесчувственное тело на руки и поднялся с ним на дорогу. К нему подбежала взволнованная Джой.

– Она жива? – с трудом выдавила она дрожащими губами, чуть не плача.

– Жива! Но, похоже, сильно ударилась головой, необходимо привести ее в чувство. Достань, пожалуйста, фляжку с водой, она там, на дне корзины.

Пока Джой искала в корзине фляжку, Торбеллино, держа бережно девушку на руках, присел на придорожный валун. Правой рукой аккуратно убрал пряди волос, застилавшие бледное лицо пострадавшей, и тихонько подул на него. Длинные ресницы девушки дрогнули, глаза открылись и сразу же судорожно сомкнулись. Сквозь полуоткрытые губы послышался слабый стон.

– Джой! Смочи платок! – сказал, не оборачиваясь, Торбеллино. – Она, кажется, приходит в себя.

Они хлопотали около бедной девушки, когда из-за крутого поворота вылетел на мотоцикле юноша в черных очках, который до этого пронесся мимо них. Подлетев к ним и резко затормозив, он бросил ревущую машину на дороге, подбежал к ним и схватил безжизненную руку девушки.

– Флай! Флай! Что с ней! – из-под черных очков по пыльному лицу юноши бежали грязные ручейки слез.

– Не волнуйтесь, она жива. Она без сознания. Наверное, сотрясение мозга, ей сейчас необходим полный покой, – успокаивал Торбеллино растерявшегося юношу, прикладывая мокрый платок ко лбу и вискам девушки.

– Венто, не плачь, это я во всем виновата, – послышался тихий шепот пострадавшей. – Где мои очки? Я ничего не вижу.

– Флай! Милая! Я сейчас! – возбужденный мотоциклист бросился к лежащему в кювете мотоциклу.

– Вот они, сестричка, – сказал он через секунду, выбираясь на дорогу со шлемом и очками. Но девушка вновь впала в беспамятство.

– Ее необходимо доставить домой и срочно вызвать врача, – посоветовала расстроенная Джой.

– Езжайте за доктором, а я донесу ее на руках до города, – сказал огорченному юноше Торбеллино. – Тут уже совсем близко!

– Хорошо! Я мигом за доктором и встречу вас на въезде в город.

Ноктафрат одним махом оказался в седле и на огромной скорости умчался в Силенто, оставив за собой шлейф удушливой пыли.

Весь день наши герои провели в гостеприимном доме молодых ноктафратов, Венто и Флай. После приезда доктора Флай стало намного лучше, она пришла в себя и теперь лежала с забинтованной головой в постели, в окружении новых друзей и брата.

– В этот раз я счастливо отделалась, ведь правда, братишка? – сказала, виновато улыбаясь, бледная Флай, слегка касаясь рукой повязки на голове. – А помнишь, в прошлый раз, я целых четыре месяца пролежала в гипсе.

– Это я виноват, – обращаясь к Торбеллино и Джой, проговорил молодой ноктафрат. – Мы с Флай часто подражаемся доставлять почту из Бельканто в Силенто и Веер-Блу и обычно делаем привал на половине пути. А в этот раз решили проехать весь путь без остановок, чтобы быстрее оказаться дома. И случилась на последнем километре эта история. Флай смертельно устала, ну и стала невнимательной, рассеянной, одним словом, потеряла осторожность. А за рулем мотоцикла это очень опасно.

Глава 21. Вольный город Силенто

Джой только что умылась и стояла на открытой веранде, залитой веселыми солнечными зайчиками, наблюдая, как в живописном саду под яблонями, на аккуратно постриженной лужайке, разминается обнаженный до пояса Торбеллино. Она с восхищением смотрела на сильную ладную фигуру любимого.

– Джой! Полей мне, пожалуйста! – позвал ее юноша, закончив свои физические упражнения, как обычно, головокружительным сальто, которым удивлял, находясь в плену у номадов, юного Гэрэта и его друзей.

Девушка поливала ему на голову и спину из кувшина воду и весело смеялась над тем, как он громко фыркает, будто тюлень.

Вдруг за каменной стеной оглушительно взревел двигатель, над ними промелькнула огромная тень, и на площадку перед верандой плюхнулся откуда-то сверху мотоцикл вместе с Венто.

Заглушив двигатель, ноктафрат подошел к ним.

– Ну, как спалось, дорогие гости? – спросил он, поблескивая черными очками.

– Честно сказать, дорогой Венто, очень плохо.

– Отчего же?

– Слишком шумно у вас в городе ночью. Уснуть практически невозможно в таком бедламе.

– Ну, ничего, отоспитесь еще, до вечера далеко. У нас в городе принято спать днем. Поэтому его и называют Силенто. Днем стоит такая тишина, что даже слышно, как крыльями машут бабочки и жужжат пчелы.

– Венто, а ты почему не спишь, раз у вас заведено в это время отдыхать?

– А я ездил в аптеку за котом.

– За каким еще котом? – молодые люди удивленно переглянулись.

– Сейчас увидите, – улыбнулся Венто и снял с плеча большую кожаную сумку. Расстегнул молнию. Из сумки выпрыгнул...

Кто? Как вы думаете?

Из сумки выпрыгнул, недовольно жмурясь от солнца, взъерошенный рыжий кот. Он отряхнулся и, усевшись, стал с невозмутимым видом умываться, приводя себя в порядок.

– А почему ты за ним ездил в аптеку-то?

– Как почему? Доктор выписал рецепт, неделю усиленного лечения котом. Наши доктора всегда прописывают такое лечение после аварий, чтобы потерпевший быстрее пришел в себя, успокоился. При душевной травме, при самом жутком стрессе нет ничего эффективнее, чем большой ласковый кот.

– Очень интересно! Никогда не думала, что можно лечить кошками, – сказала, смеясь, Джой.

– Знакомьтесь, его зовут Милки, это самое лучшее лекарство в нашей ближайшей аптеке. Если бы не он, не знаю, как бы мы с Флай перенесли три года назад смерть наших родителей, погибших в аварии.

Молодые люди с интересом разглядывали пушистого гостя. Кот наконец-то пришел в себя после бешеной езды на мотоцикле и, ласково мурлыкая, подбежал к ним. Наклонив свою лобастую голову, стал тереться о ноги Джой.

– Вот видите, он сразу чувствует, что у кого болит. У тебя, Джой, наверное, ноги болят?

– Да, есть немного. Гудят с непривычки после нашей вчерашней долгой прогулки. От маяка до Силенто довольно приличное расстояние. Я еще никогда так далеко не ходила.

– Пока пациент болен, кошка буквально не отходит от него ни на шаг. Порой мы приезжаем домой усталые, разбитые, а дома встречает вот такое пушистое мурлыкающее существо. Радуетя нашему появлению, прыгает на колени, на грудь. Сразу становится легко на душе, нет ничего полезнее для человеческого здоровья, чем ласковая кошка, – заключил Венто.

– Он, наверное, голоден?

– Сейчас все будем завтракать. Пойду обрадую нашу Флай, – и ноктафрат, подхватив на руки мурлыкающего Милки, отправился к сестре в спальню.

После вкусного легкого завтрака, который быстро приготовил гостеприимный Венто, Торбеллино и Джой отправились на прогулку в порт, а заодно познакомиться с Силенто. Они не спеша брели по пустынным улицам дремавшего города. Кругом белокаменные красивые дома с закрытыми, ярко разрисованными ставнями, на стенах – кашпо с цветами. На площадях, на улицах, у домов стояли рядами мотоциклы всевозможных конструкций и расцветок, играющие на солнце всеми цветами радуги. У ноктафратов строение глаз отличается от глаз остальных жителей страны. Они большие и круглые, с огромными зрачками, которые привыкли к ночному образу жизни. Если кому-нибудь нужно было выйти из дома днем, то приходилось надевать черные очки, чтобы уберечь глаза от лучей солнца. Ноктафраты жили замкнуто, никого не впуская из посторонних и не посвящая в свою жизнь. У них под Горой Лидера, что высилась направо от въезда в город, был секретный подземный завод, где они производили и ремонтировали свои мотоциклы. Их город считался вольным, их никто никогда не мог подчинить своей воле. Правители страны давно смирились с этим и махнули на «ночных братьев» рукой. Недалеко от Силенто в Черной Долине обитали Чумазые (маленькие кривоногие лысые человечки), которые жили под землей в норах и делали из нефти горючее для мотоциклов, обменивая его на товары. Над долиной постоянно дымили высокие закопченные трубы и стоял удушающий ядовитый запах. Там ничего не росло. Пятна нефти, будто раны, проступали сквозь безжизненную унылую почву.

В отличие от сонного безлюдного города в порту царило оживление. Между причалом и кораблями, стоявшими на рейде, сновали многочисленные рыбацкие лодки и катамараны. На главной пристани, у огромных корзин и ящиков со свежим уловом шел оживленный торг. Пробираясь сквозь толпу торговцев, рыбаков и моряков, Торбеллино обратил внимание на небольшую группу пиратов, которую зачем-то занесло в порт Силенто. Ему даже показалось, что он среди них увидел знакомые лица, но встречаться с ними у него не было никакого желания, поэтому молодые люди постарались добраться побыстрее до дальнего мола, где нашли приют более скромные рыбацкие суденышки. Здесь толклось много Чумазых, они покупали в основном устриц, и почему-то в огромном количестве. Торбеллино высматривал среди баркасов, пришвартованных к молу «старое корыто», так ему охарактеризовали судно под названием «Мечта». Наконец они нашли старый, потрепанный в штормах, весь латаный-перелатанный, баркас. Он покачивался одиноко в самом конце длинного причала. На корме в рваной выгоревшей рубахе, с трубкой в зубах, мужчина лет сорока, сидя на ящике из-под рыбы, разбирал высыпанные на палубу раковины. Торбеллино, остановившись с Джой напротив баркаса и увидев большую кучу диковинных раковин, громко присвистнул и крикнул мужчине:

– А кроме раковин, что еще интересенькое вы можете предложить?

– А что вас интересует, молодые люди? – спросил моряк, не поднимая головы, повязанной выцветшим красным платком.

– Акулы зубы! – сказал юноша условный пароль, на который должен был отозваться человек капитана Дью.

– Акулы зубы? – переспросил рыбак, выпрямившись, искоса с любопытством изучая парня и девушку.

В гостях у радушных Венто и Флай молодые люди пробыли несколько дней. Венто показал им все достопримечательности вольного города, даже как-то ночью пригласил их на центральную площадь Силенто на представление, куда съезжались развлекаться ноктафраты. Невообразимый шум всеобщего веселья и неукротимый рев мотоциклов оглушили наших героев. По площади кругами носились отчаянные мотоциклисты, выделявая в воздухе всевозможные и невозможные опасные кульбиты и трюки. Джой из-за боязни за их жизни зажмурилась глазами и прижималась к Торбеллино.

– Смотрите! Сейчас наш Салтаро покажет высший класс! Тройной переворот!

– Ой, боюсь! – воскликнула Джой, закрывая лицо ладонями.

– Не бойся, трусиха! Ему не впервой такое выполнять! Он один из лучших наших прыгунов!

Торбеллино во все глаза заворожено смотрел на головокружительные прыжки ноктафратов. Возможно, это напомнило ему его рискованные полеты на трапеции под куполом цирка, когда он был воздушным гимнастом.

Под бурные нескончаемые аплодисменты ездок в красном шлеме взлетел вместе с мотоциклом высоко вверх над площадью и, перевернувшись в воздухе несколько раз, мягко приземлился неподалеку от них.

– Уф! Здорово! Какой смельчак! – вырвалось у Торбеллино от восхищения мужеством и необыкновенной ловкостью Салтаро.

– Не смельчак, а настоящий безумец, – поправила любимого, не выдержав, девушка.

– Ну, почему сразу безумец? Просто отважный парень! – попытался возразить возбужденный Венто.

– Венто, дорогой, пообещай мне, что сегодня не будешь прыгать, – потребовала Джой, настойчиво дергая того за рукав куртки. – Флай разбилась на дороге. Не хватало нам, чтобы ты еще шею свернул.

– Ладно, обещаю, – нехотя отозвался ноктафрат, который до этого момента и не подозревал, что ему сегодня на городском представлении уготована унылая роль зрителя.

Ночная прогулка по Силенто оставила такое сильное впечатление, что спокойно уснуть наши герои толком так и не смогли. Возможно, этому также мешал постоянный неумолкающий шум: по улицам на мотоциклах носились до самого рассвета кавалькады ноктафратов. От страшного рева в окнах дребезжали стекла и звенела посуда на полках в шкафах.

На следующий день Торбеллино, оставив уснувшую под утро Джой дома, отправился снова в порт, где вновь встретился с хозяином баркаса «Мечта», выполнявшего роль связного. Рыбак передал Торбеллино, чтобы тот был готов к встрече, что через несколько дней у маяка Старого Галса ночью появится бриг капитана Дью, который доставит оружие и боеприпасы южному отряду повстанцев.

Обрадованный хорошим известием, Торбеллино вернулся домой не с пустыми руками, а с неподъемным подарком: огромной картонной коробкой, полной рыбы и устриц. Венто тут же вызвался приготовить сказочный обед, проявив свои гениальные способности в кулинарном искусстве. Когда гости и Флай спустя час вышли в сад, все ахнули при виде роскошного прощального стола на зеленой лужайке, вокруг которого, облизываясь, крутился с подозрительно невинным видом кот Милки.

Вечером Венто и его приятель Салтаро с ветерком отвезли на мотоциклах молодых людей на Маяк Старого Галса.

Глава 22. Чудак Себастьяно выручает

Три дня до прибытия брига капитана Дью пронеслись, как одно мгновение. Юная пара оглянуться не успела, как настала пора прощаться.

В последний день Джой ходила печальная, будто в воду опущенная, все валялось у нее из рук, она не находила себе места, переживая предстоящую разлуку с любимым. Ночью наш герой должен был покинуть белый аккуратный домик и гостеприимных его обитателей. Молодая хозяйка немного оживилась днем, когда примчался на мотоцикле Венто и сообщил радостное известие, что Флай почти выздоровела и собирается через недельку навестить своих друзей вместе с братом и рыжим Милки.

Весь день девушка собирала Торбеллино в дальнюю дорогу, потом они долго сидели в обнимку на скалистом уступе, наблюдая, как заходит на горизонте оранжевый диск солнца и как внизу в воде безуспешно режется Веселый Малыш, пытаясь их как-то расшевелить...

Наступила ночь. Старый Галс уже вернулся с маяка, где зажег сигнальный огонь. Торбеллино стоял у подножия башни маяка и всматривался в темноту моря. Часы показывали полночь, а условного сигнала все не было. Юноша нервно теребил висевшую рядом с ожерельем из медвежьих когтей серебряную ладанку с локоном Джой, которую она повесила на шнурке ему на шею, чтобы оберегала Торбеллино от всяческих бед. В домике перед свечой притихла Джой, шепотом моля святых отвести опасность от любимого. Напротив, грустно вздыхая и изредка покашливая, старый моряк курил трубку. На стене часы тихо прозвонили полночь.

Джой вышла из домика, подошла к любимому, который напряженно вслушивался в тишину ночи, и прижалась к его плечу.

– Что это? Ты слышала? – прошептал Торбеллино.

– Вроде как скрипнула ключина.

– Нет, показалось. Подожди здесь.

Торбеллино, сосредоточенно прислушиваясь, стал быстро спускаться по каменным ступеням лестницы к воде.

Неожиданно из темноты вынырнули две фигуры в черных плащах.

– Синсеро, – негромко произнес хриплый голос.

– Брио! – ответил Торбеллино, устремляясь вперед.

– Скорее! У нас мало времени!

– Ждите на берегу, я мигом!

Юноша со всех ног бросился к домику Галса, в окошке которого промелькнул милый силуэт...

Шлюпка неслышно причалила к черной громадине судна, по веревочному трапу Торбеллино без труда вскарабкался на палубу.

– Следуйте за мной, – сказал один из стоящих у борта в темноте людей. Юноша шел за незнакомцем, боясь потерять из виду его широкую спину. Его провели в кают-компанию, где слабо горел небольшой фонарь, стоящий на столе. Вокруг сидело шестеро человек, которые с любопытством обернулись на вошедших.

– Наконец-то!

– Капитан Дью! С кем имею честь?! – представился, вставая, бородатый плотный, чуть выше среднего роста, мужчина. Больше похожий на какого-нибудь лавочника, чем на капитана легендарного корабля, так как на нем были одеты простая рубаша и безрукавка.

– Торбеллино! – живо откликнулся наш герой. – Связной Комитета Четырех! Из южного отряда Криса!

– Итак, молодой человек, перейдем сразу к делу! У нас крайне мало времени. Можно сказать, вообще его нет. Мури, давайте карту!

Помощник капитана развернул карту и расстелил ее на поверхности стола.

– Значит так, первую партию оружия выгружаем у Черных Скал. Для отряда Криса. – карандаш в руке капитана уткнулся в изображение небольшой бухты. – Вот здесь. Остальной груз перебрасываем на север к Мысу Трех Братьев, там его заберут бойцы отряда Моряка Велы.

– Капитан, на месте необходимо быть до рассвета, в утреннем тумане в случае опасности легче скрыться, – сказал один из сидящих в полумраке.

– Какая обстановка в столице? – полюбопытствовал капитан Дью у нашего героя, предложив ему чашку горячего чая и, перехватив настороженный взгляд юноши, тут же добавил. – Дорогой мой, не беспокойтесь, здесь все свои. Можете смело говорить, не таясь, доверяя присутствующим, как мне.

– В настоящее время обстановка в Бельканто очень сложная, капитан. Повсюду свирепствуют ищейки Рабиозо. Многие наши товарищи арестованы, связи с другими отрядами нарушены. С отрядом Моряка Велы тоже пока связи нет, надеемся на вашу помощь. Ощущается большая нехватка оружия и боеприпасов.

– Насчет оружия мы знаем, но недостаточно денег. Пираты за него заламывают бешеные цены. Приходится с ними торговаться за каждый мушкет, за каждую саблю, за каждый бочонок пороха.

– Капитан, через час будем на месте, – доложил, вернувшийся с палубы, помощник капитана.

– Отлично! Мури, пока будет идти разгрузка, распорядитесь, чтобы сменили черные паруса на белые, – сказал Дью, закуривая трубку.

Шлюпки бесшумно скользили в непроглядной молочной пелене тумана. Только изредка слышались слабый всплеск и поскрипывание весел в ключинах.

– Ничего не видно, – с тревогой в голосе прошептал Торбеллино, обернувшись к Мури.

– Спокойно, молодой человек. Высадимся точно в нужном месте, у нашего штурмана чутье, как у гончей собаки, его не проведешь. Он эти места знает, как свои пять пальцев. Может с завязанными глазами провести на заданное место.

Наконец сквозь проплывающие седые ключья тумана проступили темные очертания Черных скал и узкая полоска песчаного берега.

– Где будем причаливать?

– Вон там, где в море впадает горный ручей. По нему поднимемся к нашей пещере, где и спрячем оружие и боеприпасы.

– Следующую партию доставим не раньше, чем через пару месяцев, иначе не получится. Пора очищать обросшее днище брига от водорослей и ракушек да и такелаж с парусами необходимо подлатать.

Ящики с ружьями и бочонки с порохом были быстро выгружены на прибрежный песок. Потом Торбеллино помогал Мури и его товарищам нести груз вдоль ручья к тайнику. Тропинка, хорошо просматривающаяся в начале ущелья, постепенно становилась еле заметной, а затем совсем исчезла. С правой и левой стороны обрывы, поросшие буковыми деревьями, чуть дальше нескольких небольших водопадов, падавших с отвесных стен ущелья. По дну протекал ручей, который, разбиваясь о камни, неудержимым потоком несся вниз к морю.

Пещера оказалась не такой большой, как представлял себе юноша, но в ней свободно мог разместиться отряд из двадцати человек. К пещере вел только один-единственный путь, к ней можно было добраться только со стороны берега, от Черных Скал, так что это являлось очень надежным укрытием для повстанцев. О нем знали из отряда только несколько человек.

Когда Торбеллино и повстанцы вернулись к шлюпкам, Мури и штурман на песке начертили юноше схему, запомнив которую, он мог без труда добраться до Мейби. Попрошавшись с отважными моряками, наш герой подождал, пока суденышки не исчезнут в пелене утреннего тумана. Потом закинув котомку с провизией, что приготовила в дорогу Джой, за спину, бодро зашагал по прибрежной полосе в сторону города чудаков.

В полдень горная петляющая тропинка вывела Торбеллино напрямик на восточную окраину города Мейби. Здесь он собирался договориться с почтовиками и на почтовой карете без проблем добраться до Бельканто. Он был горд, что ответственная миссия, возложенная на него, выполнена. Налажена надежная связь с капитаном Дью, а значит, и с остальными отрядами повстанцев. Теперь у отряда будет достаточно оружия и боеприпасов для дальнейшей освободительной борьбы против режима диктатора Трайдора. Юноша в приподнятом настроении вошел в тихий безлюдный городишко. «Наверное, все на площади», – подумал он.

Так оно было! Все горожане оказались там. И когда юноша пересекал центральную площадь города, где обычно толкалась толпа возбужденных зрителей, которые вопили на все лады, подбадривая бегущих к финишу рыжих тараканов, неожиданно нос к носу столкнулся...

С кем, как вы думаете?

С Восто и Флари! Сыщиками из тайной полиции Рабиозо! Они пожаловали в городишко с инспекционной проверкой. Один из местных осведомителей сообщил в охранку, что какой-то чужак взялся изобретать мощную бомбу. Агенты сразу же отреагировали на тревожный сигнал и прикатили в Мейби. Выяснилось, что их страхи оказались напрасны. Арестованный чужак сознался, что напившись, устроил скандал с соседями и пригрозил их взорвать. Как устроена бомба, он и понятия не имел, а на утро, протрезвившись, вообще забыл про угрозу.

Ищейки Рабиозо вышли из полицейского участка и с вялым видом, изнывая от непривычного для них зноя, направились в сторону площади, где кучковались горожане. Они сразу узнали Торбеллино, когда он случайно нарвался на них. Агенты растерялись от подарка судьбы, что шел прямо к ним в руки. Подручные Рабиозо не ожидали здесь, в городе чудаков, встретить опасного бунтовщика, за которым идет давнишняя безуспешная охота. Красный как помидор, Восто начал копаться в карманах, ища куда-то запропастившийся, так некстати, полицейский свисток. Более хладнокровный Флари натренированным движением выхватил из потайного кармана жилетки миниатюрный дамский пистолетик...

Юноша тоже опешил от неожиданной встречи со старыми знакомыми, но мгновенно пришел в себя. Пока полицейские топтались на месте, Торбеллино пустился в бег. Главной задачей было, как можно быстрее добраться до густых зарослей, окружавших городок, а там сам черт его ни с какими собаками не сыщет. Наш герой, пригнувшись, быстро юркнул в самую гущу орущих в азарте зрителей, пытаясь потеряться от зорких глаз сыщиков. Но не таков был Флари, он, не раздумывая и размахивая пистолетом, бросился следом, с трудом пробиваясь сквозь кричавших и свистевших болельщиков.

– Стой! Негодяй! Буду стрелять! – завопил сыщик.

Восто наконец-то извлек свисток и попытался пересвистеть всеобщий шум и гам, призывая местную полицию. Оказавшись около торца длинного стола, где был «старт», Торбеллино случайно поскользнулся на банановой кожуре и, теряя равновесие, нечаянно снес локтем с края стола большую картонную коробку. Она упала на землю и раскрылась, из нее посыпались откормленные, шустрые тараканы, которые, почуяв сладкий запах свободы, со всех ног прыснули в разные стороны. Началась страшная давка, зрители, сталкиваясь головами, бросились ловить разбежавшихся рыжих спортсменов.

Торбеллино осторожно выглянул из густых, колючих кустов на пустынную дорогу. Никого не видно. Погони тоже пока не видать. Что же предпринять? Вдруг из-за поворота

послышались какие-то странные звуки, напоминающие шлепанье ластами по воде. Торбеллино затаился. Он чуть не рассмеялся, когда из-за поворота показался человек, идущий вверх ногами на руках. Когда он опускал ладони в кожаных перчатках на дорогу, раздавалось шлепанье. Это был небезызвестный Себастьяно, один из чудаков, живших в городе Мейби. Он решил всю жизнь проходить на руках и уже сносил не одну тысячу перчаток. Он не признавал никакого транспорта, несколько раз побывал в столице Бельканто и даже разок совершил длительное путешествие на север, в портовый город Брио.

– Отличная идея! – обрадовано воскликнул Торбеллино, хлопнув себя ладонью по лбу. Сняв из-под куртки рубашку, разорвал ее на полосы, обвернул ими свои ладони, встал на руки и потопал в сторону Бельканто, откуда появился чудака Себастьяно. Не успел он пройти и двухсот метров, как из кустов на дорогу выскочила группа запыхавшихся полицейских, возглавляемая сыщиком Флари. Они было бросились вслед за Торбеллино, но их остановил начальник полиции Карузо. Это был плотный мужчина с пышными черными усами. Отдуваясь и вытирая обильный пот, который катился со лба градом, Карузо грубым окриком остановил подчиненных:

– Стойте, остолопы! Это же наша гордость, знаменитый Себастьяно!

– Это, который всю жизнь на руках ходит? – спросил удивленный Флари, провожая недоверчивым взглядом топающего на руках впереди Торбеллино.

– Он самый!

– Вероятно, беглец направился в другую сторону, – высказал предположение носатый Флари, вытирая надушенным платочком вспотевшую физиономию.

– Вперед! Мы должны схватить бунтовщика!

И преследователи помчались галопом по дороге, ведущей в Мейби. Через некоторое время они увидели сидевшего на обочине молодого человека, который уплетал бутерброд. Карabinieri и Флари всей гурьбой навалились на него и бесцеремонно стали вязать ему руки. Задержанный перепугался не на шутку: пытался вырваться, отчаянно брыкался и громко звал на помощь. Тут подоспел вконец запыхавшийся начальник полиции.

– Идиоты!! Безмозглые идиоты! Вы кого связали, остолопы?! Это же – Себастьяно!

– Себастьяно?

– Себастьяно! Болваны! Разве не видите?! Сейчас же освободите его!

Флари, на минуту задумавшись, сморщил свой крысиный нос.

– Карузо, подождите, а кто же был тот? – спросил он, очнувшись.

– Кто?

– Ну, тот, кого мы видели полчаса тому назад, вон там, за тем дальним поворотом. Тот, тоже шел на руках, но в сторону Бельканто!

Озадаченный неожиданным вопросом Карузо почесал мощный упитанный затылок и вдруг заорал:

– Какие мы все-таки балбесы! Ведь это был он! Преступник! Живо в погоню! На этот раз он от нас точно не уйдет! Попадись он только мне в руки! Я из него мясной фарш сделаю!

В ответ Флари криво усмехнулся: ни о каком фарше не могло идти речи, шефу тайной полиции Рабиозо для допросов молодой акробат нужен был живым и невредимым.

Бросив ничего не понимающего Себастьяно связанным в кювете у дороги, возбужденные преследователи, высунув от усталости и жары языки, помчались галопом в обратную сторону.

Пройдя изрядное расстояние, уставший Торбеллино сошел с дороги и прилег в густых зарослях передохнуть. Нелегкое, оказывается, занятие – разгуливать на руках по пыльной дороге. Это не в цирке, где ему приходилось не только ходить по проволоке, но и танцевать на руках. Торбеллино лежал на душистой мягкой траве, заложив руки за голову, и глядел на безоблачное небо, думая о Джой, о Малыше, о Старом Галсе.

Неожиданно со стороны дороги послышался дробный конский топот. Он осторожно выглянул из кустов. Приближалась запыленная почтовая карета, запряженная четверкой лошадей. Пропустив ее мимо, Торбеллино быстро выскочил на дорогу и, догнав карету, уцепился сзади в закрепленные ремнями чемоданы. Вскарabкался наверх и удобно устроился на поклаже. Через несколько часов бешеной тряски на багажнике, наш герой достиг Бельканто. Вечерняя столица встретила его знакомыми светло-оранжевыми огнями уличных фонарей.

Глава 23. Кофейня Грубияна Рудо

Вернувшись в Бельканто, Торбеллино вновь с головой ушел в подпольную работу. Около месяца он помогал своему наставнику Ферри, как и прежде, печатать листовки в подпольной типографии, находившейся в подвале одного из домов на Арсенальной Улице, а по ночам расклеивал их по городу в самых людных местах.

Типография была оборудована в подвале цветочного магазинчика. В полутемной комнате, освещенной одной единственной керосиновой лампой, размещался небольшой печатный станок. Работа подпольщиков, печатавших и распространявших листовки, была связана с большим риском. Что самое поразительное: типография находилась почти под носом у полицейского участка, который располагался на противоположной стороне улицы. Правительство Трайдора знало о существовании подпольной типографии и выделило на её розыски значительные силы полиции, сыщиков и осведомителей. Подшефные Рабиозо сбились с ног в поисках ее и совершенно не догадывались, что листовки Торбеллино и его товарищи выносили на улицы города надежно спрятанными на дне корзин с цветами.

Торбеллино и толстяк Гарри появились в цветочном магазинчике, как обычно, за полчаса до открытия. Жанна, помощница Ферри, уже начала закупать у цветочниц их товар, который те принесли в огромных плетеных корзинах. Каких только тут цветов не было: от скромных голубых фиалок до ароматных нежных роз. У женщин шел оживленный торг.

Ферри почему-то опаздывал. Обычно в это время он уже, не покладая рук, трудился в типографии. Торбеллино с помощью Гарри перетащил пачки с бумагой поближе к печатному станку. Так будет намного удобнее, да и проход пошире станет.

Ферри опоздал на целых полтора часа, чего за ним никогда не водилось, он был очень пунктуальным человеком, в отличие от остальных. Когда он появился на пороге цветочного магазина, вид у него был довольно взволнованный. Похоже, что-то случилось важное. Торбеллино и Гарри сразу насторожились.

– Слышали? – бросил шеф, снимая куртку и вешая ее на торчащий из стены гвоздь, заменявший ему вешалку. – Венгадор взорвал полицейский участок, что в районе Сириенового Парка. Говорят, сжег все документы, которые хранились в шкафах и сейфах. Весь район оцеплен плотным кольцом жандармов, всех горожан досматривают и проверяют документы. Из-за этого я и опоздал. Мне чудом удалось избежать облавы, заскочил к знакомому лавочнику и отсиделся у него в задней комнате магазинчика, пока оцепление не сняли.

– Это не тот Венгадор, что несколько месяцев назад застрелил на бульваре среди белого дня генерала Турменто? – спросил Гарри, уплетая уже четвертый бутерброд.

– Он самый.

– Ну, и переполох тогда был.

– Переполох переполохом, Гарри, но ты здесь не один, Жанне тоже перекусить чего-нибудь оставь, – сделал толстяку замечание Ферри. – Она с самой зари здесь трудится.

– Виноват, виноват, шеф! Исправлюсь! – прокудахтал любитель вкусно поесть.

– То-то же.

– Братцы, ну-ка, расскажите, я вообще об этом первый раз слышу, – воскликнул распираемый любопытством Торбеллино. – Я же в рабстве в это время был и ничего, что тут у вас происходило, не знаю.

– Да мы сами ничего толком не знаем. Да, наверное, и никто не знает о Венгадоре ничего. Кто он? Откуда взялся? Одним словом, тайна, покрытая мраком, – ответил Ферри.

– А может, это один из повстанцев Моряка Велы?

– Сомневаюсь, мы об этом знали бы.

– Мне кажется, это какой-нибудь мститель-одиночка, которому здорово насолили диктатор Трайдор и его ребята, – отозвался Гарри, почесывая затылок.

– В одиночку проворачивать такие опасные дела, как нападение на полицейский участок? Что-то я глубоко сомневаюсь. Это ж каким отчаянным надо быть? Вот ты бы смог такое совершить? – спросил толстяка Ферри.

– Смеешься, Ферри, куда уж мне.

– Из вечерней газеты узнаем, что там произошло, – сказал Торбеллино.

– Из газеты? Ты уверен, что о случившемся в полицейском участке напечатают? Думаю, цензура не пропустит такой материал.

– Это точно. У Трайдора не дураки в правительстве сидят, там не допустят, чтобы жители страны узнали о сопротивлении режиму, – поддакнул Гарри.

– Интересно все-таки, откуда он взялся? – сказал юноша, наливая себе вторую чашку кофе. – Побольше бы таких смельчаков, как Венгадор.

– Да смельчаков, парень, хватает, только они все в застенках томятся да на острове Зеленый Ад в болотах гниют.

– Ничего, братцы, скоро Трайдор точно будет волосы рвать на голове. Мы ему такой грандиозный сюрприз приготовим... – хитро улыбнувшись, отозвался Ферри, надевая кожаный фартук и принимаясь за работу.

– Ферри, загадками говоришь. Что за сюрприз такой?

– Ну-ка, дружище, давай выкладывай!

– Сам, Торбеллино, скоро узнаешь, так как подготовкой одного сюрприза по поручению Комитета Четырех придется заниматься лично тебе.

– Мне? – удивился, чуть не поперхнувшись бутербродом, юноша.

– Да, именно тебе. Ты у нас самый молодой и сильный, а это те самые главные качества, которые понадобятся, чтобы осуществить задуманное и сделать подарок в кавычках диктатору.

– А нельзя ли подробнее о моей предстоящей миссии.

– Вечером, дружище, вечером. А сейчас все дружно за работу, и так слишком много времени потеряли.

Вечером, когда Гарри ушел домой, и они остались вдвоем, Ферри раскрыл карты. Он сообщил юноше, что Комитет Четырех решил доверить Торбеллино очень важное, ответственное задание: подготовить освобождение заключенных в крепости Мейз гвардейцев и их командира, полковника Осадо. Юноша был горд оказанным ему доверием.

На следующий день наш герой был отправлен на дилижансе к Грубияну Рудо, хозяину кофейни, которая располагалась поблизости от крепости Мейз, снискавшей в народе мрачную славу.

Грубиян Рудо оказался крупным плотным мужчиной среднего роста, с хмурым выражением лица, густыми черными бровями, нависшими над маленькими колючими глазками и вспотевшей лысиной, которую он вытирал каждые пять минут салфеткой. Прозвище за ним закрепилось на всю жизнь из-за того, что он не мог обходиться без грубого крепкого словца. На самом деле это был добрейшей души человек и любящий отец. В кофейне ему помогала управляться его дочь, красавица Ли́ла, которую он воспитал один, так как его жена умерла во время родов, оставив у него на руках ангельское создание в виде дочки.

Обворожительный запах ароматного кофе чувствовался за километр от славного заведения Грубияна Рудо. Процесс приготовления кофе он не доверял никому, даже родной дочери. Ведь приготовить настоящий ароматный кофе – это большое искусство, не каждому такое по плечу.

Ли́ла, помимо официантки, выполняла еще и роль связной между плененными гвардейцами и комитетом подпольщиков в Бельканто. Она из своих поездок в столицу доставляла све-

жие новости и листовки, надежно спрятав их на дно своей плетеной корзинки. Все военные ее знали и поэтому милая хрупкая девушка никогда ни у кого не вызывала ни малейших подозрений. Потом привезенная ею ценная информация и листовки передавались заключенным, томящимся в застенках гвардейцам, через надежного человека, служившего в охране.

Торбеллино должен был при кофейне днем играть роль «мальчика на побегушках», а по ночам из винного погреба копать подземный ход в сторону крепости, где в застенках томились патриоты. Подземными работами руководил лысый карлик с большими ушами и круглыми желтыми глазами. Чарлито, так звали бывшего обитателя Черной Долины, нанятого подпольным комитетом. Сколько лет было Чарлито, не мог сказать никто. Это был молчаливый чумазый трудяга, который всю свою жизнь провел в глубоких катакомбах, шахтах, без дневного света, роя туннели, ходы, скважины, добывая уголь, руду, медь, нефть и попутно занимаясь ее переработкой в горячее для мотоциклов ноктафратов.

Вначале подземный ход Торбеллино и Чарлито рыли по очереди, потом в основном рыл более опытный выносливый Чарлито, а юноша был на подхвате. Он выгребал горную породу, упаковывая ее в холщевые мешки, которые темной ночью незаметно для окружающих выносил наружу, и высыпал их содержимое в глубокий овраг, расположенный за кофейней. В отличие от Торбеллино Чарлито мог работать в полной темноте, он никогда ни на что не жаловался, ничего не просил. Он был похож на большого немого крота, роющего очередной ход в своих подземных владениях.

Однажды во время подземных работ труженики неожиданно уперлись в огромный темный кристалл, который преградил им дальнейший путь в сторону крепости. Величина кристалла была для них загадкой. Они попытались кирками долбить его блестящую поверхность, но он оказался таким прочным, что с трудом поддавался их стараниям. Чарлито после долгих тщательных простукиваний таинственной преграды сделал вывод, что кристалл представляет собой форму огурца длиной около десяти метров. Тогда наши герои решили обогнуть его стороной, хотя это не входило в их планы, получался довольно большой крюк.

Вдруг Торбеллино почувствовал резкое недомогание, стал задыхаться, сердце учащенно забилося, силы буквально оставляли его, таяли прямо на глазах. Он пополз обратно к выходу из туннеля и с трудом, из последних сил, еле живой добрался до винного погреба. Сначала он решил, что это случилось из-за нехватки воздуха, но Чарлито, увидев, в каком жалком состоянии находится товарищ, сразу все понял.

– Тут, брат, совсем не в отсутствии воздуха причина. Все дело в проклятом кристалле. Это камень-вампир.

– Чарлито, как вампир? Ты шутишь?

– Какие тут могут быть шутки? Самый настоящий вампир. Такие кристаллы-вампиры вбирают в себя энергию окружающего пространства. Находясь в контакте с телом человека, они поглощают целиком его жизненную энергию.

– То-то я чувствую, сознание затуманилось и силы покинули меня.

– Но они могут не только зло, но и пользу приносить, если, допустим, ты страдаешь ожирением или у тебя какая-нибудь незаживающая рана на теле... Если кусочек кристалла повесить на веревочке на шею и носить некоторое время, он приведет тебя в нормальную физическую форму, ты значительно похудеешь, и раны быстро затянутся. Только кристаллы долго нельзя носить с собой, иначе смерть.

– Интересная штука. А почему только мне стало плохо? Ты же себя нормально чувствуешь.

– А у нас, у обитателей Черной Долины, выработанный веками иммунитет, мы всю жизнь под землей копаемся, на нас не действуют губительные свойства кристаллов-вампиров.

– Так что теперь мне делать?

– А ничего, пока отдыхай. Тебе ни в коем случае нельзя находиться рядом с кристаллом-убийцей, иначе погибнешь, когда он незаметно высосет твою жизненную энергию. Вот пророю дополнительный ход в стороне от него, тогда и будешь помогать, а сейчас тебе надо пару дней отлежаться, восстановить потерянные силы и на недельку-другую заняться чем-нибудь другим.

Пока Чарлито был занят рытьем обходного пути, Торбеллино трудился наверху в кофейне, помогая по хозяйству Рудо и Лиле.

Посетителями кофейни были местные жители, рыбаки, фермеры и крестьяне, которые заходили перекусить, выпить чашечку черного ароматного кофе, поболтать, просто отдохнуть после тяжелого дня, снять напряжение или пропустить чарку другую доброго вина. Частыми гостями заведения Грубияна Рудо были солдаты, надзиратели и офицеры крепости Мейз, частенько устраивающие здесь шумные веселые попойки.

Торбеллино так бы и продолжал копать подземный ход, если бы не один случай. В тот день он разравнивал лопаточкой на жаровне раскаленный песок, на котором Рудо в специальных глиняных кружках готовил ароматный кофе, когда в помещение кофейни ввалилась шумная компания тюремщиков из крепости. Юноша и присутствующие простые люди недолюбливали типов, служивших в тюрьме на берегу моря. Те, чувствуя за своей спиной сильную власть, были жестоки, грубы и заносчивы. И от них, когда они напивались, можно было ожидать любых неожиданных фортелей, поэтому краем глаза юноша наблюдал за этой чересчур веселой компанией. Будь его воля, он бы эту тупую злобную братию и на километр не подпустил к кофейне Рудо.

– Иди ко мне, малышка! Может, позабавимся, милашка? – один из пьяных надзирателей бесцеремонно схватив проходившую мимо Лилу за руку, резко рванул ее к себе и попытался усадить сопротивлявшуюся девушку себе на колени. Его товарищи встретили его грубую выходку взрывом бешеного хохота, заулюлюкали, всячески подбадривая шутника. Лиля, отбиваясь, тщетно пыталась вырваться из крепких объятий грубияна, но хрупкой слабой девушке это не удавалось.

– Ты ей не нравишься, Валентино! – сказал, подмигивая, один из надзирателей.

– Я не нравлюсь? – расхохотался напившийся солдафон. – Братцы! Где она в округе еще такого красавца, как я, сыщет?

– Поосторожнее, приятель, у нее наверняка жених есть?

– А жених нам не помеха! Ведь правда, красотка! – не унимался герой компании.

– Смотри, Валентино, нарвешься на крепкий кулак!

– Ой, не смешите меня, ребята! Ау, жених, где ты? – продолжал кривляться надзиратель.

На отчаянные крики Лилы с кухни выскочил встревоженный Торбеллино, он сразу оценил обстановку в зале заведения. Подскочив к столу, за которым расположилась шумная компания, он, не раздумывая, двинул обидчика Лилы кулаком в довольную физиономию. Хамоватый детина, получив мощный удар по носу, взревел от боли и тут же выпустил из рук перепуганную девушку. Он вскочил из-за стола, чтобы дать сдачи невесте откуда появившемуся защитнику. Но Торбеллино, нырнув под мелькнувший кулак, нанес сокрушительный удар пьяному тюремщику в квадратную челюсть, и тот, класнув зубами, отлетел в сторону, вцепился со всего маха в стену и шмякнулся на пол.

– Похоже, сам жених пожаловал... – громко на всю кофейню высказал догадку один из постоянных посетителей за соседним столом.

Не давая пьяным надзирателям времени на раздумывание, юноша опрокинул дубовый стол, уставленный кружками с вином, на сидевшую за ним компанию...

Глубокой темной ночью Торбеллино выбрался из своего надежного убежища, которое обрел в густых зарослях на дне оврага. Окольными путями пробрался к кофейне и тихонько поскребся в оконную раму спальни Рудо. Через некоторое время задняя дверь осторожно приоткрылась. Его встретили взволнованные Рудо и Лиля.

– Ну, парень, натворил ты дел. Не знаю, как и расхлебывать, – проворчал, сокрушаясь, Грубиян Рудо. – Надо было миром и шуткой замять это дело. Теперь тебя повсюду ищут озверевшие тюремщики, здесь появляться тебе больше нельзя. Перерыли все вокруг, хорошо люк под бочкой с вином не обнаружили, а то бы плохо для нас всех эта история закончилось.

– Простите, дядюшка Рудо, но я не смог сдержаться, когда увидел, что этот негодяй тискает грязными лапами бедную Лилу, – пытался оправдаться Торбеллино.

– Прости его, отец. Он защищал меня, – взмолилась со слезами на глазах Лиля.

– Прости его, отец. Прости его, отец, – передразнил дочь Рудо, хмуря густые черные брови, сдвинув ночной колпак на затылок. – А кто же теперь будет помогать Чарлито? Вы об этом подумали? Ведь ему нужен помощник. Он один не справится. Работы с подземным ходом невпроворот, там еще копать и копать.

– Ну, что поделать, коли так все вышло, – отозвался юноша.

– Эх, Торбеллино, Торбеллино... Как же ты нас всех подвел. Эх... – продолжал сокрушаться хозяин кофейни.

Из-за драки в кофейне Торбеллино вынужден был вернуться в Бельканто, чем очень огорчил своего наставника Ферри. Теперь тому нужно было искать подходящего человека, которому он бы мог смело доверить фронт подземных работ.

Глава 24. Фалсо и Торбеллино

Из дома Торбеллино вышел, как обычно, чуть свет, недаром в детстве у него было прозвище «Жаворонок». Вот уже как неделю он вернулся в столицу после инцидента в кофейне Рудо. Сегодня предстояло много важных дел. Во-первых, дописать незаконченный текст воззвания к военным морякам, допечатать вчерашнюю листовку, так как в типографии закончилась бумага. Потом упаковать все отпечатанное в корзины с цветами и отнести надежным людям, которые переправят запрещенную литературу куда следует. А в полдень в кабачке «У Веселого Джастина» у него встреча со связным из отряда южных повстанцев. Не забыть бы пароль, а то как бы не вышел конфуз. И кто только такие дурацкие пароли и отзывы придумывает?

Когда он спустился в тесный подвал, где была расположена подпольная типография, там уже трудился руководитель «пятерки», неутомимый Ферри. Он, оказывается, вчера не ушел домой и заночевал здесь, а утром на свежую голову дописал воззвание и успел отпечатать часть листовок.

Торбеллино даже обиделся на него, ведь он тоже мог остаться вчера здесь и сделать что-нибудь полезное для организации, тем более спешить ему некуда, никто его дома не ждет, кроме одинокого сверчка, что поет грустную песенку где-то за массивным старым шкафом. Вот если бы Джой была в Бельканто, тогда бы он непременно рвался домой.

Наверху над тайником, в котором была оборудована типография, послышались голоса и чьи-то шаги. Это пришли к открытию цветочного магазина женщины-цветочницы с корзинами свежих цветов. Помощница Ферри покупала у них товар и перекладывала в ведра с водой. После их ухода начнется самая ответственная работа: распределение и аккуратная укладка подпольной литературы в корзины, потом маскировка сверху пышными яркими букетами из цветов. В этот раз они довольно быстро справились со всеми цветочными делами. Взвалив одну из приготовленных корзин на плечо, Торбеллино помахал на прощание друзьям рукой и, насвистывая песенку, направился в сторону городского рынка.

– Удачи! – улыбнулась Жанна.

– Будь осторожен, – пожелал Ферри.

В столице ищейки Трайдора, чтобы выловить революционеров и сочувствующих, частенько устраивали облавы: окружали с помощью солдат целые кварталы, рынки, дома. И надо было такому случиться: в одну из таких облав и угодил наш Торбеллино на Центральном рынке, где договорился встретиться со связным из города Брио, чтобы передать тому отпечатанную в типографии пачку листовок и воззваний. Они, как всегда, были спрятаны на дне цветочной корзины, которую он нес на плече. Вдруг, ни с того ни с сего, рыночный люд на площади заволновался, зашумел, забурился.

Оказывается, городские улицы, которые вели к рынку, в один миг были перекрыты конной полицией и солдатами. Жандармы вместе с агентами досматривали вещи горожан, которые, почувствовав недоброе, спешили, как можно скорее покинуть рынок. В толпе то здесь, то там шмыгали сыщики, высматривая «добычу».

Торбеллино, находясь в гуще пестрой толпы, опустил корзину на землю и, протиснувшись поближе к торговцам, юркнул в торговые ряды с одеждой, где спрятался среди груды висевших рубашек, курток и женских нарядов.

«Надо же было попасть в такой переплет, – встревожено подумал наш герой, осторожно выглядывая из укрытия. – Что же делать? Отсидеться в укромном местечке не удастся: полицейские мимо не пройдут, обязательно заглянут сюда и перетрясут все барахло. А заглянув,

сразу обнаружат его. И не видать ему больше ни Джой, ни Старого Галса, ни друзей. Каторга уж точно ему обеспечена».

Больше всего он боялся чихнуть. Хоть одежда вокруг и новая, но пыли было здесь предостаточно. Что это? Неожиданно через образовавшуюся меж платьев узкую щель он увидел группу приближавшихся к торговым рядам охотников-рэдперосов с ястребиными перьями на голове и в боевой окраске... Среди них он сразу узнал старых знакомых: мальчишку Айви (Ловкую Пантеру) и Отважного Барса, которые выручили его и помогли бежать из форта Теруро. Торбеллино, недолго думая, приложил к губам ладонь и тихо зашипел по-змеиному, как его когда-то научил подросток.

Айви, услышав знакомые звуки, насторожился и с недоумением уставился на висевшую перед ним на плечиках одежду. Так бездарно шипеть по-змеиному мог только один человек на белом свете, его бледнолицый друг и ученик Торбеллино. Вдруг меж женскими платьями мелькнула знакомая физиономия. Наш герой поманил пальцем Ловкую Пантеру. Айви что-то шепнул своим собратьям и мигом исчез среди пестрых одежд. Через мгновение там же исчез и молодой рэдперос Отважный Барс.

Через пару минут из рядов с одеждой вышла группа рэдперосов, которая была на одного человека больше, чем та, что некоторое время тут до этого крутилась. Охотники, один из которых был обнажен до пояса, а другой – в оленьей куртке, боевой раскраске и с ожерельем из медвежьих когтей, беспрепятственно покинули окруженную полицией рыночную площадь, не вызвав ни у кого никаких подозрений. Через квартал от рынка, у Солнечного Сквера, их ждали оседланные кони и скучающий рэдперос Черная Росомаха, которого оставили присматривать за лошадьми.

– Ну, спасибо, братцы! Выручили! – обнимая и хлопая по плечам своих друзей, воскликнул радостный Торбеллино. – Я уж думал, все: моя песенка спета! Я погиб!

– Ты – наш брат, и мы никогда не бросим тебя в беде, – спокойно отозвался Отважный Барс, принимая от юноши обратно свою куртку.

– Ты только кликни, когда будет грозить опасность, – добавил, широко улыбаясь, Ловкая Пантера. – И мы тут же примчимся на помощь, оглянуться не успеешь.

– Хорошо, так и сделаю в следующий раз, мои дорогие!

Торбеллино тепло распрощался со своими неожиданными спасителями, буквально свалившимися в минуту опасности с неба.

Охотники, приторочив к седлам покупки для своих жен и детей, лихо вскочили на лошадей и поскакали галопом к Восточным городским воротам.

До встречи со связным из южного повстанческого отряда оставался еще целый час. Торбеллино, тщательно смыв в сквере у фонтанчика с лица губную помаду, которой его уж очень постарался разрисовать Ловкая Пантера, прошел к городской набережной. Там он некоторое время глазел на реку, на праздно гуляющий народ, на облепивших перила моста мальчишек, увлеченно удивших рыбу, потом направился на встречу со связным.

В назначенный час он был уже в условленном месте, на Улице Оружейников, в кабачке «У Веселого Джастина». Войдя в полупустой зал, он сразу обратил внимание на сидевшего в дальнем углу мужчину в потертой фетровой шляпе, читавшего утреннюю газету. Посетителей было не так много, как вечером. Неутомимый, раскрасневшийся Джастин в белом высоком колпаке, как всегда, крутился у раскаленной жаровни, а его шустрые ребята бегали по залу, обслуживая посетителей.

– Не помешаю? – обратился к мужчине Торбеллино, подходя к столику.

– Нет. Присаживайтесь, молодой человек, – ответил посетитель, отложив газету в сторону и мельком взглянув на юношу.

Торбеллино понравилось открытое мужественное лицо сидящего напротив незнакомца с темно-зелеными смеющимися глазами.

Тот со скучающим видом, молча потягивал пиво.

– Я помню времена, когда Веселый Джастин был не шире меня, – брякнул пароль Торбеллино, внимательно наблюдая за реакцией своего соседа.

– Я тоже помню те прекрасные добрые времена, – услышал он в ответ отзыв на пароль.

– Уф! – с облегчением вырвалось у Торбеллино. – Смешно.

– Согласен. Смешно такое слышать, – отозвался мужчина, улыбнувшись.

– И кто только умудрился выдумать такое?

– И не говори, – усмехнулся сосед. В его глазах заиграли веселые огоньки.

Вот так наш герой познакомился с Фалсо, связным южного отряда повстанцев, которым командовал Крис. Уверенный открытый взгляд и веселый нрав Фалсо сразу расположили к нему молодого собеседника. На вид Фалсо было лет тридцать, не больше. Он был среднего роста, с крепкими, как у борца, руками. Он передал Торбеллино для подпольного комитета секретные сведения от своего командира. Потом они встречались еще несколько раз, и в Бельканто, и на горной базе повстанцев в замке Ариозо. И их знакомство быстро переросло в крепкую дружбу. Юноша очень гордился дружбой с мужественным патриотом, которому приходилось часто рисковать жизнью, появляясь в столице.

Давайте же, друзья, вернемся в кабачок, где мы оставили наших героев.

– Пора! – сказал Фалсо, вставая из-за стола. – Хорошее у Джастина пиво, давно такого не пробовал. Меня не провожай, нам не нужны лишние глаза и уши. В нашем деле главное – осторожность.

– Так скоро? И посидеть-то толком не успели.

– Согласен, но надо спешить. А газету оставляю тебе, парень, считаешь на досуге, – улыбнулся Фалсо обезоруживающей улыбкой.

– Читать это гнусное вранье? Я читаю другие газеты, ты знаешь какие, – парировал юноша.

– Знаю.

– Сейчас в горы, в отряд? – поинтересовался Торбеллино.

– Нет, брат, необходимо добраться до Брио, там намечена встреча с людьми моряка Велы.

– Счастливо добраться! – юноша пожал крепкую руку мужественного повстанца.

– И тебе удачи, брат!

Сонную атмосферу полицейского участка на Арсенальной Улице ничего не нарушало, кроме шелеста бумаг, пока в помещении не появился всеми презираемый агент Масоло, имеющий дурную привычку закладывать начальству всех, даже своих товарищей. Он подлетел к сидевшему за рабочим столом Восто, который со скучающим видом листал утреннюю газету, выискивая в рубриках крамолу, и что-то зашептал тому на ухо.

– Немедленно карету!!! – заорал на весь полицейский участок Восто, подскочив как ужаленный. – Мы его поймали!

– Кого?

– Проклятого Торбеллино!

– Торбеллино?

– Акробата?

– Его самого! Где Флари? Вечно он где-то шляется, когда нужен позарез!

– Господин Флари был здесь, я только что его видел, буквально минуту назад, – прокудахтал лысый жандарм, сидящий в дальнем углу.

– Мне кажется, что он в туалет отлучился, – высказал предположение молодой агент Силбато.

– Мне некогда тут расслаивать и ждать! Срочно найти его! Как появится, пусть немедленно мчится на улицу Молодой Луны! Будем брать злодея!

– Господин Восто, а может, вызвать подкрепление? Армейские казармы рядом. Солдаты не помешают, чем черт не шутит. Мало ли что. Преступник опасный. Может оказать яростное сопротивление.

– Обойдемся без героической армии генерала Перфидо, сами управимся! Тем более Торбеллино загнал себя сам в ловушку. Оттуда у него только один выход, к нам в руки! Сегодня же лично защелкну на нем вот эти наручники! – Восто демонстративно извлек из глубокого кармана сюртука блестящие наручники.

– Карета подана, господин Восто! – доложил дежурный полицейский. – Господину Рабиозо сообщить, что вы уехали на операцию?

– Не стоит, пусть это будет для него приятным сюрпризом. Доставим преступника тепленьким прямо к нему в кабинет.

– Что за шум? Что случилось? – не мог понять, почему такое оживление в зале, появившийся Флари.

– Ты где пропадал?

– Что-то не то съел – живот прихватило.

– Тоже мне, нашел время! Какой может быть живот? – оборвал его взорвавшийся Восто. – Торбеллино в ловушку попал! Едем брать! Давай в темпе за мной!

Приятели в сопровождении группы захвата выскочили на улицу, где их уже ожидала полицейская карета.

Толпа жандармов плотным кольцом окружила двухэтажный особняк Лысого Лучано, в котором укрылся Торбеллино. Жандармы так надежно все перекрыли кругом, что даже маленькая мышь не имела ни малейшего шанса проскользнуть мимо их заслона.

– Выходи, негодяй, и сдавайся! Ты окружен! – прокричал в рупор Восто. – Сопротивление бессмысленно! Отдан приказ – стрелять на поражение!

– Надо все-таки подождать подкрепления, – нервничая, сказал Флари сослуживцу, у которого от возбуждения трепетали, как у охотничьей собаки, ноздри. – Ты же знаешь, этот Акробат очень опасный преступник, от этого типа многое можно ожидать, любых сногшибательных сюрпризов. Я за ним давно охочусь и хорошо изучил все его повадки...

Сыщик не успел договорить, как из особняка с криками: «Караул! Разбойники! Убивают!» вылетел, словно пробка из бутылки шампанского, лысый толстяк Лучано. Вопя на всю округу и размахивая руками, хозяин антикварного магазина врезался в плотный кордон полицейских, разметал их во все стороны. И помчался вдоль улицы прочь, будто за ним гналась свора свирепых, изголодавшихся псов...

Полицейские в нерешительности переминались с ноги на ногу, не зная, что предпринять, и в ожидании приказа смотрели на главного сыщика департамента сыска – Восто. Он тоже растерялся, не зная, что приказывать подчиненным. Под пули явно идти никто не хотел, он тоже.

Его спасло, что на широком крыльце дома появилась перепуганная краснощекая жена хозяина, такая же пышная, как и ее дородный супруг, и громко заверещала на всю округу:

– Спасите! Люди добрые, помогите! Полиция!

Тем временем в конце улицы бежал полный лысый господин, который лихо перепрыгивал через многочисленные лужи. Добежав до заброшенного парка, он юркнул в густые заросли акации и исчез.

– Уф, наконец-то, выбрался! Еле ноги унес, – пробормотал взмокший от быстрого бега толстяк очень знакомым нам с вами голосом, срывая передник, расстегивая рубашку и извлекая из-под нее пуховую подушку. Голос принадлежал... Кому? Как вы думаете? Ну, конечно же, нашему доброму Торбеллино! Это был он. С бритой под ноль головой, с подушкой вместо живота и нарисованными черными усиками под носом.

Вернемся же к началу событий того дня.

Когда Торбеллино, преследуемый ищейками Рабиозо, влетел в антикварный магазин, расположенный на первом этаже особняка Толстяка Лючано, он мгновенно понял, что угодил в очередную ловушку, из которой ему уже вряд ли удастся выбраться целым. Как назло, на всех окнах в доме были надежные металлические решетки. Выхватив из-под куртки пистолет, он выстрелил в сторону группы преследователей, дав отчетливо им понять, что так легко не дастся, и запер входную дверь на крепкий засов. В доме кроме хозяина и хозяйки находились служанка и два продавца. Они при виде вооруженного посетителя испуганно жались к стенам.

Торбеллино ломал голову, ища спасительный выход из сложившейся ситуации. Но выхода не было. Спрятаться в доме было совершенно негде, бежать тоже невозможно, все выходы и подходы надежно перекрыты полицией.

Неожиданно его осенила гениальная мысль.

– Спокойно, господа! Никого я убивать не собирался и не собираюсь! – попытался он успокоить перепуганных насмерть обитателей особняка. – Сидите спокойно, слушайте меня, и все будет замечательно!

– Мы слушаемся, господин разбойник! Только не стреляйте, – умолял один из молодых продавцов, от страха белый как полотно. – Я у мамы единственный сын, она не переживет утраты.

– Я не разбойник, а повстанец! Мадам и вы, молодые люди, пожалуйста, пройдите в другую комнату. Мне необходимо переговорить с вашим хозяином с глазу на глаз по очень важному делу.

Перепуганная хозяйка и взволнованные продавцы покинули гостиную. Юноша с облегчением притворил за ними плотно дверь.

– Надеюсь, молодой человек, вы не будете нас убивать, – спросил трясущийся Лючано, судорожно вцепившись руками в подлокотники кресла.

– Не волнуйтесь, дорогой хозяин. Мне только потребуется одежда, которая на вас, и все. Мне не нужны ни ваши жизни, ни ваше добро, ни ваши антикварные драгоценности.

– А зачем вам понадобилась моя одежда?

– Потом объясню. Главное, не волнуйтесь за свою жизнь.

Лючано начал было медленно раздеваться.

– Поживее, пожалуйста! У нас мало времени, – поторопил толстяка юноша, не понимая причины, почему тот так затягивает драгоценное время.

– Жанетта, отвернитесь, пожалуйста, а то я стесняюсь, – покраснев, вдруг выдал хозяин.

– Фу, раньше не стеснялись, а теперь, видите ли, они стесняются! – фыркнула возмущенно служанка, обиженно поджав пухленькие губки.

– А вас, сударыня, прошу принести бритву и маленький тазик с горячей водой и мылом, – попросил, улыбнувшись, Торбеллино. – Потом закончите свою дискуссию, потом, без меня.

– Зачем вам бритва? – спросила служанка, удивленно вскинув тонкие бровки и уставившись красивыми миндалевидными глазницами на нашего героя, чарами которых, наверное, свела с ума на свете не одного мужчину. – Уж не собираетесь вы нас зарезать?

– Ну что вы, милая девушка, разве я похож на страшного злодея? Просто, перед тем, как покинуть ваш гостеприимный дом, хочу привести себя немного в порядок. Побриться, например.

Пока хозяин магазина раздевался, Торбеллино в окно внимательно наблюдал за действиями жандармов, оцепивших здание. Они явно что-то замыслили, среди них мелькала тощая фигура его давнего врага, сыщика Восто.

Наконец появилась Жанетта с тазиком горячей воды, мылом и бритвой.

– Хочу попросить у вас еще об одной любезности, вы не могли бы состричь мои кудри и обрить мне голову? – обратился юноша к молодой женщине, ошарашив служанку такой странной просьбой.

– А вы не боитесь? – откликнулась та, придя в себя. – Ведь у меня в руках острая бритва!

– Нисколечко, мадам! Вы такая милая девушка.

Через пару минут от великолепной шевелюры Торбеллино осталось одно лишь воспоминание. Голый Лючано, оставшись в одних семейных трусах, напоминавших зеленую лужайку с дивными ромашками, поеживался и грелся в кресле у камина. Торбеллино, быстро облачившись в просторную одежду торговца, стал с помощью Жанетты прилаживать на место живота пуховую подушку, которую та принесла из хозяйской спальни. Достав потухший уголек из камина, молодой фрид подрисовал перед зеркалом себе такие же черные франтоватые усики, как у Лючано.

– Ну, вот и все! Кончились ваши страдания! Вы прекрасная девушка, Жанетта. Был рад познакомиться с вами и вашим любезным хозяином. Извините за незваное вторжение и доставленное неудобство! Прощайте, друзья мои, может, еще свидимся!

Торбеллино, послав воздушный поцелуй служанке Жанетте и грустному Лючано, выскользнул из гостиной комнаты. Что произошло дальше, мы с вами знаем.

Глава 25. Шеф тайной полиции

– Отлично, Фалсо! Отлично! Молодец, ты славно поработал, – в возбуждении потирая потные руки, приговаривал Рабиозо, наматывая круги по просторному кабинету. – Главное – обезглавить подпольное движение, потом начнется брожение, произойдет надлом, все рассыплется, как карточный домик, и превратится в прах!

– Ну, скажем, в прах навряд ли. То, что это будет ощутимым ударом по движению, – неоспоримый факт. После такого удара будет сложно оправиться.

– Ха! Ха! Ха! Здорово мы все-таки их всех подловили! Жаль только, что злодею Моряку Веле удалось скрыться.

– А может, его и не было? Он очень осторожен, – отозвался Фалсо, развалясь в кожаном кресле и попивая из маленькой чашечки кофе.

– С кем ты встречался в Брио?

– Со старым слепым шарманщиком на Площади Грез. Я только ему должен был передать тот самый секретный пакет. У них все очень здорово законспирировано, все организации в городах поделены на пятерки, которые между собой связаны только через своих командиров. Если мы выйдем на одну пятерку, это еще не значит, что мы сможем внедриться в центр организации, шеф.

– Да, наша задача не из легких! – потирая блестящую лысину, промолвил начальник тайной полиции. – Но для нас не бывает невыполнимых задач, верно? Мы не ищем легких путей!

– Попытаюсь разговорить и расколоть при очередной встрече связного Торбеллино, парень он молодой, еще совсем зеленый, глядишь, и проболтается за кружкой пива.

– Фалсо, считаешь, он тебе доверяет? – спросил Рабиозо, плюхнувшись в кресло.

– Шеф, я с наивным мальчишкой очень быстро нашел общий язык, теперь мы с ним друзья – не разлей вода. Он много знает. Но действовать надо разумно и аккуратно, чтобы ненароком не спугнуть его. Слежка тут уж точно ничего не даст. Наоборот, может здорово навредить. Парень отнюдь не дурак, сразу ее заметит и станет более осторожен.

– Ты нам дай только малюсенькую тоненькую ниточку, чтобы было за что ухватиться. А мы уж сами знаем, как распутать этот клубок и как проникнуть в их организацию.

– Я бы с удовольствием, шеф, да где взять эту ниточку, вот в чем вопрос?

– Фалсо, а не ударить ли нам сейчас по замку Ариозо, пока у них неразбериха, как думаешь?

– Да, было бы кстати. У них там сейчас тишь да гладь и бойцов не больше половины, остальные разбрелись, выполняя порученные им задания.

– Ты сможешь отряд незаметно провести через тот проклятый перевал? Как его?

– Мурмури.

– Да-да, Мурмури! Будь он не ладен!

– Это сделать трудновато, шеф. Перевал надежно охраняется часовыми, но попытаться можно, – задумчиво ответил Фалсо, изящным движением руки стряхивая пепел с дорогой сигары, которой его угостил шеф.

– Ну, и ладненько. Иди, дорогой, отдыхай, а завтра мы предпримем «увеселительную прогулку» в горы и устроим там с помощью батальона горных стрелков повстанцам грандиозный «пикничок»! Жаль, что ты никого не знаешь из подполья в Бельканто, а то бы мы позабылись заодно и тут! Устроили бы им небольшую облаву!

– С повстанческими отрядами поддерживает связь небезызвестный вам Торбеллино, но вот где и с кем он встречается в столице, пока мне неизвестно. Об этом знают только Тор-

беллино и командир южного отряда Крис. Это место держится в строжайшем секрете. Раньше, я знаю, он со связными встречался в кабачке «У Веселого Джастина».

– Ну, хорошо, иди, иди, голубчик! – усаживаясь за любимое пианино, отмахнулся от агента с задумчивым видом Рабиозо. Вероятно, у него в голове неожиданно зародился очередной коварный замысел или посетила гениальная идея.

Начальник тайной полиции Рабиозо в прошлом был превосходным музыкантом и играл на рояле в столичном симфоническом оркестре. Он был единственным ребенком в семье и с детства вырос избалованным родителями и няньками. Человеком он был тщеславным и себялюбивым, его постоянно мучила зависть, ему не давали покоя чужие успехи и слава. Он терял аппетит, его мучила бессонница, все валилось из рук, солнечная погода не радовала. Дошло до того, что Рабиозо как-то не выдержал и подпилил своим товарищам струны на музыкальных инструментах, чтобы они не смогли удачно выступить на музыкальном конкурсе... И каждый раз в тайне злорадствовал, видя неудачи друзей.

Он и его друг-скрипач были влюблены в одну и ту же девушку, игравшую в оркестре на арфе. Однажды Рабиозо сочинил для нее гениальную симфонию, писал ноты весь день и всю ночь, а когда на рассвете обессиленный уснул, ворвавшимся сквозняком унесло исписанные листочки с нотами в открытое окно. Проснувшись, пианист обнаружил только пару жалких листков от сочиненной мелодии, попытался по памяти сыграть сочиненное произведение, не получилось, бедняга забыл его... Не удивляйтесь, так иногда случается в жизни. От досады он рвал волосы на голове.

С приходом к власти генерала Трайдора наш музыкант неожиданно для всех сменил творческую профессию на полицейский мундир. Началось с того, что он донес в полицию на соседей, которые прятали во время мятежа в подвале своего дома раненых гвардейцев из дворца Мудрого Синсеро. Потом последовало еще несколько подлых доносов на своих знакомых, на своих коллег-музыкантов. Его старания заметили в ведомстве и предложили должность тайного агента. Платили исправно и хорошо, можно было о работе забыть и жить припеваючи, но деньги бывшего музыканта абсолютно не интересовали, его захватывал сам процесс выслеживания и подсматривания.

Благодаря фантастической изворотливости, аналитическому складу ума, через год он уже занимал пост директора Департамента тайной полиции и вскоре стал самым влиятельным человеком после Трайдора. Его «ищейки», тайные агенты, буквально наводнили страну. Рабиозо был в курсе всех событий, происходивших вокруг: от сплетен старых бабок на скамейке, что на соседней улице, до недовольного солдатского ропота в армейской казарме крепости Мейз, от исповеди горького пьяницы в самом захудалом кабачке Ноузгея до семейных разборок генерала Перфида с молодой капризной женой... У него везде были свои глаза и уши. За короткое время ему удалось сколотить мощный полицейский аппарат из таких же ярых фанатиков сыска, как сам. В любимцах у него ходили заядлые опытные сыщики Восто и Флари, которым не было цены, эти неутомимые ребята готовы были рыть землю носом и могли доставить объект поиска, как говорится, даже из-под земли.

Диктатор Трайдор высоко ценил незаурядные способности и собачью преданность своего любимчика Рабиозо и постоянно щедро одаривал верного служаку высшими государственными наградами и ценными подарками.

На Рабиозо после удачно проведенного допроса, успешной операции или засады сниходило вдохновение, он запирался в рабочем кабинете, усаживался за старенькое пианино, одиноко стоявшее в дальнем углу, и подолгу, часами, с упоением, до изнеможения играл. Его тонкие длинные пальцы так и летали по клавишам, извлекая волшебные звуки. Когда Рабиозо с головой окунался в стихию музыки, около здания охранного отделения останавливались многочисленные прохожие, привлеченные льющимися из окон, завораживающими мелодиями. Да что там прохожие! Кареты останавливались, пассажиры которых были очаро-

ваны музыкой, доносившейся со второго этажа. В результате на узкой улице образовывались страшные пробки, на ликвидацию которых полицейским приходилось тратить полдня. После таких сольных концертов в гордом одиночестве на пару дней Рабиозо становился добрейшим и самым сердечным человеком на белом свете, этими обстоятельствами широко пользовались самые пронирливые сотрудники его ведомства, чтобы решить свои семейные проблемы либо вопросы, касавшиеся их карьерного роста.

У коварного, хитрого, изобретательного Рабиозо были свои особые методы развязывания языков. Сначала задержанных допрашивали грубые жестокие следователи, которые не только кричали, но и позволяли рукоприкладство и пытки, а потом, спустя какое-то время, в комнату допросов, как бы невзначай, проходя мимо, входил Рабиозо. Он возмущенно отчитывал своих сотрудников за грубость и выгонял их из помещения. А потом ласковым вкрадчивым голосом извинялся перед допрашиваемым за своих «нерадивых» служащих, затем интересовался работой, делами, семьей, жизнью задержанного... И настолько втирался в доверие, что подследственные раскрывали перед «полицейской ищейкой» свою душу. Часто попавшихся на крючок он запугивал и заставлял работать на тайную полицию, они вынуждены были писать доносы на знакомых и соседей.

Глава 26. Замок Ариозо

Чаффи, боец южного отряда повстанцев, был дозорным на горном перевале Мурмури, через который шла единственная тропа к лагерю повстанцев. Парень он был молодой, но достаточно опытный, как-никак в отряде уже около трех лет. Невысокий, с сильными руками, которыми умудрялся гнуть подковы. По борьбе и поднятию тяжестей в отряде не было ему равных. Добродушен и наивен, как ребенок, поэтому над ним частенько подшучивали его товарищи.

Часовой сидел в надежном укрытии за большим серым валуном, нахохлившись и поеживаясь от сырого тумана, окутавшего перевал и заснеженные вершины. Вдруг тихие осторожные шаги на горной тропе заставили его насторожиться и крепче сжать в руках карабин. Из-за ближнего выступа скалы, опираясь на сучковатую палку, появилась знакомая крепкая фигура связного Фалсо. Он, устало улыбаясь, подошел к Чаффи и тяжело опустился рядом на ствол поваленного дерева.

– Рад видеть мужественного товарища на боевом посту!

– Привет... – грустно протянул в ответ Чаффи, выглядывая из-под брезентового капюшона и шмыгая носом.

– Замерз?

– Зябко... Не знаю, куда от проклятой сырости деваться. Каждый раз после утреннего тумана сижу мокрый как мышь, – пожаловался на свою незавидную долю Чаффи.

– Ничего, скоро взойдет солнце, обсохнешь, отогреешься, и жизнь покажется не такой унылой, уж поверь мне.

– С ума сойдешь тут торчать, быстрее бы смена пришла.

– Что в замке нового? Все в порядке? Все живы, здоровы?

– Все нормально, Фалсо. Все по-прежнему, все при делах. Кто оружие чистит, кто учится метко стрелять. Крис с помощником какую-то сверхсекретную операцию разрабатывают против гарнизона крепости Мейз, Толстяк Панфорто новыми блюдами нас балует.

– Чтобы крепость Мейз атаковать, надо быть сумасшедшим.

– Полностью с тобой согласен.

– Тут нужна целая армия, не меньше.

– Это точно.

– Там одни стены чего стоят, толщиной метров шесть.

– Да, Торбеллино два дня назад из Бельканто свежие новости доставил. Представляешь, заявился бритым наголо, от былой шевелюры только воспоминания остались. Чудной парень. Такие волосы шикарные были, а он взял и одним махом сбрил их начисто.

– Бритым наголо, говоришь, – переспросил Фалсо с задумчивым видом.

– Да! Я его и не узнал, когда он на меня вышел. Чуть было с перепугу не стрельнул в него.

– Эх, жаль, я не знал, а то бы вместе отправились в поход, вдвоем все-таки по горам намного веселее путешествовать, чем в одиночку.

– Да, одному тоскливо в диких горах, можно запросто напороться на медведя или снежного барса, – согласился Чаффи. – У тебя как с табаком? Курить хочется, мочи нет, а курево, как назло, забыл прихватить с собой.

– Держи, – Фалсо извлек из кармана куртки кисет с табаком.

– Ну, спасибо, выручил, – обрадовался часовой, откладывая в сторону карабин. – А я места себе не нахожу, не могу без него, хоть тресни.

– Бросать надо вредные привычки, брат.

– Легко тебе говорить, сам-то чего никак не бросишь?

– Слабый я человек. Силы воли не хватает, чтобы решиться на такой героический поступок.

– У тебя силы воли? – засмеялся повстанец, ловко сворачивая из обрывка бумаги «козью ножку». – Фалсо, дорогой, не смей меня!

– Я не шучу, я серьезно.

Фалсо шелкнул зажигалкой, ярко затрепетал язычок пламени. Чаффи низко склонился, чтобы прикурить, загораживая огонек ладонями от ветерка.

В этот момент на голову часового обрушился страшный удар...

Когда предатель Фалсо и отряд карательной экспедиции перевалили через горный перевал Мурмури, перед ними раскинулась живописная долина, укутанная легким туманом. Среди давно заброшенного старого парка высилось обветшалое здание замка Ариозо. Не успели первые лучи солнца выглянуть из-за скалистых отрогов гор, как долина огласилась звоном птичьих голосов. Над замком из высокой трубы мирно вился сизый дымок.

Когда-то в этом замке жил юноша, талантливый музыкант, безумно влюбленный в прекрасную девушку-певицу. Они любили друг друга и были счастливы. Замок постоянно был полон гостей. Здесь всегда звучали музыка, песни, и никогда не умолкал смех.

Но случилось несчастье. Однажды, будучи в горах на прогулке, молодую пару застал грозой шквал. Они под холодным дождем промокли до нитки и продрогли до костей. Когда влюбленные добрались до замка, у девушки поднялась высокая температура, певица слегла. Она умерла через два дня на рассвете, когда над долиной рассеивается туман и просыпаются птицы.

Замок после смерти девушки мгновенно опустел, здесь больше не звучал ее серебристый волшебный голос. Несколько дней бедный юноша провел в ее комнате, ничком лежа на ее кровати, обнимая ее платья, вдыхая запах навсегда ушедшей из жизни любимой.

Гости разъехались, слуги неслышно бродили по залам замка словно тени, не зная, как помочь убитому горем хозяину. Через несколько дней бедный юноша появился в Розовом Зале, где проходили музыкальные вечера. Он всю ночь как одержимый играл на рояле какую-то безумную музыку, то напоминающую неукротимую бурю, то внезапно переходившую в тихую, медленную, нежную мелодию. На следующий день утром слуги обнаружили его мертвым: он сидел за роялем с окаменевшим несчастным лицом и онемевшими пальцами, взявшими последний аккорд. После его смерти слуги покинули это печальное место. Здесь больше никто не жил. Заброшенный замок со временем пришел в ветхость. Прекрасный парк, полный когда-то редкой растительности и благоухающих цветов, пришел в упадок. Замок стал пристанищем повстанцев, бывшие гвардейцы нашли здесь надежное убежище от ищеек Трайдора.

Отряд Криса насчитывал порядка ста двадцати бойцов. В замке в тот день находилось приблизительно сорок повстанцев, остальные были на боевых постах: некоторые контролировали дороги, некоторые переправляли оружие в город подпольщикам. Замок мирно дремал. Утомленный Крис, уронив седую голову на стол, заваленный бумагами, спал крепким сном. Кабинет был завален ящиками с оружием и боеприпасами, доставленными со «Звездного».

Торбеллино поднялся, как обычно, рано, чуть свет, вместе с первыми птицами. В детстве бабушка называла его «мой милый жаворонок». Сегодня он и Формико, двенадцатилетний сын командира, договорились ранним утром половить золотых карасиков в озере. Но мальчик, как всегда, проспал. А будить его Торбеллино не стал: жалко было тревожить мальчишку, погруженного в крепкий, безмятежный сон. Юноша вышел на широкую террасу. Перед замком, над зеленой узкой долиной, обрамленной со всех сторон горами, повис густой утренний туман. Около получаса наш герой разминался, потом, бросившись в прохладную воду озера, постоял под холодной водой водопада. И тут неожиданно для себя обнаружил за струями падающей воды в скале небольшой грот, о котором раньше и не догадывался, так как его совершенно не видно было со стороны суши. Пройдя сквозь толщу воды, он оказался в пещере, в которой,

к своему удивлению, обнаружил скамейку, стоявшую в глубине. Наверное, раньше водопад был не таким мощным, и здесь уединялись влюбленные, прячась от посторонних любопытных глаз. Выбравшись на берег, он стал одеваться. Туман уже рассеялся, и роса на траве ослепительно заиграла на солнце бриллиантовыми брызгами.

Из замка появился, сладко зевая, Толстяк Панфорто, низенький и кругленький, как пончик, мужчина лет пятидесяти. Он исполнял роль повара в отряде, а когда-то в прекрасные добрые времена в Бельканто у него был знаменитый ресторан «Золотая арфа», в котором собирались художники, артисты, музыканты и многие известные в стране люди. Кухня «Золотой арфы» слыла одной из самых изысканных. Чего только не готовили там, каких только блюд там не подавали. Панфорто был искусным кулинаром и сам выдумывал свои кондитерские изделия. Одних только рецептов тортов он придумал около трехсот. Но времена меняются, вот теперь судьба занесла его сюда, в дикие неприступные горы, в это укромное местечко, где он нашел спасение от злодея Трайдора и его слуг.

– Торбеллино! Принеси дров! – крикнул он, поправляя на голове свой белоснежный высокий колпак, с которым не расставался даже здесь.

Торбеллино отправился в покосившуюся конюшню, где находилась поленица с дровами. Набрал поленьев, он направился к выходу из конюшни и замер...

– Стой на месте! И ни гу-гу! – прозвучал зловещий шепот за спиной, и что-то холодное уперлось ему под лопатку. Торбеллино, вздрогнув, резко обернулся...

За спиной стояли двое горных стрелков. Один из них, здоровенный детина с огромными рыжими бакенбардами, щерил в издевательской усмешке свои редкие прокуренные зубы. Другой был совсем молодой, но тоже дюжий малый.

Наш герой, не раздумывая, вывалил охапку поленьев на грудь капрала и, развернувшись, ударил молодого солдата ногой в подбородок, рванул карабин к себе и обрушил приклад на голову растерявшегося рыжего. Выскочив наружу, юноша выстрелил вверх, подняв тревогу. Выстрел в неподвижном утреннем воздухе был подобен раскату грома. Замок в одно мгновение ожил. Торбеллино мчался, поднимаясь по ступеням длинной лестницы к замку. За спиной загрохотали выстрелы, долина огласилась сплошной адской канонадой.

Неизвестно откуда взявшиеся солдаты, перебегая в парке от дерева к дереву, от укрытия к укрытию, пытались приблизиться к старому зданию. Из окон замка ответили дружным и метким огнем. Нападавшие, потеряв двух человек убитыми, откатились назад. Торбеллино буквально влетел в гостиную, где у окон с ружьями уже расположились его товарищи. По ступеням мраморной лестницы спускался командир повстанческого отряда Крис, на ходу перезаряжая карабин.

– Формико! Быстро на башню! Возьми мою подзорную трубу! Выясни количество нападающих! Бегом! Остальным вооружиться и занять круговую оборону!

Шустрый Формико тотчас бросился наверх по лестнице исполнять указание отца.

– Торбеллино! Джис! Ревидо! Возьмите еще четверых и займите позицию на третьем этаже! Простреливайте все подступы к замку! Похоже, это большая продуманная операция! Вероятно, придется уходить в горы!

Торбеллино и его товарищи бегом поднялись на третий этаж и открыли ответный огонь из окон по наступающим. Помещение вмиг окутало пороховым дымом и поднявшейся удушливой пылью от штукатурки, которая осыпалась под пулями, влетающими в комнату.

– Фалсо! Фалсо! – маленький Формико настойчиво задергал за рукав Торбеллино, пытаясь перекричать грохот выстрелов.

– Что случилось, малыш? – спросил, обернувшись, юноша.

– Торбеллино! Там внизу Фалсо!

– Где внизу? Его схватили?

– Нет, он разгуливает среди солдат и вооружен!

- Не может быть! Тебе показалось!
- Нет, это точно был он! – настаивал на своем мальчик.
- Где ты его видел?!
- Вон там! За тем кипарисом, что у озера! Видишь?
- Дай-ка сюда трубу! – Торбеллино, вооружившись подзорной трубой, стал всматриваться в ту сторону, куда показывал пальцем мальчуган.
- Ах, подлый предатель!! – угрожающе вырвалось вдруг у Торбеллино. – Жаль, что далеко! А то получил бы от меня свинцовый гостинец, негодяй!

За спинами атакующих рядом с двумя офицерами мелькала знакомая фигура Фалсо. Торбеллино сразу узнал связного отряда. Тот, похоже, и не думал изображать из себя никакого пленника, а наоборот, даже руководил наступавшими солдатами, что-то показывал рукой и объяснял высокому усатому полковнику, который командовал горными стрелками.

Перестрелка длилась уже несколько часов. С обеих сторон были раненые. Огонь из замка был такой интенсивный и меткий, что горные стрелки вынуждены были откатиться назад, под надежную защиту мощных деревьев заброшенного парка. Полковник, руководивший операцией, был крайне взбешен и неистово ругался. Он не ожидал получить столь яростный отпор от каких-то жалких бунтовщиков. Он одного не учел, что большинство повстанцев были бывшими гвардейцами и прекрасно знали военную науку. Солидная доля ругани досталась Фалсо и его шефу Рабиозо. Полковник был абсолютно уверен, что неудача по разгрому отряда полностью лежит на их совести.

В полдень Крис, собрав отряд на первом этаже, громко отдавал приказы:

– Уходим через Янтарную Галерею, там разделимся. Так нам будет легче уйти от преследователей. В прикрытии остаются Рико и братья Джис и Ревидо! Потом, уходя последними, они взорвут Хрустальный Свод, чтобы задержать солдат, и догонят нас.

– Командир, у нас четверо раненых, – подал голос помощник командира Валеросо. – У двоих ранения в ноги, передвигаться не могут.

– Понесем на себе. Всем вооружиться, с собой брать только боеприпасы, ничего лишнего! Раненых вперед!

Через полчаса остатки разгромленного отряда собрались у Янтарной Галереи под Хрустальным Сводом. Со стороны замка Ариозо слышна была интенсивная стрельба.

– Даже если взорвем вход в галерею, с ранеными мы все равно не сможем оторваться от преследования, – вновь поднял больной вопрос Валеросо. – Придется принять последний бой.

– Значит, примем бой! – вскипел Крис, разворачивая за плечи к себе своего помощника и глядя тому в лицо воспаленными, от порохового дыма и бессонных ночей, глазами. – Мы все здесь собрались не в бирюльки играть!

– Крис, я думаю, это не лучший вариант. Мы погубим отряд, а погубив отряд, сведем на нет всю нашу борьбу.

– А что ты предлагаешь? Бросить раненых, что ли?

– Мне кажется, их надо спрятать в надежном месте, а самим пытаться вырваться из ловушки.

– Где ты сейчас сыщешь, как ты говоришь, надежное место? – допытывался взвинченный Крис.

– Не знаю! – уже в свою очередь зло огрызнулся Валеросо.

– Вот то-то и оно, – сказал, командир, оглядываясь назад. – Формико! Формико!

– Да, отец! – откликнулся подросток.

– От меня ни на шаг, понял?

– Хорошо.

– Командир, у меня есть план, – неуверенно отозвался Торбеллино, который слышал горячую перепалку командира с Валеросо, и его неожиданно осенила спасительная идея.

– Не тяни, выкладывай.

– Я сегодня утром, когда купался в озере у водопада, обнаружил за стеной падающей воды небольшую пещеру, которую абсолютно не видно со стороны берега.

– И что ты предлагаешь?

Юноша быстро и четко изложил свой план.

– Мне кажется, парень предлагает верный выход – спрятать раненых там, в тайной пещере, – поддержал его Валеросо. – А самим, отстреливаясь, попытаться укрыться высоко в горах.

– Ну, давай, показывай свою берлогу! – сдался командир.

Осмотром грота Крис остался доволен, надежнее укрытия трудно было и представить. Повстанцы бережно перенесли раненых товарищей в пещеру под водопадом. За стеной падающей воды совершенно не было видно, что там находится надежное укрытие.

– Раненых оставляем в тайной пещере. С ними будут находиться Фринго, Панфорто, Грило и Формико!

– Отец! – чуть не плача, подал голос мальчик.

– Еще раз повторяю непонятливым! Остаются с ранеными – Фринго, Панфорто, Грило и Формико! – отдавал последние указания хмурый Крис. – Валеросо со своей группой идет по горной тропе к перевалу Мурмури, а остальные бойцы со мной – по руслу ручья. Связь держать через Рудо.

Миновав Янтарную Галерею, отряды разделились.

– Прощайте, товарищи! Думаю, судьба будет к нам благосклонна, и через неделю-другую увидимся! – сказал командир, вскинул за спину карабин и ступил в бурлящий ручей. Бойцы последовали за ним, стараясь не упасть в стремительный поток, огибая скользкие, поросшие мхом валуны.

Торбеллино с отрядом Валеросо повернул направо и по еле заметной звериной тропе стал подниматься в дикие горы.

Где-то за спиной продолжалась отчаянная перестрелка. Это Рико, Джис и Ревидо сдерживали атакующих солдат. Через некоторое время перестрелка вдруг смолкла, прогремел мощный взрыв, от которого вздрогнула земля. Хрустальный Свод, где когда-то в далекие времена влюбленные произносили признания в любви, перестал существовать. Взрыв преградил путь солдатам, закрыв обломками вход в Янтарную Галерею, по которой ушли повстанцы.

– Черт побери! Мерзавцы! – ругался и в бешенстве топал сапогами полковник, оказавшись перед непреодолимой преградой и глотая удушливую пыль, поднявшуюся после взрыва.

– Они обвели нас вокруг пальца! Чтобы завал разобрать, понадобится часов пять, не меньше, – отозвался расстроенный тайный агент Фалсо.

– Немедленно в обход! Они от нас не уйдут! Фалсо! Показывайте дорогу!

– Легко вам говорить, господин полковник, показывайте дорогу. Кто ее теперь знает, эту дорогу. Грот-то они взорвали. Прохода больше нет. Остается только попытаться обойти вон ту скалистую гряду, и я абсолютно не уверен, что мы сможем ее быстро преодолеть.

– Какого же черта вы с Рабиозо не продумали свой гениальный план до мельчайших деталей! Почему про эту чертову галерею, я узнаю в последний момент, когда по ней спокойно уходят злодеи?

– А кто знал, что они вместо того, чтобы отстреливаться, забаррикадировались в замке, уйдут через проклятую галерею да еще взорвут Хрустальный Свод?

– Кто знал, кто знал? Надо было все варианты просчитать и все предусмотреть! Липовые теоретики! Правильно говорит генерал Перфидо, что Рабиозо – выскочка и последний кретин!

– Полковник, попрошу в моем присутствии не оскорблять шефа!

– Ваш тупой шеф другого отношения и не заслуживает! – резко оборвал его вояка.

– Если бы не он, в стране уже давно бы правили проклятые революционеры, а вы и генерал Перфидо сидели в тюремных камерах Крепости Мейз, – пытался защитить честь своего начальника Фалсо.

– Эй, капитан!

– Да, господин полковник! – отозвался офицер, подбежав на полусогнутых к грозному командиру.

– Поступаете в распоряжение полицейского агента Фалсо! – приказал полковник, смахивая с фуражки осевшую после взрыва серую пыль.

– Слушаюсь, господин полковник!

– Возьмите роту горных стрелков и хоть лоб расшибите в кровь, но живыми или мертвыми добудьте этих молодчиков!

Глава 27. Венто приходит на выручку

Остатки разгромленного в замке Ариозо отряда, преследуемые карателями, преодолев горную грядку, вышли на дорогу. Измученные труднопроходимыми тропами повстанцы с облегчением вздохнули. Идти стало намного легче. Так они добрались до развилки дорог. По какой идти? Одна дорога огибала горы, другая вела через горный массив. Но Валеросо, к всеобщему огорчению бойцов, выбрал еле заметную звериную тропу, чтобы надежно укрыться в горах. Люди были настолько измучены трудным переходом через грядку, что почти падали с ног от усталости, к тому же многие из них были легко ранены. Отряду требовался отдых. Командир решил сделать вынужденный привал.

Торбеллино неотступно преследовала мысль: если враги обнаружат их тропу, повстанцы окажутся в ловушке. Останется только одно – вступить в последний бой. И он принял единственное правильное решение: пожертвовать собой ради спасения своих раненых товарищей. Юноша подошел к командиру и посвятил его в свои планы. Молодой фрид решил, пока не поздно увести карателей по ложному пути. Вооружившись карабином и собрав у товарищей остатки патронов, он побежал по тропе назад. Добравшись до развилки, с которой повстанцы свернули, наш герой тщательно замаскировал следы, оставленные отрядом. Затем прилично наследил на одной из дорог, чтобы создать видимость, что здесь прошла группа людей, и стал дожидаться разведки преследователей, которая не заставила себя долго ждать.

Не прошло и часа, как из-за ближайшего выступа скалы высунулась, взмокшая от жары, красная рожа разведчика, а из-за дальнего поворота показалась фигурка еще одного горного стрелка.

Торбеллино вскинул к плечу карабин и выстрелил, чтобы привлечь к себе внимание. Разведчики открыли ответный огонь и укрылись за обломками скал. Наступила тягостная тишина. Торбеллино быстро побежал, кружась по дороге, стараясь оставить после себя как можно больше следов. Таким образом, отстреливаясь от преследователей, он уводил их по дороге подальше от убежища, где укрылись его раненые товарищи. Но что это?!

Неожиданно за крутым поворотом дорога оборвалась: каменный мост через узкую пропасть снесло обрушившейся сверху лавиной.

Преследователи не показывались, только изредка постреливали, видимо, они прекрасно знали о том, что мост разрушен, что беглецам некуда будет деваться, что отряд оказался в безвыходном положении, и поэтому не спешили с атакой. Так прошло около часа.

Венто мчался на ревущем мотоцикле, выжимая из него всю мощь: он обещал Флай вернуться в Силенто из столицы еще до наступления темноты. За ездоком клубился длинный шлейф пыли. Сзади на багажнике была закреплена большая кожаная сумка с почтой, которую он подрядился доставить из Бельканто в города на юге страны.

Недалеко от развилки дорог его неожиданно остановила рота горных стрелков, возглавляемая долговязым офицером со стеклом в руках.

– Стой! Кто таков?

– Ноктафрат Венто из Силенто.

– Куда направляешься и зачем?

– Везу почту из столицы в Мейби, Силенто и Веер-Блу.

– Слушай, парень, вижу, торопишься! Если хочешь, чтобы мы отпустили тебя побыстрее, ты должен выполнить небольшое поручение. Видишь эту старую заброшенную дорогу, так вот там, за дальним поворотом, за тем уступом скалы засело несколько вооруженных мерзавцев, которых мы разгромили в замке Ариозо. Они нам нужны живыми. У них безвыходное положение, им просто некуда деться. В том месте мост разрушила лавина, и они оказались в ловушке.

Ты должен доехать до них и передать им наш ультиматум. Они прекрасно знают, что им всем – крышка. Я думаю, они примут наши условия и сдадутся!

– Ты понял задание? – спросил агент Фалсо.

– Понял. А если не сдадутся?

– Сдадутся!

– Выполнишь – можешь катиться ко всем чертям, на все четыре стороны! – сказал капитан и грубо подтолкнул Венто в сторону покрытого слоем пыли мотоцикла.

– Дайте ему белый платок, а не то эти ублюдки, чего доброго, угрожают нашего парламентаря, – посоветовал Фалсо.

Солдаты расступились, с любопытством пропуская юношу в черных очках. Многие из них впервые в жизни видели мотоцикл и настоящего живого ноктафрата.

Через секунду взревевший мотоцикл с лихим седоком и белым платком, развевающимся на руле, понесся по горной дороге.

На звук ревуемого мотоцикла из-за скалы показалась фигурка человека с ружьем. Увидев трепещущий на руле платок, стрелок опустил свой карабин и стал ждать приближавшегося мотоциклиста. Подлетев к нему на ревуемой машине, ездок резко затормозил, подняв облако пыли и открыв от удивления рот...

– Торбеллино! Вот так встреча!

– Венто! Венто!

– Дружище, ты как сюда попал?! По этой дороге уже тысячу лет никто не ездит из-за обвалившегося моста.

– А тебя каким ветром сюда занесло?

Друзья крепко обнялись. Венто, беспокойно поблескивая своими черными очками, рассказал о своих приключениях, как он оказался в руках горных стрелков и с каким поручением его прислали.

– Значит, говоришь, они думают, что нас здесь много и хотят повстанцев захватить живыми. Нет, живым я им не дам. Я знаю, для чего я им нужен живым. Чтобы выведать все секреты повстанцев. Они с помощью Доктора Энви заставят меня развязать непослушный язык. А ученый злодей это умеет, ему только попадись в лапы.

– Торбеллино, что же делать! Не бывает безвыходных ситуаций! – Венто в возбуждении ходил взад-вперед. Подойдя к краю обрушившегося моста, он посмотрел в зияющую пасть пропасти, где далеко внизу серебристой змейкой поблескивала на солнце река.

– Торбеллино! – воскликнул он. – А что если попробовать на моем «звере» перелететь на ту сторону пропасти? Тут не больше восьми метров. Мне кажется, если будет хороший разгон, то мы можем запросто перелететь на ту сторону.

– Нет, это слишком опасно. Я не могу рисковать твоей жизнью.

– Ну, дружище, давай попробуем! – и Венто настойчиво затряс за плечи помрачневшего Торбеллино.

– Нет, дорогой, подумай о Флай. Если случится беда, она останется совершенно одна.

– Черт побери! – выругался Венто, в сердцах топнув сапогом.

– Вот если бы нашлась веревка...

– Торбеллино, верно! Нужна крепкая веревка! Я один перепрыгну на мотоцикле через пропасть, а потом переброшу с той стороны тебе ее конец. И все дела!

Венто запустил двигатель.

– Ты куда?

– Я сейчас вернусь! Скажу, что тебе необходимо обдумать их предложение! Главное – потянуть время! А заодно поищу веревку!

– У тебя золотая башка, старина! – в восхищении произнес Торбеллино, выслушав план друга.

– А ты сомневался?

– Действуй, пожалуй, другого выхода у меня нет!

В одну секунду ноктафрат был уже в седле мотоцикла, через мгновение Венто исчез за гранитным выступом скалы.

Подъехавшего мотоциклиста сразу же обступили со всех сторон любопытные солдаты.

– Ну, что ответили на ультиматум эти мерзавцы? – полюбопытствовал капитан, нервно постегивая себя по начищенному до блеска сапогу стеклом.

– Они передали, господин офицер, что подумают над вашим милостивым предложением, просили, чтобы через час я приехал за их окончательным ответом.

– Однако, каковы наглецы, а! Вы слышали? – усмехнулся самодовольный солдафон, поворачиваясь к своим подчиненным и тайному агенту. – Они заставляют ждать, а я ведь могу и рассердиться. А я в гневе страшен! О, как я в гневе страшен!

Услышав тираду самодовольного дурака, Фалсо презрительно хмыкнул, достал из серебряного портсигара папиросу и закурил. Он был недоволен проведенной операцией, по его мнению, она была провалена еще в самом начале из-за безалаберности разведки. В мыслях он уже представил, как будет беситься и выпрыгивать из штанов Рабиозо, когда узнает, что Крис со своим отрядом, оставив базу, бесследно растворился в неприступных горах.

Венто, заглушив двигатель, стал со скучающим беззаботным видом слоняться среди бивака горных стрелков в поисках веревки. Но поиски ни к чему не привели. Веревки, как назло, нигде не попадалось. Около полевой кухни, где крутился упитанный солдат в белом поварском колпаке и переднике, он заметил две повозки с запряженными лошадьми. Венто моментально оказался рядом с поваром. Поболтал с ним о погоде, о маленьких детишках, о жене, которые ждут и не дождутся дорогого папашу из похода. Усыпив пустой болтовней бдительность солдата, Венто некоторое время покрутился около повозок с провиантом. Пока повар колдовал у огромного котла, он незаметно срезал поводья на обеих упряжках и запихнул ремни под кожаную куртку.

– Где этот прохвост в черных очках? – неожиданно раздался визгливый голос капитана, который стоял у мотоцикла и озирался, стеклом нервно выбивая дробь по кожаному пыльному сидению. Увидев ноктафрата, он набросился на него с упреками:

– Где тебя черти носят? Ну-ка, живо слетай к ним! Отведенный им час уже давно прошел! Гони и скажи, что нам надоели их фокусы! Если будут продолжать упрямяться, потом жестоко пожалеют!

– Хорошо! Я мигом, господин капитан! Оглянуться не успеете!

– Смотри, поверю, хвостун! – криво усмехнулся офицер.

– Да, передай, что у нас вот-вот лопнет терпение, – добавил тайный агент полиции. – Мы не будем с ними тут валандаться до скончания века!

Венто несся, будто за ним гналась свора свирепых собак, выжимая из своего мощного мотоцикла всё, на что тот был способен. На бешеной скорости он вылетел из-за поворота и помчался к злосчастному обрушенному мосту... Мгновение... И он уже с машиной завис над глубокой пропастью. Седок и его железный конь как бы замерли в воздухе. Эти секунды Торбеллино показались целой вечностью. Наконец заднее колесо мотоцикла коснулось поверхности дороги, машину занесло на песке, и Венто упал на левый бок, ободрав в кровь колено. Освободившись от своего «тяжелого друга», он, прихрамывая, подбежал к краю обвалившегося моста. Расстегнул куртку и вытащил поводья. Крепко связал концы ремней, получилось что-то наподобие длинной веревки, конец которой он перебросил через пропасть Торбеллино. Тот, закинув карабин за спину, затянул петлю из ремня у себя на левой руке и ждал, когда Венто приготовится к его прыжку. Венто, упершись ногами в остатки каменных перил моста,

ждал рывка, который должен был последовать. Торбеллино решил с разбега не прыгать, так как это только усугубило бы их положение. Рывок будет так силен, что Венто может не удержаться и тоже улететь в пропасть вслед за ним. Он натянул ремень, тихонько оттолкнулся от края моста и полетел на ту сторону. Резкого рывка не последовало, Венто ощутил только тяжесть друга, но ему стоило больших усилий вытянуть того наверх.

– Венто! Что у тебя с ногой? – юноша, оказавшись на другой стороне моста, бросился к сидевшему на земле ноктафрату. Колено у того было в крови.

– Пустяки, ободрался слегка.

– У тебя же кровь идет! Необходимо срочно перевязать!

– Не обращай внимания, – оборвал ноктафрат, стискивая от боли зубы. – Посмотри, там где-то в дорожной сумке аптечка была.

Торбеллино кинулся к брошенному мотоциклу за аптечкой.

Перевязав бинтом пострадавшую ногу, он помог другу подняться.

– Нет, ничего не выйдет, – сказал, морщась, Венто. – Похоже, нога сломана.

– Как сломана? – Торбеллино растерянно уставился на ноктафрата.

– Ну чего стоишь? Помоги поднять мотоцикл и садись за руль, а то мне будет трудно управлять. Не разучился еще ездить?

– Обижаете, дорогой учитель!

– Надо поскорее сматываться отсюда, пока там не поняли, что их обвели вокруг пальца.

Молодой фрид запустил двигатель. Мотоцикл недовольно взревел, почувствовав в седле чужака.

– Спокойно, не спеши, сбрось обороты. Здорово не гони и внимательно смотри за дорогой. На ней полно ям и колдобин. Надеюсь, что до Бельканто доедем без приключений, в целости и сохранности.

В столицу они въехали поздним вечером, когда улицы уже опустели. Торбеллино отвез друга к знакомому доктору. К счастью, у Венто оказался не перелом, а всего лишь вывих ноги. Опытный доктор в одну секунду поставил ноктафрата на ноги.

Глава 28. Город Ноузгей

После разгрома повстанческой базы в Замке Ариозо прошло две недели. За это время разрозненные группы повстанцев воссоединились. Отряд Криса обустроил новую базу в пещере у Черных Скал. Здесь повстанцы чувствовали себя в полной безопасности, так как предатель Фалсо ничего не знал о существовании этого убежища.

После неудачи Фалсо ходил как в воду опущенный. Схлопотав нагоняй от Рабиозо, он потерял аппетит и сон. Целыми днями напролет он рыскал по столице в поисках молодого фрида. Сыщики Флари и Восто втихомолку радовались, что фаворит шефа провалил столь ответственную операцию. Не все коту масленица!

Вернемся же к нашему герою. Интересно, чем он занимался все это время? Оказывается, юноша в это время был не в Бельканто, а на севере страны. Торбеллино в приподнятом настроении возвращался в столицу из командировки, из отряда легендарного моряка Велы, с которым наладил надежную связь. Отряд северных повстанцев располагался в суровых труднодоступных горах недалеко от заброшенного форта Алармо.

Несколько слов о форте Алармо. Почему он был заброшен? Трагедия случилось много лет назад, когда на форт неожиданно обрушилась снежная стихия. Целую неделю завывала выюга, забрасывая форт снежными хлопьями, а потом вдруг резко ударил страшный мороз, который в одно мгновение убил все живое не только в форте, но и в округе. Защитники форта так и остались на своих местах, где их застала безмолвная ледяная смерть. Кто замерз в караулке у ворот, кто на крепостной стене, кто в помещениях крепости. Зрелище это было не из приятных, напоминало сказку о заколдованном замке, где окаменели все его обитатели.

Сюда постоянно наведывались бойцы отряда. Здесь повстанцы добывали недостающее оружие, боеприпасы и пополняли запасы провианта из крепостных кладовых, раскапывая в плотном снегу и вырубая во льду подходы к дверям помещений. В форт, который стали называть «Ледяное безмолвие», Торбеллино довелось выбираться вместе с боевыми товарищами несколько раз. Это были походы за оружием и боеприпасами, которые уже не нужны были погибшим обитателям сторожевого форта.

В Ноузгее, Городе Цветов, который оказался на его обратном маршруте, он провел всего полдня, хотя тут было, что посмотреть. Город у моря всегда был весь в цвету. Дома утопали в изумрудной зелени. Это завораживающее зрелище. Страстью горожан было разведение цветов. Город представлял собой огромный букет всевозможных цветов, благоухание которых чувствовалось на несколько километров. Над городом стоял пчелиный звон и веселый птичий щебет.

Но самой яркой достопримечательностью горожан было выращивание карликовых деревьев. Представьте, вы попадаете в гости к кому-нибудь из жителей Ноузгея, и первое, что вас поражает, это обилие в доме цветов. Все подоконники и полки уставлены большими и маленькими цветочными горшками. Балконы, лестницы и внутренние дворики увиты вьющимися растениями. Но особенной чертой каждого жилища является обязательно одно или несколько карликовых деревьев. Они обычно в доме занимают самое почетное место и считаются бесценными, так как эти деревья передаются из поколения в поколение. Некоторым из них по несколько сотен лет. Высотой самые большие из деревьев не больше семидесяти сантиметров. Представляете, вы видите перед собой яблоню или абрикос высотой пятьдесят сантиметров, которые цветут или увешаны крошечными плодами. Это бесподобно! Жители города – величайшие садоводы и страстные цветоводы. Чтобы вырастить карликовое дерево, надо приложить огромное старание и обладать терпением и трудолюбием. Горожане увлекаются также

выращиванием арбузов, дынь, тыкв, придавая им всевозможные затейливые формы, то в виде куба, то в виде гантели.

В городе есть улица, на которой живут только «охотники за растениями». Чтобы добыть росток, пригодный для создания карликового дерева, необходимо отправляться на поиски этих самых ростков. А найти их можно только далеко на севере, за фортом Алармо, в районе Мыса Трех Братьев, где дуют пронизывающие холодные ветра, где очень суровый климат, который преобразует весь растительный мир тех краев. Там все растет очень медленно, укрываясь от бешеного холодного ветра, стелясь ближе к земле. У этих растений очень маленький рост и необычайно причудливые формы. За ними и отправляются «охотники за растениями», но найти дерево интересной формы и маленького росточка оказывается не так-то просто. Это большая редкость и ценность. Когда растение, добытое на Мысе Трех Братьев, пересаживают а фарфоровую плошку, оно, чувствуя тепло, начинает очень быстро расти. Вот в этот момент нужны опыт и терпение настоящего садовода. Дереву прищипывают часть лишних ветвей и подрезают корни, чтобы оно не получало в избытке питательных веществ, иначе оно начнет неудержимо расти.

Город со всех сторон окружает высокая живая стена. Кусты тиса, из которых она состоит, посажены много лет назад. Высота изгороди более десяти метров, а ширина два с половиной метра. Подстригают ее с помощью специальных лестниц команды садоводов.

Город находится на берегу залива Слезы Осени. Свое название залив получил благодаря кленам, окаймляющим его побережье. Осенью разноцветный ковер из желтых и красных кленовых листьев устилает поверхность залива. Но многие иначе понимают это название. Они утверждают, что это название появилось после трагедии, разыгравшейся в водах залива пятнадцать лет назад. Тогда осенью мятежной эскадрой Гавилана здесь были потоплены корабли, преданные правителю Синсеро. Клены словно оплакивают и скорбят по погибшим морякам, павшим в сражении с Черным Адмиралом.

В Ноузгее несколько раз в год проходили знаменитые турниры по Ноузгейскому теннису, на которые съезжались любители и спортсмены со всей страны. Трайдор был ярким поклонником игры. На соревнования диктатор выезжал со всей своей свитой. Спортивный праздник в городе проходил целых две недели. Несколько слов о правилах Ноузгейского тенниса. Он чем-то напоминает большой теннис. Тоже мяч, ракетки. Только здесь нет сетки, как в большом теннисе. А есть две стены, соединенные под прямым углом, а перед стенами высокий постамент, высотой около метра. Сама игра идет на площадке напротив стен, играют два игрока, которые поочередно бьют по мячу, направляя его в стену. Иногда игроки умышленно бьют по мячу так, чтобы он, ударяясь в одну стену, отлетал, меняя траекторию, в другую, а от нее уже далее... Высокий постамент затрудняет специально игру, игрокам приходится много передвигаться по площадке и часто запрыгивать на постамент, чтобы отразить слабый отскок мяча. Эти частые моменты с постаментом здорово выматывают игроков. Опытные теннисисты умудряются создавать для своих соперников такие ситуации очень часто за игру, подтачивая их выносливость. Игра очень азартная и зрелищная. Есть ряд интереснейших правил, свойственных только этой яркой игре, но не будем отвлекаться и вернемся к нашему герою.

Глава 29. Бласфемо или сделка с дьяволом

На дорожном тракте между Бельканто и Ноузгеем находилась Таверна Толстяка Авидо, которая с давних времен пользовалась довольно дурной славой. Очень часто на этой дороге случались грабежи и убийства. Люди старались засветло добраться до таверны, чтобы здесь найти надежное убежище от грабителей, так как в округе бесчинствовали шайки разбойников Одноглазого Бласфемо и Малбено. Никто не подозревал, что таверна является самым настоящим разбойничьим гнездом. Здесь частенько происходили жестокие стычки между двумя враждующими шайками из-за добычи.

На четвертый день до Таверны Толстяка Авидо юношу подвез на своей телеге добродушный местный фермер, который доставил хозяину заведения партию свежего мяса и несколько мешков муки. Начинало смеркаться, о дальнейшем пути не могло идти и речи. Торбеллино решил заночевать на постоялом дворе при таверне. Наш герой в знак благодарности угостил доброго фермера ужином и чаркой превосходного вина. После ужина утомленный Торбеллино поднялся в отведенную ему крохотную комнатку на втором этаже. Кроме узкой кровати и старого рассохшегося шкафа в комнате ничего не было. Пахло чем-то приятным, напоминающим запах чайных роз. Он запер дверь на засов и, не раздеваясь, прилег на кровать. Не прошло и нескольких минут, как его сморил глубокий сон. Ему приснилось чудесное сновидение. Перед ним был Залив Одиноких Сердец, Маяк Старого Галса. Они с Джой, счастливые, бегут по песчаному берегу, который лижут ласковые волны, а вдоль берега, соревнуясь с ними, плывет, выпрыгивая из воды, кувыркаясь через голову, Веселый Малыш. Потом в морской дымке показался далекий парус, скоро превратившийся в гору белых парусов. Слышался скрип снастей и грубый голос невидимого боцмана, который громко ругался. Голос был похож на голос Грозера, боцмана с фрегата «Пари». Чудеса на этом вдруг закончились. Голубое небо и Джой с Малышом куда-то исчезли, появилась огромная вспененная волна, она нависла над ним и через секунду обрушилась на него своей тяжестью. Что-то больно ударило его в бок, потом еще раз, голова налилась свинцом, стало трудно дышать, будто какая-то злая сила сдавила грудь. Юноша рванулся, пытаясь освободиться...

Торбеллино очнулся от бешеной тряски. Но проснулся не на кровати в номере гостиницы, а привязанным к мулу, который не спеша цокал копытами по пыльной дороге. Тупо болела голова, юноша с трудом повернул ее и огляделся по сторонам. Животное под уздцы вел какой-то вооруженный небритый детина в мятой фетровой шляпе с пером, обутый в высокие сапоги с ботфортами. За мулом шли еще двое вооруженных до зубов головорезов, которые громко спорили и ругались. Было уже светло, над синими отрогами далеких гор поднимался ярко-красный диск солнца. На придорожных кустах и траве заблестели бисеринками капельки утренней росы.

Послышался приближающийся конский топот, разбойники свернули с дороги на еле заметную тропинку и укрылись в густом кустарнике, недалеко от дороги.

Мимо, в сторону Ноузгея, проскакал конный отряд, человек десять-тринадцать.

Разбойники снова вывели мула с привязанным к нему бедным юношей на дорогу и спокойно продолжили путь.

– Нигде от них покоя нет, – выругался низенький с упитанной красной физиономией и копной пшеничных волос.

– Не спится им, проклятым, – согласился напарник.

– Мы тоже не спим.

– Мы не спим, потому что работенка у нас ночная.

– Кого-то ищут, должно быть? – отозвался тот, который вел мула.

- Кого они могут еще искать? Всех уже переловили и пересажали.
- Не всех значит.
- Ну, кого еще не посадили?
- Нас, Джерико, – захихикал низенький.
- Ха-ха! Ну ты рассмешил до слез, – взвизгнул от восторга Джерико.
- А кроме нас еще Бласфемо и Малбено с его отъявленными головорезами.
- Нас еще могут посадить, а вот Бласфемо и Малбено – глубоко сомневаюсь.
- Почему же, Паоло? Ап-чхи! – любопытствовал низенький, громко чихнув.
- А кому это надо?
- Трайдору это точно не нужно. Ему даже на руку, когда мы грабим простой народ.
- Ты, Джерико, настоящий политик. Тебя за твои крамольные речи и рассуждения точно когда-нибудь повесят или упекут на каторгу на остров.
- Балда ты, Фернандо.
- Сам – балда, – огрызнулся низенький.
- Ну-ка, хватит спорить, шум и гам подняли на всю округу, – рассердился Паоло.
- Не пора ли нам, братцы, привал устроить? Я дюже проголодался да и устал пешком тащиться! – пожаловался Джерико, почесывая живот. – А чего мы его тащим, в конце концов? Давайте продадим его кому-нибудь, а деньги поделим поровну.
- Ты, Джерико, совсем опупел! Бласфемо тебе продаст, уши-то в один миг обрежет.
- Он не узнает.
- Бласфемо хоть и одноглазый, но видит всех насквозь, так что обманывать его тебе не советую. Добром не кончится, – пояснил назидательным тоном Фернандо.
- Это точно, обманывать нашего главаря – это все равно, что на бочке с порохом костер разводить. Ты молодой еще, Джерико, глупый. Еще не знаешь, каков Бласфемо в ярости.

Связанного Торбеллино разбойники доставили напрямик в апартаменты атамана – Одноглазого Бласфемо, которые располагались в рыцарском зале старого заброшенного форта Адиос. Главарь разбойничьей шайки «Ночные гости» со скучающим видом сидел в роскошном кресле, несмотря на жару, у горящего камина и потягивал из кубка красное вино, опустив в таз с теплой водой длинные тощие ноги. Последнее время его здорово мучили приступы подагры. Стоящий за его спиной слуга изредка подливал в тазик из кувшина горячую воду.

– Неплохой улов, – сказал атаман, окинув цепким взглядом ладную фигуру юноши. – Надо премию выписать Толстяку Авидо: за неделю четверых постояльцев нам подарил. Судя по скромной одежке, выкуп мы за него точно не получим, так что Паоло придется тебе добычу сбегать в Карамбу на невольничий рынок.

– А если я сам за себя дам выкуп? – отозвался Торбеллино, у которого не было никакого желания оказаться в Карамбе. У него затеплилась слабая надежда на освобождение.

– Ха! Ха! Ха! Сколько же ты стоишь? – расхохотался Джерико. – У тебя в кармане и трех медяков не нашлось, когда мы тебя захватили.

– Я серьезно, господа! Честное слово! Надеюсь, сундука с золотом хватит? Хотя там сундуков наберется с десятков-другой.

– Сундук золота у какого-то бездомного нищего бродяги? – присвистнул носатый Фернандо.

– Что б мне провалиться на этом месте!

– Чуть сивой кобылы! Хочешь обвести вокруг пальца старого лиса Бласфемо? Не выйдет! Не на того напал! – криво усмехнулся главарь и отхлебнул из серебряного кубка.

– Если б вы мне поверили, господин Бласфемо, вы стали бы самым богатым человеком на всем белом свете.

– Эти все бабушкины рассказы, паренек, побереги для своей любимой мамы и своих юных подружек.

– Клянусь! То, что я сказал, истинная правда.

– Доказательства! Где доказательства, дорогой? Что язык сразу прикусил?

– Да, где доказательства? – повторил, как попугай, Джерико.

Наступило продолжительное молчание. Торбеллино вдруг осенило.

– Доказательства можно увидеть на моей бедной спине.

– Загадками говоришь. Что там у тебя на спине? Нарисованная карта, где зарыт клад?

Ну-ка, ребята, развяжите этого шута горохового! Посмотрим его спину!

Разбойники бросились выполнять приказ грозного главаря. Освободив юношу от веревок, задрали ему на спине вверх рубаху.

– Дааа... крепко досталось... – протянул разбойник, увидев белые следы от рубцов на спине Торбеллино.

– Теперь верите, что я был галерным гребцом у пиратов? Я знаю кое-что об их золоте. Ну, так как насчет выкупа? Слабо?

– Ты, сопляк, не стоишь и острия моего кинжала.

– Кинжал как кинжал. Ничего особенного.

– Ха! Ха! Ха! Вы слышали? – бросил Бласфемо, обернувшись к своим подручным. – Да этому кинжалу цены нет, к твоему сведению!

– Почему же? Чего в нем такого особенного?

– А это клеймо видел?

– Да таких я видел сотни, – сказал Торбеллино.

– Сотни... – протянул удивленный разбойник. – Где?

– В Карамбе у каждого пирата клинок с клеймом.

– Э, нет, тут ты глубоко заблуждаешься, дорогой. Такого ни у кого нет!

– Почему?

– Этот кинжал изготовлен не оружейниками города Веер-Блу, а тысячи лет тому назад древними чучеванами! Гляди вот сюда! Видишь, на лезвии изображение орла, несущего копье, это клеймо великого мастера Кукрито!

– Откуда он у вас? – полюбопытствовал наш герой.

– Он был привезен из таинственной Долины Фараонов двести лет назад известным исследователем профессором Консило и долгое время хранился в историческом музее в Бельканто, а откуда уже попал ко мне на вечное хранение. Ха! Ха-ха!

– Так это тот самый, знаменитый на всю страну клинок – Папарана? Тот, который бесследно пропал?

– Он самый! – довольный произведенным на юношу эффектом одноглазый атаман широко заулыбался.

– Тот, что одним ударом перерубает рыцарские мечи и панцири?

– Ха! Ха! Ха! Жалкие панцири? Мечи? Да им можно пушку перерубить пополам, если хочешь знать!

– Пушку?

– Не веришь? А это видел?

Бласфемо сделал неумолимый взмах кинжалом, и стоящий у камина манекен в рыцарских доспехах прямо на глазах ахнувших присутствующих развалился на две части.

– Ничего себе... – вырвалось у пораженного увиденным Торбеллино.

– Смотри, какой он острый, это тебе не бритва! Это похлеще самой острой бритвы будет!

Бласфемо оглянулся по сторонам в поисках какого-нибудь подходящего предмета. Но ничего не нашел. Тогда он взял со стола белую салфетку, подбросил ее высоко вверх над

столом и вытянул вперед руку с обнаженным кинжалом. Легкая салфетка, падая, слегка коснувшись лезвия, в одно мгновение превратилась в две салфетки.

Атаман разбойников, довольный произведенным на всех эффектом, пригубил кубок с вином.

– Господин Бласфемо, ну так как насчет сундука? – вновь задал вопрос, переминаясь с ноги на ногу, наш герой.

– Ты мне лапшу на уши не вешай, парень! Знаешь, что бывает с теми, кто обманывает Бласфемо?

– Что?

– Живые завидуют мертвым, птенец! – отрезал разбойник.

– Я нисколько не сомневаюсь в ваших способностях, – попытался польстить атаману разбойников юноша. – Но я вам предлагаю серьезную сделку.

– Ладно! Выкладывай, где прячешь свое заветное золотишко и бриллианты!

– Поклянись только, что не обманете и отпустите меня.

«Ночные гости» удивленно и испуганно переглянулись между собой, Паоло фыркнул, а Фернандо даже многозначительно pokrutil пальцем у виска.

– Я обману? – вскочил как ужаленный одноглазый разбойник, разбрызгивая воду из таза. – Ты меня пытаешься смертельно оскорбить, парень! Да Бласфемо честнейший человек на всем белом свете! Зачем ему обманывать, он и так все возьмет, что ему понравится! Обманывают, когда боятся или хитрят! Клянусь моей дорогой любимой мамочкой! – разбойник от переполняющих его чувств даже прослезился.

– Хорошо, я вам верю, господин атаман. Слушайте, уж так и быть открою вам тайну самого Малисиозо.

– Малисиозо? Пирата?

– Да, того самого, я у него был личным рабом и посвящен во все его тайны.

– Ой! Свистишь, парень! Тех, кто знал его тайны, давно уже акулы съели! – брякнул из угла Фернандо.

– Он пытался меня убить, но мне удалось по счастливой случайности спастись.

Бласфемо, услышав имя грозы всего западного побережья, небезызвестного капитана Малисиозо, весь напрягся. Чтобы о тайне не узнали посторонние, велел своим подручным и слуге убраться из зала и плотно прикрыть за собой двери.

– Садись напротив и выкладывай все начистоту, – распорядился хозяин форта Адис, извлекая волосатые мокрые ноги из тазика и вытирая их махровым цветастым полотенцем.

Торбеллино, устроившись за массивным дубовым столом, заставленным винными бутылками и закуской, во всех подробностях поведал атаману шайки о тайной пещере Малисиозо, где жестокий пират прятал свои несметные сокровища, о свирепых братьях-циклопах, о своем спасении.

У Бласфемо от рассказанного зачесалась лысина, и засверкал бриллиантом его единственный глаз. Разбойник заерзал в глубоком кресле, предвкушая, как запустит свои волосатые руки в чужие сундуки с несметными драгоценностями. Ему не терпелось немедленно отправиться за сокровищами знаменитого пирата.

– Ну, смотри, паршивец, если ты обманул меня, ты жестоко пожалеешь. Ну-ка, смотри мне в глаза! Меня не проведешь! Еще никому не удавалось мне соврать!

Он уставился в лицо юноши, сверля его насквозь своим глазом.

– Мдаа... ты сказал правду, – заключил он через минутную паузу. – Меня за всю мою жизнь обманул только один человек...

– Кто?

– Не поверишь, моя дорогая матушка. Она, когда умирала, открыла мне страшную тайну. Она была большая грешница. Я всю жизнь считал себя сыном отважного мореплавателя, адми-

рала Лакроссо, а оказалось, что моим отцом был лысый парикмахер Папетти с соседней улицы. От него, как видишь, я унаследовал эту блестящую лысину, высокий рост да жадность. Представляешь, какой это был удар! Я бросил учебу, убежал из дому и стал разбойником с большой дороги!

Торбеллино, с интересом слушая откровения растроганного разбойника, сочувственно кивал.

– Да, вам не позавидуешь, такой удар по неокрепшей детской психике. Мальчишки всегда мечтают, чтобы их отцы были смелыми и отважными героями. Но если посмотреть с другой стороны, на всех ведь не напасешься героев-отцов. Где их столько взять? У меня вот, например, отец был простым моряком, и я нисколько не убиваюсь из-за этого. Так что ничего страшного, господин Бласфемо, не случилось. Все лечится. Обратитесь к доктору Кордиале, что живет в Бельканто на улице Примулы. Он вам, думаю, поможет поставить психику на место. Кордиале здорово разбирается в этих вопросах, доктор исцелил меня, когда я, парализованный, не мог пошевелить ни ногой, ни рукой. Даже, помню, из-за переживаний хотел свести счеты с жизнью.

– Ладно, парень, катись на все четыре стороны! Благодарю святых, что я сегодня в хорошем настроении. И не попадайся больше моим лихим молодцам в лапы. Как, ты говоришь, зовут твоего столичного доктора?

– Кордиале...

– Эй, Паоло, Фернандо, Джерико!! – громовым голосом позвал разбойник своих подшефных, которые в это время, прижав плотно уши к двери, пытались хоть что-нибудь услышать из разговора Торбеллино и Бласфемо.

Разбойники с пылающими от смущения физиономиями, потупив глаза, появились в рыцарском зале.

– Бережно возьмите свою драгоценную добычу под локотки, с оказанием высоких почестей выведите его за ворота форта и дайте ему хорошего пендаля, чтобы летел отсюда, не оглядываясь! Поняли?

– Шеф, это мы с превеликим удовольствием!

Разбойники из шайки «Ночные гости» четко, по полной программе, выполнили распоряжение Одноглазого Бласфемо. Они вывели пленника за широкие крепкие ворота форта и наградили юношу чувствительным пинком пониже спины.

Торбеллино от непередаваемого ощущения вновь обретенной свободы даже не обиделся на них. Он припустил подальше от проклятого форта Адиос и его лихих обитателей.

Глава 30. Три брата. Венгадор

Дорогие читатели, давайте с вами совершим небольшой экскурс в прошлое, вернемся на пятнадцать лет назад. Когда-то в Бельканто на Улице Осенней Улыбки в аккуратном двухэтажном каменном домике жили три брата. Старший из них, Росио, слыл талантливым художником, он целыми сутками пропадал на чердаке, где у него размещалась уютная светлая художественная мастерская. Его картины были почти в каждой столичной семье. Говорят, что они оказывали на людей волшебное лечебное воздействие: лечили от многих недугов, от одиночества, от тоски. Они несли ощущение тепла, радости и даже ощущение запахов луговых цветов, утренней свежести...

Средний брат, Бижу, был знаменитым музыкантом и певцом. Его веселые песни распевали по всей стране, его мелодии зажигали сердца людей, лица их расцветали, точно цветы, становились добрее.

Сонриса, так звали младшего из братьев, писал изумительные стихи, почти все свои песни Бижу сочинил на слова своего брата. Братья были дружны и неразлучны. Несколько раз в году в поисках вдохновения они уезжали из столицы далеко на север, за форт Алармо. Здесь на высоком берегу разбивали небольшую палатку и жили по нескольку недель, вслушиваясь в звуки рокочущего прибоя. Это место в народе так и называли – Мыс Трех Братьев.

Удобно устроившись перед этюдником, Росио быстрыми движениями кисти набрасывал детали будущей картины. Сонрису всегда сопровождал Бижу: юный поэт в детстве после тяжелой болезни полностью потерял зрение. И мир, который остался в его памяти, был миром трехлетнего мальчика. Он смутно помнил яркое солнце, милое лицо матери, зеленую траву... Теперь он мир познавал на ощупь. Часами он ходил по лесу, запоминал, сколько шагов до тропинки, до ручья... Выработывал у себя зрячую походку.

Росио постоянно испытывал недовольство собой, его преследовало вечное стремление к совершенству. Он подолгу вынашивал произведения в голове и уже написанные картины выдерживал годами в мастерской, перед тем как их кому-нибудь показать.

Мятеж, возглавляемый генералом Трайдором, застал Росио в городе Брио, где состоялось открытие выставки его последних живописных работ. Вернувшись через несколько дней в столицу, он был поражен мрачной атмосферой, царящей в Бельканто. Домой он так и не попал: друзья заранее предупредили его, что художественная мастерская и картинная галерея разгромлены, картины сожжены, а братья арестованы, что ищейки диктатора ищут его, чтобы тоже арестовать. Укрывшись у верных друзей, художник очень переживал разлуку с братьями. Как они там без него? Ведь он был им скорее отцом, чем старшим братом. После смерти родителей вся забота о младших братьях легла на его крепкие плечи.

Спустя несколько дней томительного ожидания Росио не выдержал. Переодевшись в нищего старика, тщательно загримировавшись, он вышел на улицу. Надвинув на глаза потрепанную старую шляпу и опираясь на костыль, старший брат доковылял до набережной, внимательно вглядываясь в окружающее. За рекой простиралось Поле Искусств. Теперь оно представляло собой живой пестрый ковер. Это несколько тысяч узников томились прямо под открытым небом. Росио заметил: на краю поля недалеко от берега на столбе, к которому в праздники привязывали яркие воздушные шары, висит подвешенный за руки, окровавленный человек, на груди которого болтается разбитая гитара.

Росио тогда еще не знал, что человек с разбитой гитарой был его родной брат, замученный озверевшей солдатней диктатора Трайдора.

С тяжелым сердцем и мрачными мыслями он вернулся в свое убежище. На следующий день друзья поведали ему всю правду о том, как погибли Сонриса и Бижу.

Чтобы поднять настроение и сплотить людей, согнанных на Поле Искусств, Бижу взял гитару в руки и запел всеми любимую песню...

Несколько тысяч человек хором подхватили знакомый мотив. Разъяренные охранники долго пытались пробиться к популярному певцу через толпу. Лишь только открыв стрельбу по людям, они смогли схватить нарушителя спокойствия. Они остервенело топтали и били прикладами юношу и его звонкий музыкальный инструмент, а потом мертвого повесили вместе с изуродованной гитарой на столбе в назидание другим, запретив под страхом смерти приближаться к убитому.

Слепой Сонриса был застрелен в упор, когда вытянув руки вперед, бросился на голос умирающего брата.

Узнав о гибели своих братьев, Росио замкнулся и молча просиживал перед чистым холстом, который ему достали друзья, чтобы как-то отвлечь его от тяжелых переживаний. За эти несколько дней он очень сильно изменился, стал замкнутым, улыбка навсегда исчезла с его лица, седина заметно тронула голову. И однажды друзья не обнаружили его в укромном жилище, где он скрывался. Он исчез неизвестно куда. Больше никто из них художника никогда не встречал.

Спустя некоторое время, после серии взрывов и дерзких нападений на ряд высокопоставленных государственных чиновников, по стране поползли невероятные слухи о каком-то неуловимом бесстрашном мстителе по имени Венгадор, личном враге диктатора Трайдора.

Венгадор прохаживался по набережной в ожидании кареты палача Вердуго, на руках которого была кровь многих и многих замученных патриотов. В стареньком потертom портфеле лежала бомба. Уже несколько дней Венгадор, прогуливаясь здесь, караулил своего злейшего врага, чтобы отомстить за смерть братьев. Наконец-то в полдень он увидел знакомую черную карету, приближающуюся в сопровождении шестерки вооруженных верховых. Расстегнув портфель, он запустил туда руку. Когда карета поравнялась с ним, мститель с силой швырнул под нее свой смертоносный груз...

Раздался оглушительный взрыв, разметавший в стороны охранный эскорт палача. Карета опрокинулась, двое охранников упали, сраженные, с лошадями. Раненый Венгадор, задетый одним из отлетевших осколков, схватился за голову и медленно сполз вдоль чугунной ограды на булыжную мостовую.

В это время двигавшийся навстречу по набережной дилижанс с пассажирами понесли испуганные кони. И он, врезавшись на скорости в гранитный парапет набережной, проломив ограждение, рухнул вниз. Из быстро погружающегося дилижанса послышались душераздирающий женский крик и детский плач. В мгновение собралась большая толпа горожан, в ужасе глядя вниз на реку, на вспененное пятно, где только что исчез под водой дилижанс.

Торбеллино после работы в тесной душной типографии вышел, как обычно, прогуляться по набережной. Все произошло прямо у него на глазах. И неожиданный взрыв, и опрокинувшаяся карета, и рухнувший в реку дилижанс... Наш герой, подстегнутый женским криком и детским плачем, которые продолжали звенеть у него в ушах, протиснулся сквозь возбужденную толпу, столпившуюся на набережной, и, как был в одежде, бросился вниз. Вода обожгла его ледяным холодом, быстрое течение реки и одежда затрудняли движения. Наконец он с трудом различил в мутной воде лежащую на боку карету. Подплыв, рванул на себя дверцу, но безуспешно. Она не поддавалась, вероятно, ее заклинило. Тогда он с огромным усилием разбил окно ногой и проник внутрь. Пассажиров было шестеро, они в неестественных позах плавали внутри утонувшего дилижанса. Торбеллино удалось изнутри открыть дверцу. Схватив два маленьких легких тельца, он выбрался наружу. Всплыв на поверхность, где на набережной собралась внушительная толпа горожан, юноша передал детей на руки ожидавшим и снова исчез в мутных водах Браво. В этот раз фрийд появился с молодой женщиной на руках, вероятно, матерью

маленьких детишек. Потом он нырял еще несколько раз. Последним из спасенных оказался плотный пожилой господин с обвисшими седыми бакенбардами. Бережно передав его спасателям, которые тут же начали делать пострадавшему искусственное дыхание, наш герой обессиленный, с трудом выбрался на берег и в полном изнеможении опустился на гранитные ступени лестницы. Кровь из рассеченного лба (он в мутной воде ударился об угол крыши дилижанса) заливала ему глаза. Торбеллино весь посинел от холода, его трясло, как в лихорадке. Кто-то заботливо накрыл его пледом. Когда спасенных привели в чувство и им была оказана первая помощь, к нему подошел пожилой доктор, чтобы перевязать его сильно кровоточащую рану.

В этот момент к месту происшествия, расшвыривая направо и налево любопытных зевак и спасателей, сквозь толпу пробилось с десятков вооруженных полицейских во главе с офицером и сыщиками Восто и Флари.

– Взять его! – отдал приказ подчиненным, свирепо вращая глазами, офицер, остановившись перед лежавшим без сознания Венгадором. Жандармы подхватили мстителя под руки и поволокли к подъехавшей полицейской карете.

– Этого тоже хватайте! Это опасный государственный преступник! – вытаращив глаза на спасителя пассажиров, завопил Вост. Ищейка тайного сыска сразу же признал в раненом юноше неуловимого Торбеллино, за которым так долго охотилась охранка.

– Хватайте его! – не унимался сыщик. – Это опасный государственный преступник!

– Именем закона, ты арестован! – заверещал Флари, крепко вцепившись в мокрую одежду бедного юноши. Несколько полицейских, не раздумывая, бросились исполнять приказ.

– Господа, погодите минуточку, он же ранен, я его сейчас перевяжу, – возмущенно воскликнул сердобольный доктор, пытаясь закончить перевязку раненого юноши.

– Пошел прочь, старый хрыч! – бесцеремонно оттолкнув его в сторону, офицер со злобью пнул докторский саквояж и наступил на упавшие на мостовую докторские очки. Стеклашки жалобно хрустнули под тяжелым сапогом солдафона.

На потерявшего много крови Венгадора и Торбеллино надели наручники, швырнули в полицейскую карету и увезли в городскую тюрьму. Там задержанных поместили в одиночные камеры.

Допрашивать юношу примчался в тюрьму лично шеф тайной полиции Рабиозо. Известие об аресте Торбеллино привело его в неопишемую радость. В первую очередь полицейского интересовала подпольная типография, деятельность которой так выводила из себя диктатора Трайдора. Но арестованный юноша наотрез отказался отвечать на его вопросы.

– Значит, не хотите отвечать, молодой человек? Ну-ну... – лицо Рабиозо перекошилось от раздражения, но он тут же придал ему прежнее спокойное выражение. – Продолжаете упорствовать. Это вам не поможет. Мы о вас очень многое знаем. Наш агент Фалсо давно уже водит вас за нос, жаль вот, что с разгромом Замка Ариозо мы немножко поспешили, а то бы вы все выложили ему.

– Фалсо еще ответит за свое подлое предательство и гибель наших товарищей, – вырвалось у Торбеллино.

– Ну, это ваши с ним дела. Меня это, честно сказать, совершенно не интересует. Мне не дает покоя ваша типография. Вы такой юный, у вас вся жизнь впереди, неужели вы хотите одним росчерком пера перечеркнуть все прекрасное, что вас еще ждет впереди? – тихим вкрадчивым голосом продолжал «окучивать» опытный сыщик молодого повстанца, жалобно поблескивая стеклами своего пенсне. – Наверное, и любимая девушка у вас есть? Ведь она, бедняжка, будет страшно страдать и не переживет, если вас посадят в тюрьму. От вас ведь ничего не требуется, всего лишь назвать один адресок и все. И мы вас, дорогой юноша, сразу же отпустим домой, и никто никогда об этом не узнает. А я, клянусь, тут же забуду наш разговор. И вы будете счастливы с любимой. Заведете пару-тройку, а посчастливится, и дюжину милых веселых кара-

пузов. Ведь мы вас не обидим, от нас вы уйдете не с пустыми руками. Вы станете в одно мгновение обеспеченным человеком на всю оставшуюся жизнь. Представляете, как будет этому рада ваша вторая половинка?

– Не дождетесь!

– Я не буду вас торопить, молодой человек, подумайте. Хорошо подумайте. Не прощаюсь. Завтра я вновь навещу вас. Надеюсь, вы за ночь все обдумаете и примете правильное и единственно верное решение, от которого зависит будущее не только ваше, но и вашей ненаглядной девушки.

Железная дверь за шефом тайной полиции захлопнулась, заскрежетали задвигаемые засовы. Торбеллино откинулся на жесткую подушку, потрогал рукой марлевую повязку на голове.

– Каков хитрый лис, – пробормотал он. – Красиво говорит, можно заслушаться, будто в углу сети плетет паук. Но зря старается. Не на того попал, господин полицейский. Нашей типографии ему не видать как своих ушей.

Глава 31. Крепость Мейз

Состоявшийся на следующий день диалог Рабиозо и схваченного революционера ни к чему не привел. Арестованный наотрез отказался говорить. Никакие ухищрения, никакие угрозы, никакие заманчивые предложения – ничто не помогло сдвинуть следствие с мертвой точки. С чарующей улыбкой, еле сдерживая ярость, шеф тайной полиции покинул камеру Торбеллино. Через три дня закованного в кандалы юношу осудили как опасного государственного преступника и отправили в Крепость Мейз.

Побеги из Крепости Мейз казались совершенно невозможными. Непрístupная крепость располагалась на скалистом берегу Залива Реминор, ее высокие толстые стены проходили по самому берегу, так близко к воде, что оставалась лишь узкая полоска земли у основания стен. В бурю волны неистово ударялись в мрачные стены крепости. Толщина и высота стен исключали всякую возможность их пробить или перелезть через них. Поверху постоянно ходили часовые.

Мысли заключенных о побегах из крепости никогда не умирали, а вынашивание самых фантастических планов побегов не прекращалось. Особенно рождались планы о побеге с наступлением весны, страстно хотелось сбросить долой цепи и обрести свободу.

После продолжительного допроса Торбеллино был помещен в одну из камер, где находились арестанты, осужденные пожизненно. Большинство из них были бывшими гвардейцами, защищавшими когда-то дворец Мудрого Синсеро от мятежников.

– Как тебя зовут, парень? За какие грехи тебя уперли в этот «каменный мешок»? – спросил крепкий седой узник, присаживаясь рядом с Торбеллино на тюремные нары.

– Торбеллино.

– Торбеллино?! погоди, погоди, парень. Ты случаем не из людей Криси? Не правда ли? – обрадованно воскликнул мужчина, и его широченная ладонь опустилась на плечо юноши. – Рассказывай, как вы там?

– А вы кто? – настороженно взглянув на собеседника, задал вопрос Торбеллино.

– Я?! Я – Осадо! Полковник гвардейцев!

– Как Осадо? Тот самый полковник Осадо?

– Да, дорогой! Да, тот самый! – улыбнулся обезоруживающей улыбкой седой. – Не веришь? Спроси у остальных или у проклятых псов-тюремщиков.

Торбеллино, широко улыбаясь, с восхищением, во все глаза смотрел на высокого заключенного с гривой седых волос. Так вот он какой, тот самый полковник Осадо, о котором в народе ходят легенды.

– Ты чего, парень? Очнись! – рассмеялся Осадо. – Все еще не веришь?

– Верю...

– Братцы! Подойдите ближе, – позвал сокамерников полковник. – Это свой парень. Из отряда Криси.

Узники плотным кольцом окружили Торбеллино и своего вожака. Всем было интересно услышать о событиях, происходящих на воле за стенами мрачной крепости. Они забросали юношу вопросами.

– Ну, давай рассказывай! Да, не бойся, тут в каземате все свои, в основном, бывшие гвардейцы. Большинство осуждены на пожизненный срок и смертельно ненавидят диктатора Трайдора.

– Мы тут рады любой весточке оттуда, из-за этих безмолвных каменных стен.

– Как там на воле?

Узники с горечью восприняли рассказ о разгроме южной повстанческой базы в замке Ариозо, чертыхаясь и сжимая от бессилия кулаки.

– Значит, кто-то их предал, – изрек бывший полковник. – В наших рядах, товарищи, завелся «крот». Выходит, южного отряда уже не существует. Да, это большая и невозполнимая утрата.

– Их предал Фалсо, один из бывших связных, который...

– Ты уверен? Откуда знаешь? – прервал юношу похожий на скелет узник с большими живыми глазами на бледном лице.

– Я его видел за спинами горных стрелков, когда те атаковали замок Ариозо. Да и на моем допросе шеф полиции Рабиозо проговорился.

– Отольются ему еще наши слезы. Достанем предателя из-под земли, – угрожающе произнес один из заключенных.

– До нас дошли слухи, что в Бельканто после покушения на палача Вердуго был схвачен неуловимый мститель Венгадор. Это правда? – задал вопрос полковник. – Что ты нам можешь об этом сообщить? И вообще, кто он такой, этот Венгадор?

– Откуда взялся? Он не из вашего отряда?

– Нет, для нас это тоже загадка, – ответил юноша.

– Мы тоже пытались разузнать о нем из надежных источников, но пока безрезультатно, – сказал Осадо.

– Нам только известно, что он среди бела дня застрелил на бульваре генерала Турменто, который руководил карательной экспедицией в город Брио, – сказал Торбеллино. – Это он взорвал казарму на Арсенальной улице, а в день чествования Трайдора заклеил его бронзовый памятник листовками, затем напал на жандармский участок и уничтожил документы, хранящиеся там. Но никто из наших его не знает и никогда не встречался с ним.

– Может, Моряк Вела о нем в курсе?

– Я был недавно у него в отряде. Моряк Вела и его люди тоже ничего о Венгадоре сказать не могут.

– Тогда выходит, что это мститель-одиночка, которому чем-то досадил Трайдор и его приспешники, – сделал вывод Осадо, в раздумье потирая широкий лоб.

Прозвучал отбой. Узники легли спать. А юноша и полковник еще долго в темноте у решетчатого окна, через которое заглядывала бледная луна, тихо беседовали. Торбеллино рассказал командиру гвардейцев про подземный ход, который патриоты пытаются прорыть от кофейни Рудо к казематам крепости, чтобы освободить повстанцев.

– Значит, Рудо пытается к нам пробиться под землей. Славно, славно. Ты очень меня обрадовал, парень. Выходит, нам необходимо ему как-то помочь. Но как это сделать?

На следующий день, к большому огорчению Осадо и Торбеллино, юноша из камеры государственных преступников был переведен в общую камеру. Здесь надо было быть настороже. Помимо политических заключенных тут сидели и отъявленные уголовники и просто «стукачи», которых специально подсаживали к заключенным, чтобы знать о них все, черпать ценную информацию и быть в курсе их планов. Первую неделю Торбеллино внимательно присматривался к обитателям застенка, потом сдружился с одним из них. Молодого человека, к которому юноша проникся уважением, звали Фиера. Он был моряком на одном из военных кораблей эскадры адмирала Гавилана. Балагур Фиера никогда не унывал и в тайне вынашивал мысль о побеге. У одного старого вора он выменял на свой серебряный медальон отмычку, с помощью которой собирался открыть дверные запоры. Остальные обитатели камеры давно смирились со своей участью и похоронили несбыточные мечты о побеге.

– Фиера, за что тебя упекли на десять лет в тюрьму? – поинтересовался как-то юноша у нового друга.

– Ха! За что? За пьяный мой язык!

– Не понял?

– Пару месяцев тому назад в Ноузгее нас с корабля отпустили на берег в увольнение. Мы на радостях крепко выпили в портовом кабаке, навсегда запомню его смешное название, он назывался «Здесь сбываются мечты». Представляешь?

– На самом деле необычное название, – согласился Торбеллино.

– Так вот, выпил в компании веселых ребят, и черт меня за язык дернул. Взял и высказался нелицеприятно о персоне Трайдора, о своем желании свернуть правителю за его подлые деяния собственными руками шею. И что, ты думаешь, было потом?

– Что же было потом?

– Спустя час после моего заявления меня арестовал наряд полиции, предъявив обвинение в государственной измене!

– Тебе не позавидуешь, – посочувствовал молодой фрид.

– Вот так сбываются мечты! Если тебя когда-нибудь выпустят отсюда, никогда не заходи в кабак под названием «Здесь сбываются мечты»!

По ночам в течение двух недель Фиера и Торбеллино пытались разобрать потолок в камере. Работа представляла колоссальные трудности: приходилось работать без необходимых инструментов. С наступлением рассвета нужно было замаскировывать проделанное отверстие в потолке. Когда беглецы выбрались на чердак, выяснилось, что необходимо прорезать без шума лист железной крыши, с которой юноши рассчитывали по заготовленным из белья веревкам спуститься на землю, чтобы потом подняться на крепостную стену. Пришлось вернуться в камеру. Только после того как Фиера похитил из крепостной больницы скальпель, снова была совершена вылазка на чердак, а затем через вырезанное отверстие на крышу. На этом и закончилась попытка выйти на свободу. Часовые на крепостной стене увидели беглецов и открыли по ним стрельбу. Наши герои вернулись в камеру. При досмотре камеры тюремщиками все заключенные оказались в ручных и ножных оковах, кроме Торбеллино и Фиеры, так как они освободились от них перед началом попытки побега. Нарушителей посадили в карцер, но и тут молодые люди не теряли надежды.

На этот раз было задумано совершить побег из сырого темного карцера. Ленивые стражники крепко проспали всю ночь, уверенные, что в карцере все спокойно, а под утро они, к своему ужасу, обнаружили, что запоры карцеров взломаны и решетка в конце коридора частично распилена. Однако в обоих карцерах арестанты оказались на месте. В результате расследования этого случая выяснилось, что в полночь один из узников отпер отмычкой дверь своего карцера и освободил товарища. Совместными усилиями они открыли дверь в общий коридор. Из коридора друзья проникли через взломанную ими дверь в соседний коридор, а оттуда они предполагали попасть на крепостную стену и спуститься на берег. Взлом крепкой решетки затянулся до самого рассвета, и беглецы вынуждены были вернуться в свои карцеры с разбитыми надеждами.

После продолжительной отсидки в холодном карцере наших героев вернули обратно в общую камеру. Неделю они были тише воды, а потом взялись за старое, за подготовку очередного побега. На этот раз все было продумано до мелочей, осталось только дожидаться следующей ночи и осуществить задуманное.

На утро в крепости Мейз была объявлена тревога. Торбеллино и Фиеру выдал «стукач», один из обитателей камеры, специально посаженный к заключенным. Он накануне ночью подслушал разговор друзей. Фиеру поместили на неделю в мрачный сырой карцер, а Торбеллино – в одиночную камеру, находящуюся в Восточной Башне крепости.

Глава 32. Дерзкий побег

В соседней камере от Торбеллино обосновался знаменитый вор, гроза банковских сейфов, великий «медвежатник», Пройдоха Рискидо. С самого рождения, как себя помнил, он только и делал, что воровал. Все, что плохо лежало, он тащил в дом. Несчастные родители не знали, что и делать со своим непутевым любимым чадом. Никакие крепкие взбучки, ни какие усердные уговоры не помогали. Им постоянно приходилось, сгорая от стыда, извиняться перед бедными соседями, подвергшимися набегам их отпрыска, и возвращать пострадавшим ворованное. Видя, что из мальчишки в жизни ничего путного не получится, что подобную черту характера никак не исправишь, никакими силами не изживешь, родители смирились и решили отдать свое драгоценное «сокровище» в ученики известному в округе вору Дукату. Но учению суждено было окончиться в первый же день. Шустрый мальчуган, соорудив наивную мордочку, поинтересовался у учителя, сможет ли тот незаметно вытащить яйцо из-под птицы. Нашли в лесу подходящее невысокое дерево с гнездом. Высокомерно хмыкнув, маэстро скинул свои новенькие лаковые сапоги и стал осторожно карабкаться на раскидистое дерево. Когда же он, торжествующий, с яйцом в руках спустился на землю, то не обнаружил ни маленького ученика, ни своих сапог. Оскорбленный до глубины души вор сообщил родителям Рискидо, что такого пройдоху, как их сын, он видит впервые в жизни, что такой редкий талант надо беречь.

Рискидо был так талантлив, что его периодически и подолгу «берегли» в тюрьме, давая передохнуть банкам, магазинам и рынкам от его постоянных визитов. Единственной слабостью, которая очень мешала таланту Рискидо совершенствоваться, была неукротимая страсть к выпивке. Об этом скоро прознали владельцы крупеньких капиталов и использовали эту слабость в борьбе с ним. В сейфах вместе с деньгами и драгоценностями они стали хранить вино. Стоило нашему герою вскрыть очередной сейф и обнаружить там заветную бутылку, он сразу забывал обо всем на свете и, напившись, тут же на месте преступления засыпал мертвецким сном. И в результате просыпался либо в полиции, либо уже в камере тюрьмы.

В этот раз он опять попал в крепость по причине бутылочной слабости. Его просторная ухоженная камера никогда не запиралась, так как он все равно каким-то неведомым образом умудрялся открыть самые надежные запоры.

Торбеллино давно присматривался к своему знаменитому соседу напротив. Неожиданно у него зародился план побега. Сторожа частенько тайно проносили Пройдохе Рискидо выпивку, хотя это строго запрещалось. Ночью юноша с помощью перестукивания связался с камерой ниже этажом и передал своим товарищам, что ему срочно необходимы деньги для побега. На следующий день во время прогулки во дворе крепости друзья незаметно передали Торбеллино пару золотых монет. Вечером он окликнул дежурившего охранника и, показав тому золотой, попросил достать хорошего вина и закуски. Просьба была незамедлительно исполнена. На очередное дежурство Лунатик, так прозвали стражника заключенные, явился с бутылью ароматного зелья. Всю ночь Торбеллино не спал, обдумывая план предстоящего побега во всех деталях. Днем Лунатика сменил охранник Толстощекий Томми, который имел привычку на службе постоянно дрыхнуть. Побродив с час по коридору, Томми присел на стул и через мгновение громко захрапел, что он делал регулярно во время своего дежурства.

Молодой фрид приблизился к двери камеры и тихонько постучал пальцами по решетке. Рискидо, сладко зевавший и от скуки слонявшийся из угла в угол, прекратил зевать и взглянул в сторону противоположной камеры. Он увидел, что сосед делает ему какие-то отчаянные знаки и призывно помахивает бутылкой вина. Рискидо как ветром сдуло с насиженного места и через мгновение он прилип к решетке чужой камеры.

– Можешь открыть, – шепотом спросил Торбеллино, указывая глазами на замок. Пройдоха, небрежно хмыкнув, сразу как-то оживился, раздумячился, маленькие глазки на широком лице заблестели. Он достал из тайного кармашка жилетки тонкую блестящую проволочку, сделал на конце ее замысловатую завитушку и, сунув в замочную скважину, повертел ею. Дверь камеры с протяжным стоном распахнулась настежь. Дрожащая рука вора потянулась к бутылке, но та исчезла за широкой спиной хозяина. Обескураженный Рискидо вопросительно взглянул голубыми наивными глазками на юношу. Тот кивнул в сторону окованной двери, маячившей в конце длинного полутемного коридора, которая вела из Восточной Башни на крепостную стену. Она всегда была заперта. Торбеллино не помнил, чтобы ее когда-нибудь, пока он здесь находился, открывали. То ли считали, что это ни к чему, то ли давным-давно потеряли от нее ключ. Приблизившись на цыпочках к двери, узники оглянулись на стражника, но Толстощекий Томми по-прежнему сладко посапывал во сне, изредка вдохновенно похрюкивая и повизгивая. Поколдовав несколько секунд над запором, Рискидо выпрямился и с торжественным видом толкнул массивную железную дверь. Та со страшным скрежетом в заржавленных петлях с трудом приоткрылась. В образовавшемся проеме мелькнули кусочек голубого неба и узкая полоска моря. От произведенного дверью скрипа заключенные в испуге обернулись.

Оторопевший Толстощекий Томми с выпученными из орбит глазами, открыв от удивления маленький рот, неподвижно сидел на своем стуле, молча уставившись на них. Рискидо быстрым неуловимым движением руки выхватил из рук юноши бутылку с вином и мгновенно исчез в своей камере.

Торбеллино, не раздумывая, выскочил на крепостную стену. Слепленный ярким солнцем, юноша побежал в сторону дальней башни, нависшей мрачной тенью над водной гладью залива, судорожно доставая из-за пазухи самодельную веревку, скрученную из полосок изрезанного матраца.

За спиной ударили выстрелы, пули защелкали, высекая искры, ударяясь в позеленевшие от времени гранитные плиты рядом с беглецом. Крепость мгновенно оживила от полуденной спячки, словно растревоженный муравейник. Протрубил тревогу трубач, громко ударил сигнальный колокол. Поднялась невероятная суматоха, по всем этажам забегали встревоженные, перепуганные охранники.

До башни, с которой собирался спуститься, Фрид не добежал всего несколько десятков метров, так как впереди возник грозный силуэт часового. Сзади тоже слышался топот охранников. Его окружали. Оставалось одно – прыгать с крепостной стены вниз, в волны прибоя. В отчаянии Торбеллино отбросил теперь уже ненужную веревку и, сильно оттолкнувшись ногами от парапета, ласточкой взмыл вверх и упал в темнеющую внизу воду. Вынырнув на поверхность, он под щелкающими выстрелами быстро достиг берега и скрылся в густых зарослях, подступающих близко к воде. Он несколько не сомневался, что за ним отрядят погоню. Необходимо было быстро и как можно дальше уйти от преследователей, пока у них неразбериха. Главное – найти надежное убежище, где можно временно спрятаться и отсидеться. Кофейня Рудо, где он собирался на первое время укрыться, теперь отпадала. Сейчас, когда за ним гонится целая свора охранников, просто опасно подводить своих товарищей, поэтому он все дальше и дальше углублялся в лес, продолжая бежать, не сбавляя быстрого темпа. В груди бешено колотилось сердце, прерывалось дыхание, гулко стучала кровь в висках...

Глава 33. Колдун Френеза-Дио

Через некоторое время Торбеллино почувствовал вдруг навалившуюся на него смертельную усталость, с каждым шагом бежать становилось все труднее и труднее. Только сейчас он заметил, что серьезно ранен. Силы начали совсем покидать его, когда он оказался среди заброшенных руин Древнего Храма, затерянного в диком лесу. Словно расплывчатый мираж, перед ним возникли стройные ряды колонн, горделивые арки. Многие колонны с консолями прекрасно сохранились, по-прежнему поражая стройностью линий и изяществом орнаментов. Обессиленный Торбеллино, задыхаясь, еле волоча ноги, ввалился в развалины храма и в изнеможении опустился на поросшие мхом плиты.

Через некоторое время беглец открыл глаза и осмотрелся. Он находился в одном из залов храма. Потолок и стены зала были покрыты еле различимыми фресками, затронутыми временем, пол усеян обломками плит и статуй. В проломе высокого потолка виднелся небольшой клочок голубого безоблачного неба, оттуда же проникал и узкий яркий пучок солнечных лучей, играя на барельефах древних стен. В глубине помещения в полумраке одной из ниш показались очертания чьей-то темной фигуры. Послышалось невнятное бормотание. Торбеллино весь напрягся, всматриваясь в приближающуюся к нему фигуру. Перед ним возник сгорбленный белобородый старец с безумными красными глазами. Он был одет в черную длинную до пят мантию. Седые волосы, волнами ниспадавшие на худые плечи, и огромная борода отливали серебром. Беглец от наплывшего страха замер. Перед ним стоял, вперив в него свои ужасные глаза, известный всей стране колдун и маг Френеза-Дио. Отшельник, великий врачеватель, ища уединения, давно обосновался в этих безмолвных развалинах Древнего Храма. Люди, боясь встреч с безумным стариком, здесь почти не бывали. Наведывались лишь тогда, когда теряли последнюю надежду на свое выздоровление или своих близких. Тогда пересиливая страх, они обращались за помощью к старому колдуну, который никогда в помощи не отказывал.

– Кто ты? – раздался тихий скрипучий голос старца.

– Я... За мной гонятся!.. – выдохнул Торбеллино, зажимая сырой скомканной одеждой кровоточащую рану на груди.

– Молчи, несчастный! Опустить руку! Тебе уже лучше, кровь уже остановилась, ты полон сил! – бормотал безумный колдун, протягивая к нему свою дрожащую старческую руку с длинными тонкими пальцами. И на самом деле, Торбеллино неожиданно почувствовал себя намного лучше, силы возвращались к нему.

Вдруг где-то неподалеку, совсем рядом, послышались чьи-то возбужденные голоса, и топот сапог гулким эхом отозвался под сводами разрушенного храма. Это была погоня! Торбеллино вздрогнул и тревожно оглянулся в поисках надежного укрытия.

– Следуй за мной, – проскрипел Френеза-Дио и, повернувшись к нему спиной, прошаркал негнувшимися ногами в сторону темной ниши. Дрожа всем телом, юноша послушно последовал за ним.

– Стань на плиту! Не бойся, здесь они тебя не найдут!

Раненый фрид шагнул на серую гранитную плиту, испещренную какими-то древними письменами.

– Да простят меня Великие... за то, что я нарушил древнюю тайну! – пробормотал колдун.

Неожиданно каменная плита, на которой Торбеллино стоял, дрогнула и начала медленно опускаться вниз. Когда движение плиты приостановилось, беглец очутился в темном сыром подземелье, слабо освещенном светом, падающим сверху.

– Сойди с плиты! – раздался эхом голос старика. Юноша выполнил указание колдуна. Плита тут же стала плавно подниматься вверх, и он остался один на один с непроглядной темнотой. Он устало опустился на холодный каменный пол и стал прислушиваться к гулким звукам, доносившимся откуда-то издалека. Чувство страха и ощущение опасности не покидали его.

Запыхавшиеся от продолжительного бега преследователи вбежали в просторный зал, где только что находился раненый беглец. Отряд охранников под командованием помощника коменданта крепости, капитана Бесто, сопровождал известный сыщик Флари, который сосредоточенно водил своим крысиным носом из стороны в сторону, настороженно принюхиваясь к незнакомым запахам. В полиции поговаривали, что у него чутье лучше, чем у самой залуженной полицейской собаки. Когда-то в далеком детстве он трехлетним ребенком, играя, нечаянно засунул в нос винтик от детского конструктора, который там и остался. Малыш часто страдал заложенностью носа и хроническим насморком, родители замучились таскать бедное дитя по детским докторам, светилам науки, знахарям и старым лечащим бабкам. Ничего не помогало: никакие лекарства, никакие прогревания, никакие капли, хоть тресни. Когда ему исполнилось четырнадцать лет, при чихании винтик сам выпал из его ноздри. И о чудо! Обоняние у Флари восстановилось, мало того, настолько обострилось, что он мог теперь чухать запахи на больших расстояниях, как пес Трезор, живущий в подворотне. А уж отличить запах одних духов от других, это для него вообще не составляло никакой трудности. Его гениальные способности быстро оценили и стали часто приглашать местные парфюмеры, чтобы он дал оценку их новым дамским духам. В Департаменте тайной полиции он оказался по личной рекомендации Рабиозо, которому такой уникам нужен был позарез.

Оказавшись в разрушенном древнем храме, участники погони наткнулись на дряхлого сгорбленного старика, сидевшего в дальнем углу на обломке плиты и мирно кормившего с ладони белых голубей.

– Эй! Старикан, ты не видел здесь раненого бродягу в полосатой робе! – прогремел под сводами зала зычный голос грубияна Бесто. Но старик и ухом не повел, даже не удосужился поднять головы и продолжал невозмутимо заниматься своим делом.

– Ты что, глухой?

– Не видишь, кто перед тобой? – возмущенно пискнул Флари, вытирая платком пот со лба.

– Может, не желает отвечать! – выдал один из охранников.

– Если так, то я развяжу его упрямый язык! – капитан было уже замахнулся здоровенным кулачищем, когда вдруг раздался какой-то странный звук, напоминающий погремушку. Из складок черной мантии появилась небольшая гремучая змея и с шипением быстро поползла вверх по руке старика и исчезла в длинных прядях седых волос, рассыпавшихся по плечам. Бесто с Флари остолбенели, а солдаты в испуге шарахнулись в сторону выхода.

– Отвечай, сумасшедший старик! – крикнул рассерженный не на шутку капитан, наставив на старика заряженный пистолет.

Но тут произошло невероятное. Старый дед поднял седую голову и спокойно взглянул на грубого неотесанного солдафона, и в это мгновение рука Бесто, сжимающая грозное оружие, сама собой стала медленно сгибаться и разворачивать дуло пистолета в сторону своего же хозяина. Присутствующие, вспоминая, клянутся, что глазам своим не могли поверить, они стояли, завороченно наблюдая за происходящим. Бесто стал белым как полотно, лицо исказилось гримасой. Он затрясся, пытаясь выпрямить руку, но ему это не удавалось.

Непокорная рука с пистолетом неуклонно продолжала свое движение в сторону груди капитана. У него от испуга отвисла и задрожала нижняя челюсть, и вылезли глаза из орбит. Вот-вот раздастся выстрел!

Старик отвернулся от незваных пришельцев и стал, как ни в чем не бывало, кормить голубей, которые ничуть не испугались шумных посторонних людей и продолжали клевать с ладони хлебные крошки.

В это мгновение рука бессильно опустилась, тяжелый пистолет выскользнул из нее и с громким стуком упал на каменные плиты. Бесто и остальные с облегчением вздохнули, на их лицах проступили капельки холодного пота. Первым пришел в себя предводитель отряда.

– Ну его к лешему! Пошли дальше, – зло буркнул взмокший Бесто, увлекая за собой отряд. – Я чувствую, что преступник где-то здесь! Наверняка затаился в какой-нибудь щели!

Пистолет так и остался лежать на каменных плитах, офицер побоялся его поднимать. Обыскав в храме и вокруг разрушенного храма все закоулки, облазив колючие заросли, Бесто с Флари пришли к выводу, что выживший из ума колдун где-то надежно спрятал беглеца. И они решили устроить засаду, выставив караулы вокруг руин древнего святилища. Они были уверены: рано или поздно беглец попытается выйти из укромного убежища.

Глава 34. Подземная река

Утром из походной палатки, что стояла у развалин древнего храма, шурясь от дневного света, выбрался заспанный Флари. Неимоверно раскалывалась голова от выпитого вчера вина. Страшно мучила жажда, хотелось пить. Сыщик оглянулся по сторонам в поисках бочонка с водой. Бочонка он не обнаружил, а обнаружил вчерашнего собутыльника – капитана Бесто, который сидел у потухшего костра и громко храпел, уронив взлохмаченную голову на грудь. От его свирепого храпа перепуганные воробьи на кустах сбились в стайку и замерли, боясь лишний раз чирикнуть.

– Бесто! Просыпайся, черт возьми! Пора обход развалин делать!

– Кто? Чего? Где я? – уставившись квадратными мутными глазами на приятеля, еле ворочая языком, забормотал опухший Бесто.

– Я так больше не могу! У меня здоровье не такое железное, как у тебя! – запричитал Флари. – Торчим тут который день, а толку никакого! Ты как хочешь, а я возвращаюсь в Бельканто. У меня там поважнее дела есть, чем ловить этого беглого парня!

– Ну и катись! Без тебя справимся! – разозлился помощник коменданта крепости Мейз. – Тоже мне напугал! Слабак!

– Тут можно целую вечность проторчать, – заныл Флари. – А у меня от сырого тумана насморк хронический может появиться, так можно и работу навсегда потерять.

– Ладно, поговорим об этом за обедом! Сильно расстроил ты меня, Флари! Думаешь, мне охота гоняться за всякими повстанцами? Как только поймает беглеца, я сразу же подам рапорт. Устал, хочу в отпуск. Поеду к своему приятелю Брицоне, коменданту форта Теруро. Он давно меня приглашал к себе в гости на охоту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.